www.lgz.ru

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 6 (6009)
16–22 февраля 2005 г.

Газета основана в 1830 году при участии А.С. ПУШКИНА

Издание возобновлено в 1929 году при поддержке М. ГОРЬКОГО

Выходит по средам

В НОМЕРЕ:

Конституцию тронут? стр. 2

Пёс Барбос и наболевший вопрос стр. 4

Литературная критика как любимое занятие интеллигенции стр. 7

В Камергерском переулке вырос «Лес». И какой! стр. 10

Владимирский централ. Книги редкие стр. 12

Авторы и герои номера: Николай Некрасов, Николай Скатов, Артур Миллер, Валентин Берлинский, Игорь Воеводин, Вадим Рабинович

Некоммунистический союз молодёжи

Каким-то хитрым образом в нашем общественном сознании издавна мирно существуют два противоположных взгляда на молодёжь.

С одной стороны, вечная надежда, что вот уж вырастет новое поколение – непоротых, с выпрямленным позвоночником, не знавших каменного пожатия десницы тоталитарной идеологии – и скажет миру новое слово, и построит мир согласно этому слову.

С другой стороны, привычным стало разочарование в молодых людях, которые ничем не радуют взрослых и оказались вовсе не такими, какими их ожидали и хотели видеть. Сегодня заканчивает институты и выходит в жизнь поколение тех, кому в 1991 году было всего-то лет десять, а то и меньше. То есть уже свободных, инициативных, не скованных советскими догмами. Сколько надежд было связано с ними, когда менялась страна! И что мы имеем? Социологи горестно констатируют, что для этого поколения идеал – «иметь всё и сразу», а вовсе не собственное дело, которое позволит заработать.

Что большинство интересует не работа сама по себе, а должность и зарплата.

Что очень сильны желание получать какие-то льготы и преференции, надежды на помощь сверху. Во главе угла – собственная личность, а образцы – те, кто способен жить и действовать «с позиции силы». Прав тот, кто продемонстрировал своё влияние, свои возможности, своё богатство.

Очень слабо у молодых желание что-то переменить в устройстве существующей жизни, хотя оно вовсе не вызывает восторга и уважения. Зато очень сильно желание «вписаться», устроиться, стать своим там, где всё есть. То есть хочется не протестовать против несправедливостей и несовершенств, а приспосабливаться, не бороться, а найти своё место. Что поделаешь, на их глазах их родители на собственной шкуре испытали все прелести чудовищного социального неравенства и торжества несправедливости. И они сделали выводы. Те, что смогли. И что из этого следует? Лишь то, что нам очень многое не дано предугадать. И молодёжь всегда вырастает просто другой, а не той, какой её хотели видеть. То есть она не хуже и не лучше, а иная. И совсем иные интересы связывают молодых людей в иные, неведомые взрослым союзы, стремящиеся зачастую к иным, неведомым их родителям целям и смыслам.

Продолжение темы на стр. 3

ИТАР-ТАСС

ЛГ-РЕЙТИНГ

● Алексей Суворин. **Русско-японская война и русская революция: Маленькие письма** (1904 – 1908). – М.: Алгоритм, 2005. – 752 с.

«Маленькие письма» – заметки журналиста, издателя и редактора Алексея Сергеевича Суворина (1834–1912), печатавшиеся в его газете «Новое время» с 1889 по 1908 год. В книгу вошла их заключительная часть, относящаяся к трудным и скорбным для нашей страны годам: Цусима и Порт-Артур, броненосец «Потёмкин» и баррикады... Жизнь «на Везувии», атмосфера смуты, предчувствие опасности для государства Российского и всего народа: «Немудрено отнять жизнь у России и погнать всё культурное общество в тиски социал-демократии, под палки и бомбы пролетариата». И всё же: «Счастье родины так много зависит от нас, от нашей взаимной любви и согласия».

● Александр Мелихов. **Исповедь еврея: Роман.** – СПб.: ООО «Издательство «Лимбус пресс», 2004. – 368 с.

Выход в свет в середине 90-х журнального варианта романа сопровождался жаркими спорами и неоднозначными оценками. Главный герой романа, подросток Каценеленбоген, детство которого проходит в СССР, со временем всё яснее и резче начинает ощущать остроту этнических проблем. Сам писатель в одном из интервью отметил: «Я думаю, проблема еврейства – только вход в проблему одиночества, отверженности от чего-то, что неизмеримо мощнее и долговечнее тебя... Еврейство как причину отчуждения я взял из собственного опыта, но сильно всё преувеличил, чтобы дотянуть до символа». Изданная сегодня книга А. Мелихова по-прежнему воспринимается как опыт неравнодушного художественного произведения.

● **Литература русского зарубежья. 1920 – 1940** / Под общ. ред. О. Михайлова; отв. ред. Ю. Азаров. Вып. 3. – М.: ИМЛИ, 2004. – 592 с.

Это продолжение монографии, созданной сотрудниками сектора литературы русского зарубежья ИМЛИ РАН (авторы статей – О. Михайлов, Ю. Азаров, О. Казнина, Л. Спиридонова, Е. Осьминина, Д. Николаев, Е. Трубилова). В данном выпуске речь идёт о периодических изданиях – парижской антибольшевистской «Русской газете», о «Современных записках» (самый известный журнал послереволюционной эмиграции, выпуск которого начали эсеры в 1920 году в Париже, просуществовал 20 лет); о «Сатириконе» (в 30-е, в Париже, продолжил традиции своего русского предшественника, высмеивая Совдепию); о газете «Возрождение» (с ней связаны имена Струве, Ильина, Зайцева, Бунина, Куприна, Тэффи, Гиппиус, Мережковского, Ходасевича...). Отдельные главы отведены русской периодике Германии, Великобритании, Финляндии, Латвии, Чехословакии, Югославии, США и, конечно же, периодике Дальнего Востока, прежде всего Харбина.

СИТУАЦИЯ

Всё смешалось в Доме Ростовых

«Об упорядочении работы в МСПС». Выступление С.В. Михалкова на заседании исполкома

– Я благодарю всех, кто по нашему приглашению оставил творческие и служебные дела, прибыл на заседание исполкома.

За четыре истекших года мы должны были провести как минимум восемь заседаний исполкома. Однако в нарушение устава, принятого четвёртым съездом МСПС, провели всего лишь два заседания при неполных составах. Даже в том случае, если бы наши дела шли блестяще, вы могли бы попенять руководству за самонадеянность и некое самоуправство. А так как многие из вас уже приметили, что работа секретариата налажена не должным образом и ведётся из рук вон плохо, необходимы организационные улучшения.

Потому я вас сегодня и собрал здесь. Не только с тем, чтобы высказать тревогу по поводу будущего МСПС, но и с тем, чтобы предпринять ряд решительных мер и наконец-то ввести деятельность МСПС в рамки правового поля, уставных взаимоотношений.

Думается, не случайно под номером один повестки дня стоит вопрос об упорядочении работы исполкома. Данная проблема самая важная накануне очередного, Отчётно-выборного пятого съезда МСПС. Для организационного совершенствования деятельности сообщества вашему вниманию предлагается два документа: «Положение об Исполкоме» и «Положение о Секретариате». Ещё четыре года назад съезд обязал нас не только разработать и утвердить эти нормативные документы, но и неукоснительно ими руководствоваться на практике. Наконец-то проекты этих деловых бумаг у вас на руках и мы их можем сегодня принять.

И второй вопрос, который перед вами хотел поставить, – о стиле нашей работы и прежде всего о стиле работы моего первого заместителя Арсения Васильевича Ларионова.

На четвёртом внеочередном съезде МСПС мы полагали, что стоит заменить руководство с печально известным Пулатовым, и в исполкоме прекратятся разные злоупотребления, уродливые явления. Ничего подобного! Пулатовщина дала о себе знать.

После четвёртого съезда, ставшего нашим поворотным пунктом, борьба за «Дом Ростовых» накалилась до предела. Но опасность захвата здания сплачивала людей. Особенно в пору судебных заседаний по имущественным искам. Тут многие мне активно помогали. Ларионов тоже внёс посильную, я бы сказал, серьёзную лепту, за что ему – спасибо. А вот если иметь в виду работу по организации дел в МСПС, то ею Ларионов почти не занимался.

10 февраля состоялось заседание Исполкома МСПС под председательством Сергея Владимировича Михалкова, на котором обсуждались вопросы об упорядочении работы исполкома и секретариата и о проведении V Отчётно-выборного съезда МСПС.

Первое, что шокировало в нём, – трудится в исполкоме урывками, с прохладцей. Далеко не каждый день являлся в «Дом Ростовых». Час-другой побудет, опять надолго укроется за дверями кабинета своего издательства. Понятно, там дело живое: «деньги, товар, деньги»! А тут веди приём писателей, решай проблемы по жизнеобеспечению и организации творческой жизни нашей международной организации. Ан нет, недосуг! Чего стоит тот факт, что за четыре года Ларионов не нашёл времени и желания, чтобы посетить хотя бы одну писательскую организацию в странах СНГ или России.

Стали и писатели меня донимать: «Что за странный у тебя первый заместитель? Днём с огнём не сыщешь! Не достучаться, не дозвониться, не попасть на приём к нему». Я всех слушаю, а сам к Ларионову приглядываюсь, ненароком подсказываю. Батюшки мои! Вроде бы всё понимает, что-то делает. Но, не обладая стратегическим мышлением, опять волевые усилия сосредоточивает отнюдь не на магистральных направлениях работы. Так он и не определил вектор развития нашего сообщества, программу долговременных действий. Даже положение о секретариате не было разработано. Секретариат работал без руля и без ветрил. А что самое удивительное – не наладил связи и контакты с государственными правительственными учреждениями, не организовал планомерную работу сотрудников аппарата с организациями – учредителями МСПС. За четыре года провёл всего два полноценных заседания исполкома, хотя по уставу заседания исполкома должны проводиться не реже, чем два раза в год.

По уставу всю текущую работу между заседаниями исполкома осуществляет секретариат, куда входят 15 человек. Но поскольку не было утверждённого исполкомом, как положено по уставу, положения о работе секретариата, Ларионов вообще не собирал секретариат как коллегиальный орган. Он сосредоточил всю власть только в своих руках. За четыре года Ларионов не провёл ни одного заседания секретариата, где был бы кворум, а это значит, что все решения, принятые секретариатом, нелегитимны. Вместо того чтобы опереться в своей повседневной деятельности на плечи членов исполкома, крупных писателей – заместителей председателя и секретарей исполкома, Ларионов форменным образом их игнорировал. Он игнорировал и меня, принимая решения без моего ведома и согласия. Важные функции по руководству организацией он передоверил даже не столько «рабочим» секретарям, которые ему поддакивали и соглашались, сколько своим подручным. В частности, управляющему делами издательства В.И. Орлову и юрисконсульту Е.С. Брашниной, работающим у нас по совместительству. Без согласования со мной он наделил их своего рода чрезвычайными полномочиями.

Окончание на стр. 6

ВАС БЕСПОКОИТ «ЛГ»

Коррупция, коррупция

На вопросы обозревателя «ЛГ» Анатолия Друзенко отвечает член президиума Национального антикоррупционного комитета, депутат Государственной Думы Борис РЕЗНИК

– Слова «коррупция» в Толковом словаре Даля нет. В советское время словаря утверждали, что она присуща только капитализму. Может, в России коррупция какая-то особенная?

– Ну почему же! Сколько существуют межличностные отношения, столько существует и коррупция.

– Но специфика могла быть? Скажем, у коррупции советской? Чем-нибудь она отличалась?

– Безусловно. Ментальностью, правилами, масштабами. Подпольные цеха, где выпускались «левые» чулки, – мелочь на фоне всей экономики...

– Наверное, играло свою роль то, что не было частной собственности на средства производства?

– И частных банков не было. Не крутилось столько денег. Процветал безналичный расчёт. Всё принадлежало народу и мало что принадлежало конкретным людям.

– Потом произошла капитализация...

– И началось...

– Многие так полагают: коррупции за последние 15 лет стало гораздо больше. Другие этот тезис оспаривают: мол, просто раньше, при социализме, меньше об этом говорили, статистику подправляли.

– Этот процесс не только умножился. Сегодня он затрагивает все сферы жизни. Раньше всё-таки были структуры, не подверженные коррупции. Например, большинство сотрудников КГБ взяток не брали. Существует масса фирм и контор, которые «крышуются» ФСБ. «Силовики» активно проникают в экономику и криминальную её составляющую.

– В качестве кого?

– В качестве участников процесса. Используя свои возможности, они прибирают к рукам собственность. Это общеизвестные факты. Вообще проблема, о которой мы говорим, древняя. Недавно я прочитал книгу Вишняка, изданную почти 100 лет назад. Называется – «О судебной ответственности министров». В царской России борьбу с коррупцией начинали с верхних эшелонов власти. Самыми большими коррупционерами были министры. В ведомствах процветал весьма рентабельный протекционизм. Кому-то давали выгодный подряд, скажем, на строительство моста или железной дороги. Естественно, не безвозмездно. Точно то же и сейчас происходит.

Повторюсь: сегодня это явление приобрело катастрофический размах. Катастрофа в том, что никакой борьбы с коррупцией не ведётся.

– Почему?

– Круговая порука.

– Но разговоров об этой беде предостаточно. Речи в Думе, публикации в газетах, прокурорские работники мелькают на телеэкранах.

– На всех уровнях создаются комиссии по борьбе с коррупцией. Есть думская комиссия, в которой я работал вместе с покойным Юрием Щекочихиным, представителями других фракций.

– И каковы успехи?

– Отдельные, скажем так...

Полностью беседу читайте в ближайших номерах «ЛГ»

ТЕЛЕСОБЫТИЕ

Восход «Звезды»

ЗВЕЗДА
НАЦИОНАЛЬНАЯ ТЕЛЕВИЗИОННАЯ КОМПАНИЯ

20 февраля в эфире произойдёт Событие. На своих экранах зрители смогут увидеть совершенно новый канал «Звезда». Каким будет его содержание? Какую он будет осуществлять информационную политику? Ожидаются ли подходы, отличающиеся от принятых и устоявшихся у других российских вещателей? Обо всём этом в беседе с начальником Центральной телевизионной и радиовещательной студии Министерства обороны РФ Александром Алексеевичем ЛЕБЕДЕВЫМ.

– Появления «Звезды» ждут все: кто-то с надеждой, кто-то с раздражением, кто-то из чувства любопытства. Так что же это будет за телеканал?

– 25 февраля прошлого года мы получили право на разработку 57-й частоты. Сегодня заканчивается сложный этап, связанный с её освоением. Определённый ажиотаж вокруг неё происходит, потому что это последняя незанятая эфирная частота, на которой возможно вещание в Москве. Других уже нет, и вряд ли будут. К тому же она находится в том диапазоне, где передатчик создаёт помехи для радиолокационных средств московских аэропортов. Сейчас поставлены фильтры, завершены испытания, и я могу с уверенностью сказать: препятствий для работы пятикиловаттного передатчика нет.

На федеральной конкурсной комиссии у нас были серьёзные конкуренты: «Школьник-ТВ», телекомпания «Мир», медиахолдинг «Совершенно секретно».

Сначала многие не верили, что мы сможем что-то сделать, и поэтому расслабленно, спокойно созерцали. И только теперь, когда «вдруг» выяснилось: военные заказали хороший передатчик (американский «Харрис». – *Прим. ред.*), добились оптимальной высоты подвеса антенны и полностью готовы к эфиру, многие встрепенулись, особенно те, кто не верил, что мы сможем это сделать.

Вы правы, некоторых раздражает, что мы победили на конкурсе именно с государственно-патриотической концепцией. По завершению процедуры голосования, проходившей неоднозначно, – нам известно, что были люди, которые высказались «против», – все вышли с поздравлениями, подошёл и Владимир Познер. «Вы знаете, всё-таки патриотизм не должен быть таким!» – сказал мэтр российского телевидения.

Окончание на стр. 9

На этой неделе наш сайт www.lgz.ru посетили 7363 человека. Заходите!

КУДА ИДЁМ?

Когда в обществе всё разумно, пусть «пироги печёт пирожник». Но, если налицо противоречия здравому смыслу, может, стоит присмотреться к постулатам, на которых строится наша экономика, а заодно и к пропагандистским приёмам, так подточившим наш разум?

Собрались умирать, или как?

Зачем человеку, семье, компании, стране накопления? Для защиты от невзгод и кризисов. Много ли нужно накоплений? В зависимости от ситуации. Так, больной и слабеющий вынужден экономить, больше откладывая на завтра.

В чём накопления хранить? Здоровый и сильный вкладывает в своё развитие, образование, здоровье, в карьеру или бизнес, а также в то, чем он может управлять, что он может контролировать. Хилый же и слабый, в себя уже не верящий, держит кубышку под подушкой либо полагается на заманивающие его в свои сети фонды и банки...

Приложим эту модель к нашему обществу.

С ликованием сообщается, что наши золотовалютные резервы перевалили за 130 миллиардов долларов и что здесь мы в первой пятёрке. А по вкладу в мировую экономику? Только 2%. А по ВВП на душу? Далеко не в первой десятке. А по темпам роста? Последние в СНГ. А по расходам на образование и здравоохранение, по господдержке науки и технологий? Ведь в это нужно вкладывать, пока идут нефтедоллары? И здесь отстаём. А по соотношению расходов по этим ключевым направлениям к валютным резервам – среди последних в мире...

Нам поют, что это – страховка от нового дефолта. Это пример, скажем мягко, художественного свиста. Ведь дефолт 1998 года – следствие прямого разворовывания страны через созданную для этого пирамиду ГКО, разросшуюся до 75 млрд. долларов. От подобных махинаций никакой валютный резерв не защитит.

А ведь есть ещё и резервы правительства, а также наши долги и долги нам. Мало того, что с их учётом скандалы, так мы ещё и «великодушно» прощаем долги, как только что простили две трети долга Сирии нам. И министр финансов радует: «Зато выплаты начнутся сразу, и в этом году мы получим полторы сотни миллионов долларов дополнительных доходов!»

Зачем, если и имеющиеся не знаем куда девать? Не напоминает ли это «хитреца», гордящегося, что удалось сбыть фамильную ценность за трёшку? А нормальным государством, которому долги, пусть в той или иной форме, но возвращают сполна, мы становиться не собираемся?

Одновременно мы досрочно выплачиваем долги МВФ и Парижскому клубу, правда, последнему, «если будет выгодно». Так по сравнению с хранением этих денег в американских банках – всё выгодно. Но сами зарубежные банкиры вкладывают деньги в разработку наших месторождений на Сахалине, где расчётная рентабельность (для инвесторов, а не для нас) – несколько десятков процентов годовых, а также в производство (не у нас, а у них) оборудования для нефте- и газодобычи, которое оплачивается нашей нефтью.

Не на это ли пойдут и средства, которые мы им досрочно вернули?

И если у нас полно излишков, как мы их храним, во что мы их вкладываем? В предприятия или хотя бы в инфраструктуру для бизнеса? В поддержку наукоёмких отраслей экономики? Или в жизненно важное для страны с неблагоприятным климатом и огромной территорией поддержание низких внутренних цен на энергоносители? Или в свои же природные ресурсы, которые ликвидны и нужны всему миру?

Нет, всей страной мы вкладываемся в развитие американской экономики – под минимальные проценты, едва ли покрывающие инфляцию. Да ещё и оказываясь в зависимости от того, кому доверили кошелёк, а точнее корзину, в которую сложили все яйца...

Кто ещё так себя ведёт? Готовящийся отойти в мир иной и собирающийся оставить всё любимому внучку. И у нас с вами, жить не собирающихся (как мы это установили), любимый внучек – это США, которые, в отличие от нас, жить намерены. Но как же мы до этого дошли?

Недавно в телепередаче «К барьеру!» один специалист на всю страну утверждал, что «цивилизованный мир, включая и США» легализовал гомосексуальные браки как норму жизни. Ведущий вмешался и поправил, пояснив, что иначе у передачи будут юридические проблемы – американцы подадут в суд за столь оскорбительную для устоев их общества клевету.

Но в тысячах других случаев вмешаться было некому и незачем – угрозы юридической коллизии не было. И так на протяжении уже пары десятков лет нам в головы вбрасывается представление о Западе, далёкое от реальности.

Точно так же во времена лоббирования уже печально известных соглашений о разделе продукции нам рассказывали, как это прогрессивно и делается везде, включая США. И срабатывало – до эфира не допускали тех, кто мог напомнить, что «Иванов убил» и «Иванова убили» – вещи разные: СРП в США применяют, но только не государство на Аляске или на шельфе, а частные владельцы земли, у которых нет средств самим разрабатывать месторождения...

По этой же логике приближения к «цивилизованному миру» мы привыкли, что игровые автоматы и казино на каждом углу – норма, хотя в США ничего подобного не увидишь – это далеко за рамками их общественной морали, а значит, и права.

Понятно, как нам растлевают души и разжижают мозги. Но почему мы этому так подвержены? Гомосексуальные браки в силу инстинкта самосохранения не проходят, а экономическое самоубийство идёт полным ходом. И его организаторы руководят правительством, Центробанком, полугосударственными монополиями и СМИ...

И последняя информация к размышлению.

130 миллиардов долларов резервов могли бы быть вложены, например, в разработку тех же сахалинских месторождений. Выделение из прибыли от них нормы в 15% годовых и её целевое закрепление за теми, кто свой труд стране уже отдал (в том числе обеспечил суверенитет над территориями, богатыми сырьём), позволило бы каждому пенсионеру прибавить к пенсии ежемесячно 1500 рублей. И капитал не проедался бы, а работал бы на страну.

Кстати, в отличие от нас, США не резервируют наши рубли, а закачивают в хранилища нефть и газ, а также берут под контроль источники энергоресурсов за своими рубежами.

Есть о чём задуматься?

Юрий БОЛДЫРЕВ

Конституцию тронут?

Весть о возможном скором изменении Конституции страны стала одной из главных новостей прошлой недели

Юрий СОЛОЗОБОВ,
политолог

– О таких планах администрации президента заявил политолог Станислав Белковский. Основная мысль этой реформы – превращение России в парламентскую республику, где премьеру передаётся большая часть президентских полномочий, а президент становится декоративной фигурой. Сама администрация, как обычно, категорически всё опровергла, но ряд высокопоставленных государственных деятелей признали: такой проект действительно существует.

Предполагается, что изменения в основной закон поступят к 12 июня 2007 года, и уже в 2008-м президент будет избираться по новой схеме – посредством управляемого парламента. Председатель Конституционного суда Валерий Зорькин фактически высказался в поддержку планов реформы: «Конституция страны работает достаточно эффективно, но возможные изменения – это вопрос политической воли. Хочет народ, законодатель, чтобы в стране была такая Конституция, – значит, будет именно так, захочет изменить её – это тоже возможно».

Решительность, с которой власть и близкие к ней лица заговорили о пересмотре Конституции-93, означает не просто дефектность каких-то положений основного закона. Скорее ныне действующий рассматривается властью как недостаточный для обоснования её легитимности.

По сути, ельцинская Конституция была попыткой утвердить новый властный порядок, возникший после октября 93-го, как вполне респектабельный и жизнеспособный. Но сразу после голосования стали возникать обоснованные подозрения, что принятие основного закона стало результатом подтасовок.

Вместо конституционного порога в 50% голосов от общего числа избирателей был установлен порог в половину от числа проголосовавших, так что Конституцию поддержала лишь треть российского электората. Но если она не была принята всенародно, это автоматически влечёт недействительность последующих выборов в Думу, проводившихся вопреки всякой логике в день референдума по Конституции.

Всю ельцинскую государственную систему и её преемников вряд ли можно считать полностью легитимными. Но помимо формальной юридической чистоты «нового государства» принятие новой Конституции позволяет решить ещё одну беспокоящую власть проблему. Призрак «оранжевой революции» бродит по границам России. С точки зрения пиарщиков власти, управляемое обсуждение проекта новой Конституции, подготовленной, как водится, в самом узком кругу, как раз может служить таким «противоядием» от социального взрыва.

Кроме того, учреждение очередной «молодой России», свободной от предыдущих обязательств и социальных долгов, позволяет подвести желанную черту под приватизацией. Сегодня власть, подчинённая коллективному Абрамовичу, понимает переходное ельцинское «государство» исключительно как *регистратора* всего массива собственности и как удобную силовую машинку для постоянного перераспределения общенародного имущества.

Поэтому, считают политтехнологи, надо по отработанной процедуре *«ложного банкротства»* учредить нового регистратора – юридическое лицо «Россия-2008», свободное от прежних сомнительных обязательств. В логике правящего режима всегда прослеживалось стремление попользоваться чужим наследством, не отвечая при этом за долги.

Но фактическая причина изменения Конституции – нерешённая проблема передачи власти.

Политический режим наследников Ельцина споткнулся на проблеме преемственности власти. Сегодня эта острейшая проблема не может быть решена в рамках инерционного сценария, то есть путём назначения на высший пост «очередного преемника» или путём проведения конституционных поправок через управляемое Федеральное собрание.

Подобные меры только усугубят растущий дефицит легитимности власти и катализируют разрушительные процессы в стране. После подобных мероприятий усыхающее пятно легитимности власти внутри страны просто-напросто может схлопнуться. Кроме того, такая «ручная Конституция» однозначно будет воспринята международным сообществом как «узурпация власти» или «конституционный переворот».

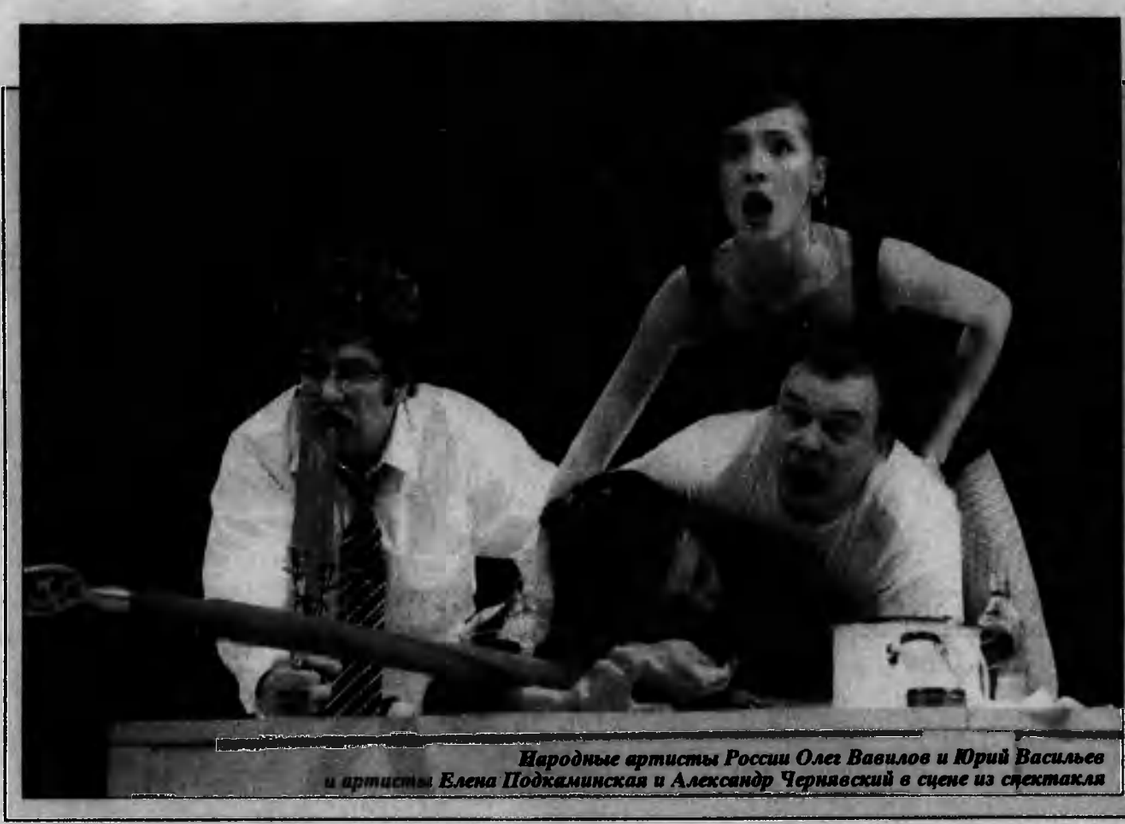
«Неприкосновенная» Конституция-93 исчерпала себя. Так чем же следует заменить ельцинский основной закон? В первую очередь речь должна идти о том, чтобы, с одной стороны, укрепить пост главы государства, подняв его над разделением властей. Надо ликвидировать ограничения по срокам замещения полномочий и сообщить его решениям бесспорное, императивное значение, то есть фактически придать главе государства статус **«некоронованного монарха»**. С другой – следует обеспечить зависимость правительства от парламента.

Возможным механизмом введения в действие Конституции мог бы стать новый Земский собор.

Ольга КРЫШТАНОВСКАЯ,
руководитель Центра изучения элиты Института социологии РАН

– Ожидается реформа политической системы, но не конституционная реформа, это всё-таки разные вещи. Думается, пока обойдутся без изменений Конституции, если они произойдут, то, наверное, не раньше середины 2007 года, а может, и вообще после 2008-го. Важно не путаться в терминах и правильно ставить вопрос. Конституционной реформы сейчас быть не может, раз Путин обещал, что в ближнесрочной перспективе её не будет, то есть как минимум в ближайшие два-три года. Если и внесут руководители государства концептуальные поправки в законодательные акты, это будет касаться законов о правительстве, иных исполнительных и представительных органах власти, но не основного закона страны.

Вероятно, последуют изменения в законодательство, регулирующее деятельность органов местного самоуправления. Это станет совершенно логическим продолжением начатого президентом комплекса реформ. Восстанавливается моноцентрическая власть без классического для западных демократий разделения её ветвей. Вся власть концентрируется наверху, и полномочия будут передаваться сверху вниз, а не делегироваться снизу вверх. При таком механизме было бы странным, если бы одни мэры остались вдруг вне этой системы.



Народные артисты России Олег Вавилов и Юрий Васильев и артисты Елена Подкаминская и Александр Чернявский в сцене из спектакля

Денис Орлов

ФОТОГЛАС

Прямоходящий пошёл

В Московском академическом театре Сатиры состоялась премьера спектакля «Хомо эректус» по пьесе Юрия Полякова. В данном случае вполне уместно будет употребить словосочетание «долгожданная премьера». И не только по той причине, что окончательного результата действительно пришлось подождать – процесс «от замысла до воплощения» по ряду как объективных, так и субъективных приходящих обстоятельств растянулся более чем на два года... Но овчинка, как говорится, стоила выделки. На прославленные столичные подмостки наконец-то ворвалась современность – живая, сиюминутная, пульсирующая, препарированная неожиданно, остро и в полном соответствии с названием даже сознательно провокационно.

«Человек прямоходящий» (а именно так в дословном переводе с латыни будет звучать название пьесы) снабжён ещё более «опасным» подзаголовком – «Свинг по-русски». Этот термин, обозначающий определённого рода интимные забавы, имеет и иное – джазовое – значение. И мелодическая гармония, яркие эффекты, присущие этому знаменитому стилю, как и должно, достигаются здесь за счёт уверенной переклички «трёх групп инструментов»: заложенной в тексте крепкой и увлекательной интриги, уверенной и выразительной работе «постановочной бригады» – режиссёра Андрея Житникина и художника Андрея Шарова, а также на загляденье выразительной, радостной и по-хорошему лихой актёрской игры всех без исключения участников этой постановки.

Даниил ЧАПЛЫГИН

ОЧЕВИДЕЦ

Середина Европы

В конце февраля в Братиславе должна состояться встреча президентов Путина и Буша. Не знаю, чья идея была предложить именно этот город – возможно, бывшего российского посла г-на Ястржембского, но своя логика в таком выборе есть. С одной стороны, Словакия – член НАТО и Евросоюза, с другой – из всех стран бывшего социалистического лагеря, она наиболее благожелательно к нам настроена. Я имею в виду не правительство, не словацкие газеты и телевидение, где хватает антироссийской риторики, – речь о людях.

Словаки никогда не называли нас братьями и не клялись в верности, но и никогда в нас не разочаровывались и не заставляли разочаровываться в себе. И даже когда словацкое правительство в годы Второй мировой присоединилось к Германии и воевало на стороне Третьего рейха, к словацкому народу это имело слабое отношение. Воевать с Советским Союзом словаки не хотели.

Война для них закончилась тем, что страна потеряла свою независимость, и по большому счёту словацкий президент мог бы сегодня, как и одна латышская дама, говорить о том, что освобождение его народа настало либо в 1989-м после «бархатной революции», либо в 1992-м, когда произошёл чехословацкий «бархатный развод», но такие голоса здесь не раздаются. И даже 68-й год прошёл в Словакии не столь драматически, как в Чехии, хотя, конечно, радости от советских танков никто не испытывал.

Словаки, чьё нынешнее независимое государство насчитывает немногим больше 12 лет, сегодня середина Европы. Не центр её, а именно середина, средоточие, равновесие её полюсов от Ирландии до Урала. И в этом смысле хорошее место для встречи России и Запада. Славяне, но католики (хотя есть в Словакии и православная церковь) – народ, почитающий Кирилла и Мефодия, пишущий на латинице и говорящий на языке, похожем на русский.

Но с учителями словенскими история давняя. А в недавней, ещё несколько лет назад, на Западе к Словакии относились подозрительно и полагали, что в то время, когда обсуждался вопрос о вступлении страны в НАТО и Европейский союз, словаки держали про запас «российскую карту». В отличие от Польши, Венгрии и Чехии, Словакию в середине 90-х исключили из списка первоочередных кандидатов на вступление в альянс и в унию. Но потом «простили» и приняли вместе со всеми. Хотя осадок, наверное, остался.

Значит ли всё это, что и здесь российская карта оказалась всё же бита и Россия потерпела ещё одно внешнеполитическое фиаско?

Политические союзы немногого стоят, когда не скреплены кровью. А эта земля полита не американской, но русской кровью, и чем больше проходит лет, тем дороже для нас эта кровь от Сталинграда до Берлина. Президент Путин едет туда, где ровно 60 лет назад шла с боями через перевалы наша армия. С сентября 1944-го по апрель 1945-го. Свыше 60 тысяч солдат похоронены на этом пути. Из них почти семь тысяч погибли в Братиславе. И какой бы ни была программа пребывания Путина в словацкой столице, есть в городе место, куда редко заглядывают гости, – холм Славин, на котором стоит памятник советским солдатам, погибшим за освобождение Словакии.

Этот памятник не бог весть какой архитектурный шедевр, безликое языческое сооружение в стиле социалистического монументализма, с бронзовой статуей воина-освободителя, пустынным мавзолеем и скульптурными группами девушек с цветами и лентами у подножия – всё, что мы можем сегодня противопоставить силам НАТО. Но солдаты за архитектурный стиль не в ответе. Воинское кладбище находится здесь же, на холме. Бетонные плиты с фамилиями и датами, ровный газон, кусты – всё очень аккуратно и чисто. Дежурит полицейский. Впрочем, едва ли кому-нибудь придёт в голову эти могилы осквернять или памятник демонтировать. Да и посетителей на мемориале мало, разве поднимутся те, кто хочет полюбоваться красивым видом на город. В минувшем году даже на 9 Мая я видел здесь лишь несколько официальных венков и никого народу.

Посетить Словакию Путину стоит ещё и потому, что страна эта достаточно близка к нам по уровню жизни. Словаки в среднем живут ненамного лучше нас. Но чего у них нет, так это чудовищных контрастов между бедными и богатыми, хотя приватизация прошла почти так же жульнически, как и в России. Но потом ситуация как-то выровнялась. Опять же середина. Если в России в начале 90-х очень многие оказались отброшенными за черту бедности, то в Словакии люди, которые работают на государство, не обнищали и их зарплаты сопоставимы с прожиточным минимумом.

И разумных льгот здесь хватает. И у старых, и у молодых, и, что особенно важно, у родителей с детьми. Было что-то человеческое в здешнем социализме, есть человеческое и в капитализме.

Разумеется, проблем у страны много, а с вступлением в ЕС их меньше не стало – в одночасье оказалось, что специалисты, имевшие в Словакии квалификацию, должны заново её подтверждать и проходить переаттестацию по европейским стандартам. Да плюс ещё безработица, особенно сильная на востоке, и свои национальные проблемы – тяжёлые отношения с венграми, сложности с цыганами, диспропорции в экономике и бедственное положение в культуре и образовании. В Словакии хватает недовольства, но всё это не переходит черты дикости.

Жизнь в этой славянской стране похожа на чеховскую пьесу – всё в подтексте: и грустное, и весёлое. А на поверхности горы, снег, солнце и тёмные ели зимой, цветущие маки весной вдоль дорог, замки, сохранившиеся и полуразрушенные, кресты и статуи Мадонны среди зелёных и жёлтых полей, аккуратные огороды и стадионы.

И дети, очень много русых, светловолосых детей, чего больше всего не хватает России.

Алексей ВАРЛАМОВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
1971 1979

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ОАО «Издательский дом «Литературная газета»

Главный редактор Юрий ПОЛЯКОВ

Заместители главного редактора
Леонид Колпаков,
Игорь Серков,
Валерий Павлов
(*представитель в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе*)

«Политика, экономика» – тел. 208-63-21
ведущий редактор
Владимир Поляков;
Сергей Громов, Анатолий Друзенко, Ирина Хуземи

«Общество» – тел. 208-82-80
шеф-редактор Игорь Гамаюнов;
ведущий редактор
Людмила Мазурова;
Валерий Бурт

«Литература» – тел. 208-94-19
заведующий отделом
Сергей Мнацаканян;
Павел Басинский, Надежда Горлова, Александр Яковлев

«ТелеВидение» – тел. 208-82-76
Александр Горбунов

«Искусство» – тел. 208-98-76
ведущий редактор Александр Вислов;
Ирина Тосунян, Жанна Васильева

«Клуб 12 стульев» – тел. 208-82-62, 208-06-85
главный администратор
Евгений Обухов

Обозреватели:
Сергей Луконин,
Александр Ципко, Сергей Казначеев,
Аркадий Соснов (*Санкт-Петербург*),
Алесь Кожедуб (*Минск*)

Отдел спецпроектов
Александр Попов

Выпускающий редактор
Борис Фуров

Отдел оформления – тел. 208-81-82
бильд-редактор
Александр Карзанов,
художественный редактор
Антон Меньшов

Генеральный директор
Алексей СОБОЛЕВ

Управление делами – тел. 208-89-21
Вадим Лаврентьев

Директор по развитию
тел. 208-91-84 Марина Борисова

Отдел рекламы:
тел. 208-95-24, 208-91-62
Юлия Лукьянова

Отдел распространения:
тел. 208-98-55, 208-97-00
начальник
Валерий Андрюшин;
Татьяна Дочкина, Екатерина Калагина

Служба экспедирования: тел. 208-56-00
Наталия Донская

Сектор Интернета: тел. 208-56-18

Общий тираж 83 000 экз.
Газета печатается в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Екатеринбурге, а также Германии, Великобритании и Израиле
Отпечатано в ИД «Медиа-Пресса», ул. «Правды», 24, Москва, 125993

Номер подписан к печати
15 февраля 2005 г.
Зак. № 503806
Редакция рассматривает все обращения читателей, оставляя за собой право не рецензировать и не возвращать письма и рукописи.
Подписные индексы: 50067, 34189 и 84874
(для предприятий и организаций)
Экспортная подписки – по каталогам «МК-Периодики» и «East View Publications»
Газета зарегистрирована в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство ПИ № 77-1835 от 10.03.2000 г.
Адрес редакции:
Костянский пер., 13
Москва, 107045
Для телеграмм:
Москва 90 Литгазета
Электронный адрес:
litgazeta@lgz.ru
Факс: 208 99 14, 206 62 25

Автоматический телефон для справок по редакции: 200-02-38

Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна

ОАО «Система Масс-Медиа»

ДЕЛО МОЛОДОЕ

Осмысленный бунт

В «ЛГ» № 2–3 мы познакомили читателей с лидерами молодёжных организаций СПС, «Яблока», КПРФ. Но есть и другие молодёжные политические объединения.

Этот не существовавший ранее в постсоветской России вид оппозиции зародился на стыке тысячелетий. Сказать точнее возможным не представляется: году в 1998-м его, похоже, ещё не было, в 2001-м явление уже существовало. Тогда же эта оппозиция была названа «новой контркультурой».

Название, как скоро стало ясно, было неудачным, не отражавшим сути явления и порождено тем, что самым заметным тогда проявлением этой новой молодёжной оппозиции были, как и в случае с классической контркультурой 60-х, рок-группы и исполнители. Сейчас ясно, что «новая контркультура» лишь начинала объединяться вокруг ряда рок- и рэп-групп (таких, как «Запрещённые барабанщики», «Зимовье зверей», «Навь», «Зона сумерек», «Красные пантеры», «Адаптация» и др.), но быстро породила более серьёзные центры притяжения и объединения – собственные журналы, газеты и бюллетени («Скепсис» в Москве, «Арт-город» в Петербурге, «Час Ноль» в Чите, «Мёртвый город» в Тюмени, «Зима будет долгой» во Владивостоке, «Духовщина» в Смоленске, «Ультиматум» и «Тротиловый эквивалент» в Ярославле, «Крамола» в Альметьевске, «Партизан» в Комсомольске-на-Амуре и др.).

И если эти рок- и рэп-группы и их слушатели и поклонники, с презрением отвернувшиеся от «русского рока» как от продавшегося и «опопсовевшего», продолжили традицию *«музыки бунта»* (почему важнейшим в их творчестве является *содержание* текстов), то журналы появились как реакция на деградацию, «пожелтение» и деинтеллектуализацию «больших» СМИ.

«Новая контркультура» отличается высоким образовательным, интеллектуальным и культурным уровнем, практически поголовно она представлена студентами, аспирантами и недавними выпускниками вузов.

Безусловно отвергая существующий социальный строй, политический режим и официальную культуру с левых и радикально левых позиций, «новая контркультура» не имеет никаких преемственных связей с существующими отрядами левой оппозиции. Более того, она откровенно презирает и своих исторических предшественников – «перестроечных» левых – и нынешнюю левую оппозицию (от анархистов до КПРФ) как *архаичную, недостаточно интеллектуальную и бутафорскую*. У подавляющего большинства членов «новой контркультуры» нет ни опыта участия в деятельности официальной левой оппозиции, ни организационных контактов с ней.

Эта молодёжь, выстроив своё – пусть пока маленькое – культурное и идеологическое пространство, практически не нуждается уже в «официальной» культуре, всё меньше зависит от неё и, следовательно, всё меньше контролируется культурно и ментально властью и большим бизнесом.

ТВ эти ребята часто принципиально не смотрят вообще (в одной из песен группы «Навь» ситуация постоянно выключенного телевизора – что *само собой разумеется*, который воспринимается как просто *дополнительное зеркало*, фиксируется (между делом) в строках «С моим отражением в телеэкране сегодня что-то не то»). А ведь телевидение сегодня – основной канал идеологической пропаганды со стороны власти. В то же время эта молодёжь очень много читает и очень много пишет сама. Замечательно и то, что именно в этой среде процент поэтов, музыкантов и художников заметно превышает средние показатели.

Говоря иначе, незаметно складывается *новая субкультура*, не являющаяся типичной молодёжной субкультурой (подобной хиппи, панкам или скинхедам), а скорее являющаяся *новой революционной контркультурой* наподобие революционной контркультуры 60–70-х годов XIX века в России (протонароднической и народнической).

Ситуация в молодёжном мире действительно всё больше напоминает именно предшествовавший «Народной воле» период российской истории: с одной стороны, отброшенные – в результате общественных, экономических и культурных деградационных процессов – на уровень середины XIX века «широкие слои» молодёжи, с другой – небольшие островки «элиты» (детей «высшего общества»), с третьей – формирующаяся *разночинная* революционная контркультура. Которая в интеллектуальном и творческом отношении не только не уступает, но и откровенно превосходит уровень молодёжи из «высших слоёв».

То есть в стране – впервые после революции 1917 года – начинает формироваться, говоря языком «теории элит», *контрэлита*, которая сможет в будущем вполне обоснованно предъявить свои права на власть и которая уже сейчас воспринимает социальное, политическое, экономическое и культурное устройство России как убогое, *отсталое* и не соответствующее по уровню развития ни требованиям XXI века, ни её, контрэлиты, запросам и предпочтениям.

Причём сами представители этой контрэлиты (контркультуры) прекрасно видят, что существующее общественное устройство *не нуждается* в них, в их талантах и способностях, не собирается предоставлять им не только такое место в обществе, которое они заслуживают, но даже и просто *возможности* самореализации.

Предлагаемая «сверху» культура, с их точки зрения, настолько убога, примитивна, вторична и откровенным образом рассчитана на удовлетворение вкусов обывателя (и на *воспитание* из молодёжи именно *обывателя*), что они просто не представляют, где в этой «культуре» им может найтись место. Читаем в журнале «Час Ноль»:

«Нас либо держат за быдло, либо хотят, чтобы мы стали быдлом. Я что, затем учился 10 лет играть на двух музыкальных инструментах и затем годы, как фанатик, собирал информацию, чем театр Стрелера отличается от театра Паоло Грасси, чтобы слушать фанеру каких-нибудь откровенно дебильных «Руки вверх», которые не то что чистую приму от большой септимы не отличают, но и свято уверены, что группетто – это разновидность секса… или кормиться пошло-манерными гомосексуальными «спектаклями» а-ля Виктюк?

Нужно быть умственно отсталым, чтобы всерьёз воспринимать (и тратить на это время) их убогие и пошлые телешоу, их, с позволения сказать, художественные фильмы… Видеопрокат – на каждом углу. И сплошь – дерьмо: боевики да порно, порно да боевики. Пойдите-ка найдите в прокате «Альфавиль» Годара. Или «Кулаки в кармане» Белоккьо. Или «Профессия: репортёр» Антониони (а ведь говорят, в советское время фильм у нас даже на большом экране шёл!). Ну на худой конец «Пролетая над гнездом кукушки»! Хрен вам. Культурный выбор, который нам предложен, – выбор *разных сортов дерьма*. Они нас хотят всех превратить в извращенцев. То есть в таких, как они…

А у нас в универе кто-то не в меру умный распорядился списать (как «устаревшие») все книги из серии «Научно-атеистическая библиотека». Все! И Вольтера, и Ульриха фон Гуттена, и Уриеля да Косту… Вольтера вам? Хрен: читайте архимандрита Софрония да митрополита Антония. Тоннами в библиотеку завозят…

А если кого тянет в бунт, есть *готовые* рецепты: две дурочки «Тату», по приказу своего продюсера изображающие лесбиянок и раздевающиеся на сцене (ах, какой бунт, просто пугачёвщина!!!), группа «Ленинград» с матерными попевками… да Сорокин с его копрофагией и описанием мужеложества Сталина с Хрущёвым (ой, какой смелый бунтарь: оба персонажа давно умерли, бояться их нечего!)…

Это *их* «культура» – пусть они в ней живут. Так нет же – они и *мне её навязывают*. Это, говорят, *демократия*. А Маяковский, говорят, с Максимом Горьким (а заодно и Чезаре Павезе с Паоло Пазолини) – это *ужасные люди*, это коммунисты, это *тоталитаризм*. И Бретон с Элюаром. И Пикассо с Сикейросом… «Культура» с «духовным возрождением» вперемежку: послушал Шнура – пошёл в церковь помолился – поглазел на голых татушек-по…душек – пошёл перед ликом президента свечку поставил – поглядел на фашистскую балабановскую «Войну» – архимандрита Софрония почитал. Чем не культура, чем не духовность?»

А Вис Виталис, лидер и автор текстов «Sixtynine», в песне «Деньги-2001» прямо связывает успех в бизнесе (и, в частности, коммерческий успех в шоу-бизнесе) с *безнравственностью и уголовным мышлением и образом жизни*, но никак не со знаниями и талантом:

Да, делать деньги – наука из наук.
Для этого не хватит только головы и рук.
Своими аттестатами – вон туалет обклей.
Здесь надо быть бессовестнее, злее и подлей.
Здесь надо иметь имидж, наводящий страх.
Здесь надо бить по роже, в горло, в почки, в пах.
Здесь надо воровать, торговать, пугать,
Крутиться, деловиться и наваривать.
Вы скажете – я циник, может, это так и есть,
Но деньги-то иначе и не делаются здесь.

«Новая контркультура» оказалась средой достаточно интеллектуальной, талантливой и самостоятельной, чтобы создать альтернативную социально ориентированную рок-сцену в условиях, когда, как издевательски поёт панк-группа «Тараканы», «рок-группа тем лучше, чем глубже спрятан смысл, чем трудней понять». Очевидно, те, кто не попал под каток искусственной примитивизации общества и чей интеллектуальный уровень ещё не понижен до требующегося властям, должны, чтобы не впасть в депрессию, смеяться. Что они и делают.

Власть, похоже, не замечала «новую контркультуру» вплоть до 2004 года. Заметила – и стали бороться. В Ярославле прокуратура «в порядке реализации Закона «О противодействии политическому экстремизму» *запретила* и «Ультиматум», и «Тротиловый эквивалент». В Смоленске *все* издатели «Духовщины» *одновременно* потеряли работу – и издание перестало выходить по финансовым причинам. *То же самое* случилось в Чите с изданием «Час Ноль», а в Тюмени – с «Мёртвым городом». Похоже, аналогичная судьба постигла владивостокский журнал «Зима будет долгой».

В Петербурге, воспользовавшись тем, что «Арт-город» не был зарегистрирован, выпустили в продажу журнал с таким же названием – глянцевый и абсолютно бессмысленный, но с логотипом, похожим на логотип оригинального «Арт-города». После этого настоящий «Арт-город» выходить уже не мог, а зарегистрировать журнал под другим названием его издателям никак не удаётся по причинам бюрократического характера.

«Новую контркультуру» можно запретить и загнать в подполье. Она и раньше находилась чем дальше от Москвы и Питера, тем во всё более откровенном полуподполье. Но запреты ничего не изменят. Имущество молодых левых интеллектуалов – это их знания, их уровень развития, их таланты, их интеллект.

Александр ТАРАСОВ,
содиректор центра новой социологии и изучения практической политики «Феникс»

ИТАР-ТАСС

«Новая контркультура» – новый вид молодёжной оппозиции

«Сможет ли молодёжь стать серьёзной политической силой?» На этот вопрос отвечают на интернет-форуме «ЛГ» читатели газеты

Реклама, жвачка, героин

Сможет, никуда не денется. Жизнь заставит. Как в армии говорят: не можешь – научим, не хочешь – заставим. Только вот брошена она. Дети теперь никому не нужны. Они востребованы только как потребители рекламы, жвачки и наркотиков. Падение уровня изобретательности, умственных способностей хорошо видно на примере спортивных игр. Игроки стали просто тупыми, прямолинейными, бесхитростными. Нет фантазии у молодёжи.

КОМИН

Чтоб не вспоминать с горечью

НЕТ, не может. У неё для этого нет ДЕНЕГ и ВЛАСТИ. И самое главное – НЕТ свободного времени: надо учиться, работать и всё-таки немного предаваться естественным радостям молодости. А то придётся в 70 лет с горечью вспоминать только никому уже неинтересные полузабытые политические демонстрации и митинги. В общем, «блажен, кто смолоду БЫЛ МОЛОД…»

Антон РАКИТИН

Организация рождает власть

Не стал бы абсолютизировать силу денег: если массы (например, молодёжные) выйдут на улицу, как это было не раз в истории ряда стран, то никакие деньги не помогут... Если бы у молодёжи была власть, то не было бы у нас этого разговора... У молодёжи ПОЯВЛЯЕТСЯ власть, когда она может организоваться и стать серьёзной политической силой – по причине своей массовости, непредубеждённости и открытости новому, желания перемен...

Молодым людям, в силу возраста не знающим, что такое «застой» (или тем более «сталинизм»), увидевшим в недавние времена возможность свободного выбора пути, реализации самых разных бизнес-идей, есть что нынче терять. Если страна ДЕЙСТВИТЕЛЬНО поворачивает к свёртыванию демократических завоеваний, именно молодёжь в первую очередь это хорошо почувствует. Конечно, организоваться в нынешних условиях ей будет нелегко, но последим за развитием событий: много молодёжи может появиться во вновь организующихся или переориентирующихся партиях демократического направления. Рано ещё списывать со счетов Ирину Хакамаду, Григория Явлинского...

АЛЕКСАНДР

Есть шансы «порулить»

Молодёжь не ленива. Просто с идеологией сейчас плохо. На месте комсомола зияет дыра. Нет школы, которая бы готовила к власти. Посмотрите на бывших комсомольских функционеров, они и при новой власти «в шоколаде»: бизнесмены и политики. Не хватает молодым, конечно, своей организации. Но у молодёжи есть плюсы, и главный – здоровье. Она пока не отягчена никакими цепями: в материальном, идеологическом плане – наиболее свободная часть нашего государства. И может вполне свободно выходить и протестовать. Не хватает ей только зачатков организованности. Но перспективы хорошие. Население стремительно стареет и вымирает. И у тех, кто не сопьётся и не загнётся от наркотиков, вполне реальные шансы «порулить».

NATALI

Время у неё есть

У молодёжи есть время понять, что главный порок демократии – отсутствие постоянного контроля общества над своими избранниками. Пока сам народ не станет определять приоритеты в своей жизни, избирая для организации их осуществления властные структуры, пока не будет постоянно контролировать эту власть, ожидать изменений к лучшему не приходится. Должно пройти время, чтобы осознать это. У молодёжи оно есть.

А. ВАСИЛЕВСКИЙ

Проветрить помещение, убрать мусор...

Здоровое общество, как здоровый человек, не нуждается в опеке врача. Однако сегодня и российское, и всё мировое общество проявляют явные признаки болезни.

Первый шаг лечения – проветрить помещение, убрать мусор, заставить пациента соблюдать режим. Этим и пытается (или делает вид, что пытается) заниматься Путин. Это – необходимое условие успешности лечения. Но не достаточное. Куда важнее изучить историю болезни, поставить диагноз, выбрать способ лечения и провести его в жизнь. Сделать это способен – в случае болезни человека – врач, в случае болезни общества – учёный, знающий законы развития общества.

Учёных таких сейчас в наличности нет, как нет и научной теории развития общества. Марксизм был первой попыткой создания подобной теории. Неудачной. Вместо анализа причин неудачи был выброшен за борт и марксизм, и весь научный подход вместе с ним. Но болезнь зашла так далеко, что либо общество вырастит таких учёных, даст им возможность поставить объективный диагноз болезни, начнёт действовать согласно их рекомендациям, либо современная цивилизация рухнет, как рухнули все её предшественницы, и похоронит под своими обломками всех.

В первую очередь следует признать однозначно – развитие общества есть один из процессов природы, поэтому законы его развития так или иначе основываются на фундаментальных законах последней. А посему, в частности, заниматься установлением этих законов должны представители точных наук: их работа состоит в нахождении истины, а не социологи, чьё дело – пропаганда, то есть сокрытие истины. Мы их проблемы всегда поймём, а они наши законы – никогда.

Следует признать также однозначно, что общество не сводится к экономике, как человек не сводится к пищеварительному тракту. И как интенсивная работа этого последнего не способна обеспечить существование идиота, так интенсивная работа экономики сама по себе не способна обеспечить существование общества на длительную историческую перспективу.

Принятие этих двух положений – первый шаг к постановке диагноза. В выборе же метода лечения есть определённая свобода. Какие соображения надо учитывать здесь?

Первое: следует признать непреложной истиной, что человечество родилось на планете Земля как один из продуктов её эволюции и не переживёт свою родительницу. Разговоры о космическом будущем человечества – бред. И второе: длительно (а с точки зрения состояния природной среды в запасе у людей десятки, а то и сотни миллионов лет) может существовать только общество по-настоящему равных людей.

Только по достижении согласия по этим коренным вопросам можно будет говорить более конкретно о законах развития общества и путях выхода из кризиса.

Григорий ЧЁРНЫЙ,
кандидат физико-математических наук

«Работать надо!»

Как показал украинский опыт, нужно говорить не о том, что молодёжь может стать политической силой, а о том, какие силы могут использовать молодёжь (тем более сейчас, когда уже заговорили про «оранжевую революцию» в России). А силу, способную действительно разбудить молодёжь, я пока не вижу. И пожелать молодым могу стать не политической, а производственной силой. Работать надо, а не революции устраивать!

Молодёжь не должна быть отдельной политической силой. Но основываясь на своём, пусть небольшом, жизненном опыте, под влиянием семьи и друзей молодой человек может участвовать в общественной жизни своей страны, присоединившись к движению, взгляды которого разделяет. И принести огромную пользу этому движению...

ПЁТР

ГЕОПОЛИТИКА

О дипломатии уступок

Подписанное В. Путиным в октябре 2004 г. соглашение о передаче Китаю российских территорий, а также заявление главы российского МИДа С. Лаврова о готовности заключить с Японией «мирный договор» (на условиях уступки российских островов Малой Курильской гряды – Шикотана и безымянной у нас группы островов, называемых в Японии «Хабомаи») вновь остро поставили на повестку дня вопрос сохранения целостности России в условиях постоянно возникающих претензий к нам со стороны соседних государств.

Вслед за некоторыми уточнениями заявления Лаврова со стороны президента В. Путина последовали более подробные комментарии официальных структур и лиц из близкого окружения правительства и Кремля. Но ответа на главный вопрос: «Кому и зачем нужен мирный договор с Японией в условиях давно законченной Второй мировой войны?» – так и нет.

Заявление Лаврова, сделанное 14 ноября прошлого года в программе НТВ «Апельсиновый сок», находится в явном противоречии как с недавними высказываниями по этому же вопросу – прямо противоположными – самого министра иностранных дел и его предшественников (за исключением, правда, экс-министра А. Козырева), так и с неоднократно звучавшими заявлениями президента В. Путина и других официальных российских лиц о недопустимости пересмотра послевоенной российско-японской границы в районе Южных Курил и невозможности по этой причине каких-либо территориальных уступок Японии. Все партийные фракции и объединения Госдумы (кроме СПС) прошлого и нынешнего созыва придерживаются аналогичной позиции.

Японское правительство, не признающее, в отличие от нас, никаких иных вариантов решения «территориального вопроса», кроме удовлетворения своих претензий в полном объёме, не замедлило отреагировать. Это в очередной раз продемонстрировало жёсткое заявление премьер-министра Д. Коидзуми, сделанное сразу после выступления С. Лаврова.

Жёсткая негативная реакция на инициативы нашего МИДа была и со стороны властей и жителей Сахалинской области, Курильских островов и других дальневосточных регионов, а также широкой патриотической общественности России.

Последовали попытки как-то «смягчить» этот очередной незадачливый ход российской дипломатии. Различные авторы подробно объясняли «истинный» смысл последних «курильских» инициатив и положения Декларации 1956 г. При этом почему-то ни слова не говорилось о тех решениях и документах, без которых объективное понимание того, «кто кому чего должен» и «зачем сейчас нужен мирный договор», крайне затруднительно, если вообще возможно. С. Лавров заявил о «готовности» применить к Японии «китайский подход» и заключить «мирный договор» на условиях 9-й статьи совместной советско-японской Декларации 1956 г. То есть о готовности идти на уступки в вопросе о территориальных претензиях Японии – ключевом вопросе российско-японских отношений.

Совместная советско-японская Декларация от 19 октября 1956 г. является действующим международным документом, определяющим базовые основы российско-японских межгосударственных отношений послевоенного времени. Декларацией было прекращено состояние войны между СССР и Японией, восстановлены официальные дипломатические отношения между двумя государствами, заложены основы экономического сотрудничества. Всё это сохраняет свою силу и сейчас.

Но это не относится к 9-й статье декларации. Именно в этой статье содержится согласие СССР передать Японии – только после заключения мирного договора – острова Малой Курильской гряды. Эта статья утратила юридическую силу вскоре после заключения декларации без ущерба для самой декларации, что следует особо подчеркнуть.

Официальный мотивированный отказ СССР от 9-й статьи декларации, о котором не может не знать С. Лавров, содержится в ряде памятных записок советского правительства, направленных Японии в январе–апреле 1960 г., о которых нынешние работники российского МИДа и другие официальные «комментаторы» почему-то не вспоминают.

В записках были чётко обозначены причины невозможности для СССР в создавшейся ситуации выполнения условия о передаче Японии Малой Курильской гряды: заключение Японией с США в 1960 г. направленного против СССР нового договора о безопасности, проведение других недружественных действий и, главное, выдвижение новых территориальных претензий на Кунашир и Итуруп, т.е. пересмотр условий первоначальных договорённостей, при которых СССР соглашался на передачу указанных островов.

В соответствии с международным правом такой односторонний отказ участника международного договора от соблюдения базовых договорённостей, коренным образом изменяющий их условия (условия договора), приводит к аннулированию и самих договорённостей.

Именно такая ситуация возникла в 1960 г., которая, подчеркнём, не изменилась и сейчас.

9-я статья давно утратила силу, и ссылка на неё сейчас не только лишена смысла, но и юридически неправомерна. На это обстоятельство ссылался в 1991 г. при подписании Советско-японского заявления президент СССР М. Горбачёв, отказавшийся упомянуть в нём Декларацию 1956 г., хотя сам Горбачёв и стремился решить проблему советско-японских отношений с учётом изменившихся условий.

Совершенно непонятно, почему 9-ю статью упорно пытаются «реанимировать» российские дипломаты и, более того, подталкивают к этому – и, похоже, небезуспешно – президента страны. Вероятно, вновь эти круги стремятся в очередной раз проводить «отступательную дипломатию» в ущерб интересам своей страны.

Есть ещё одно важное обстоятельство, о котором не упоминают российские сторонники сдачи Курил. Все вопросы, необходимые для нормального развития двухсторонних отношений между нашими странами, давно решены – Декларацией 1956 г., в соответствии с которой было прекращено состояние войны между СССР и Японией, восстановлены дипломатические и консульские отношения, решён вопрос о репарациях и репатриации японских граждан, созданы условия для развития торгово-экономического и научно-технического сотрудничества.

Новый договор нужен Японии лишь как средство удовлетворения территориальных претензий к нашей стране, поскольку в противном случае она его никогда не подпишет. Мирный договор отсутствует у нас с Германией, что никак не мешает динамичному развитию всесторонних отношений между двумя странами.

«Формально» открытым сейчас остаётся лишь вопрос о границе, однако для его решения отнюдь не требуется мирный договор, его можно решить в специальном пограничном соглашении или договоре о дружбе и сотрудничестве.

Вопреки утверждениям японской стороны, что она никогда не признавала послевоенную границу с Россией, это не так.

Подписав Декларацию 1956 г., а также серию межправительственных соглашений с СССР в 1960 – 1980-х гг., где Южные Курилы упоминаются как территории, находящиеся под нашим суверенитетом, Япония фактически признала послевоенную границу, что, по международному праву, означает её признание формально-юридическое.

Остаётся только удивляться, почему наша исполнительная власть никак не может (или не хочет) занять здесь твёрдую и однозначную позицию и раз и навсегда «закрыть» несуществующий «территориальный вопрос» в российско-японских отношениях. Тем более что перед глазами есть прекрасный пример 1960 г.

Твёрдую позицию здесь должен занять и президент В. Путин, который по Конституции является гарантом сохранения территориальной целостности страны.

В. ЗИЛАНОВ,
профессор,

А. ПЛОТНИКОВ,
профессор,
член экспертного совета Комитета ГД по безопасности

БЕЗОПАСНОСТЬ

Обратной дороги нет

Войти в это сообщество просто, выйти – невозможно...

Тема беседы с заведующим кафедрой медицины и психологии экстремальных ситуаций, членом экспертного совета Комитета по безопасности Государственной Думы РФ Валерием БУБНОВЫМ весьма актуальная – терроризм. Откуда эта напасть, и можно ли с ней бороться? И тем более одолеть? Но прежде всего: кто становится в ряды убииц?

– Обычно это случается со слабыми по духу людьми. Собираются вместе люди одной национальности или одной религии или схожих политических взглядов, испытывающих, мягко говоря, глубокую неприязнь к своим оппонентам. Получается своеобразное сообщество, организованное по типу секты.

– И какова его особенность?

– Членов этого сообщества поддержат, заступятся за них в определённых ситуациях и даже могут предложить им материальную помощь. Но если со временем человек осознает характер преступной деятельности и попытается выйти из неё, то это ему *никогда не удастся*.

– «Отступника» накажут?

– Его не будут увещевать и уговаривать, а *показательно с ним расправятся!* Разумеется, для того, чтобы другие почувствовали силу, которая ими управляет, поняли круговую ответственность и обрели возможность влиять на общество, *расширяя собственное жизненное пространство и распространяя свои экстремистские идеи.*

– А разве другие члены сообщества не чувствуют себя после этого униженными и подавленными?

– Возникает парадокс: у людей появляется ощущение *поддержки, силы*. Они понимают, что, если жить по законам *этого сообщества*, можно сделать, скажем так, карьеру. И если он проявит большую энергию, вербуя новых людей, передавая им информацию и опыт, выполняя поручения «руководства», то сам, безусловно, будет отмечен. И тогда отличившихся членов общества готовят для совершения террористического акта.

Совсем не обязательно, что человек сам взорвёт бомбу. Его могут назначить ответственным за акцию или одним из организаторов какой-то части террористического акта. Он будет вознаграждён, ощутит материальную независимость и некую уверенность.

– Участник будущих террористических действий полностью зависим – ослушаться или тем более пойти против своих нельзя. Есть опасность «засветиться», то есть попасть под подозрение правоохранительных органов. И, наконец, если даже задание выполнено, но не получило ожидаемого резонанса, то его или «понизят», или предложат где-то отсидеться. То есть с этим человеком уже опасно иметь дело. Так о каком же самоутверждении может идти речь?

– Ваш вопрос совершенно правомерен. Но ведь если человек с экстремистскими наклонностями *сознательно* или *вынужденно* служит террору, для него есть лишь один выход: продолжать запугивать общество, дабы диктовать свою волю, достигнув огромного влияния. С этого пути террорист уже не сойдёт. И примирение с ним невозможно. Кстати, глубоко ошибаются те, кто предлагает вести переговоры, пытается их переубедить.

– Не могли бы вы пояснить свою мысль?

– Если бы террорист пошёл, например, захватывать казарму, где ему могут дать отпор вооружённые профессионалы, то действовал бы как солдат. Но на это он никогда не пойдёт, потому что прекрасно понимает, что выйти из схватки живым у него мало шансов. Да и возможность осуществления самого теракта невелика, ибо его могут обезвредить ещё на стадии подготовки. Поэтому он идёт против мирных жителей.

– А можно ли снизить накал экстремизма или вовремя его подавлять?

– Рецепты на сей счёт неизменны: необходимо, насколько это возможно, снимать национальную, религиозную и социальную напряжённость, что является обязанностью государства. Если появляются обиженные и недовольные, зреют симптомы различных конфликтов, и их жертвами непременно окажутся мирные граждане.

То же самое происходит в России. Благодатная почва – социальный протест, возникающий из-за нерешаемых проблем. Посмотрите: немалая часть общества уже функционирует в подобном режиме.

– Страна живёт, мягко говоря, по-разному. Одни непомерно богатеют, другие катастрофически нищают. Естественно, вторые жгуче ненавидят первых...

– Пока власть не будет опираться на уже существующие законы и их неукоснительно выполнять, не станет чтить нормы поведения и морали, экстремистские проявления будут возникать с путающей периодичностью. Государство должно удовлетворять интересы всех слоёв общества в разумных пропорциях. Тогда у нас будет устойчивый средний класс, влиятельная творческая интеллигенция и осознающие свою ответственность перед государством олигархи. Что же касается различных религий, то они должны способствовать укреплению и объединению общества.

Главное – возродить доверие к государству, тогда резко сузится экстремистская составляющая, а количество террористических актов уменьшится. В этом я твёрдо уверен.

Беседу вёл
Игорь НЕХАМЕС

ДНЕВНИК УЧИТЕЛЯ

Удел избранных?

Я повезла своих учеников в Царское Село. В Лицей. Не боясь показаться сентиментальной, скажу, что у меня запершило в горле и на глазах выступили слёзы, когда мои ученики, двенадцатилетние мальчики и девочки, стоя между 14-й и 13-й «кельями», где в течение шести лет жили Пушкин и Пущин, читали:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Кстати, в Лицее мне рассказали восхитительную байку. Когда здесь решено было открыть музей, как водится, собралась учёная комиссия. А поскольку музеям в нашей стране всегда не хватает денег, один из «учёных мужей» предложил – в целях экономии застелить одеялом только кровать Пушкина, а кровати остальных лицеистов просто накрыть покрывалами.

«Но ведь мальчики будут мёрзнуть!» – воскликнула учёная дама, бывшая в этой комиссии.

«Какая прелесть! – подумала я. – Нет, есть женщины в Царских Селеньях!..» Действительно, относиться к культуре (а ведь весь первый лицейский выпуск стал волею «святого провиденья» гордостью русской культуры) не как к музейному экспонату, а как к жизни дорогого стоит.

Вспомнилась мне эта история в связи вот с чем. На мой взгляд, в нашей стране явно наметился раскол (помимо всех прочих расколов, как то: на богатых и бедных, москвичей и провинциалов и т.п.) на – условно – «культуру» и «жизнь». «Культура», сосредоточившись в разных «культурных» местах (а на ТВ исключительно на канале «Культура»), обретается сама по себе, а «жизнь» – сама по себе.

Как человек, волею судеб причастный к обеим этим сферам, могу засвидетельствовать: к примеру, современная школа взяла курс на «жизнь». В школе из года в год сокращается количество часов, отведённых на предметы гуманитарного цикла, то есть призванные поднимать культурный уровень детей. Кроме того, само содержание этих предметов сегодня ориентировано на «пользу»: русский язык преподают, чтобы ребёнок поступил в вуз, иностранный – чтобы хорошо устроился в жизни, литературу и историю... – очевидно, чтобы он мог на досуге разгадывать кроссворды.

А чего стоит установка Министерства образования на то, чтобы в нынешней школе акцент с процесса был смещён на результат! Ведь тогда абсолютно логично появление (и процветание!) такого жанра, как *«краткое изложение произведений классической литературы»*: действительно, если важен *результат*, зачем читать увесистый том Толстого, когда из двух страниц можно узнать, что Анна Каренина сначала бросила мужа, а потом бросилась под поезд.

Выхолащивая из себя культуру, школа, пользуясь выражением К. Леонтьева, *поощряет слабых людей быть слабыми*. Как бы из гуманизма. С другой стороны, на недавнем конгрессе «Русская словесность в мировом культурном контексте», одним из организаторов и участницей которого мне довелось быть, в нескольких выступлениях прозвучала встревожившая меня мысль о том, что культура – удел немногих избранных и что её распространение *вширь* в современном мире будет для неё гибельно. Помнится, Андрею Вознесенскому многажды пеняли за пресловутые «плавки Бога», хотя у этого поэта, на мой взгляд, есть куда более полемические строки:

Не понимать стихи не грех,
Ещё бы, говорю, ещё бы!
Христос не воскресал для всех –
Он воскресал для посвящённых.

Так и хочется, мягко говоря, возразить: да нет же! Христос воскресал именно для всех. Это-то и бесило фарисеев, уверенных в собственной избранности...

К чему я это всё? К тому, что, освобождая детей от «культуры», мы отлучаем их от, может быть, высокого предназначения (вспомним, что все тридцать лицеистов, которых «грузили» по университетской программе, составили славу России), а загоняя «культуру» в «башни из слоновой кости», мы лишаем её – как, правда, по другому поводу, выразился Л. Толстой – *«скрытой теплоты патриотизма»*. К тому, что между «жизнью» и «культурой» не должно быть зазора: они должны пронизывать друг друга, входить друг в друга, по слову поэта, «как образ входит в образ». Но пока они находятся в состоянии раскола, спасать нужно и «жизнь» (и в первую очередь детей), и «культуру»: не одно ОТ другого или ЗА СЧЁТ другого, а и то и другое одновременно – *от воинствующего прагматизма* и, по слову другого поэта, *бессмертной пошлости.*

И как та учёная дама, увидевшая в знаковых фигурах отечественной культуры обыкновенных детей и потребовавшая дать одеяла ВСЕМ, мы сегодня должны дать «культуру» ВСЕМ детям, чтобы завтра они стали Пушкиными и Дельвигами, без которых немыслим Пушкин, потому что пора уже нам наконец понять, что наше ВСЁ – это ВСЕ.

Инна КАБЫШ

БОЛЕВАЯ ТОЧКА

Оплаченная льгота

Ноу- хау нашего правительства

Вчера вечером совершенно внезапно мой автобус пришёл точно по расписанию, в 18.07, не очень тесный, а вдобавок ещё и тёплый – обогреватели в нём работали! Кто-то из ожидавших его на остановке даже воскликнул: «Надо же! Сегодня прямо как в сказке!!!» И я подумала: почему же норма кажется нам сказкой?

Ответ на сей вопрос ждал меня уже дома, когда я включила телевизор. «Вести» на РТР бодренько вещали, что волна протестов против отмены льгот пошла на спад. Да и вообще – всё уже совсем наоборот: люди митингуют в поддержку Закона о монетизации. В общем, всё «прямо как в сказке»!

Особенно мне понравилось то, как именно были поданы телевизионщиками сюжеты о митинге в Оренбурге (за закон) и в Ярославле (против него). Было тщательно подчёркнуто, что люди в Оренбурге просто вдруг захотели очень, взяли да и вышли поддержать горячо любимое правительство! А людей в Ярославле коварно подговорили и выгнали на улицу представители КПРФ и «Родины». То есть сами-то пенсионеры очень даже хотят платить за проезд в транспорте, а некоторые злопыхатели их отговаривают. Более того, специально как чрезвычайно важный момент было упомянуто, что в митинге в Оренбурге приняли участие студенты местного университета, мол, продвинутая молодёжь всё правильно понимает. Не то что глупые ярославские старушки под красным знаменем.

Но это ещё не всё. Далее следовал не менее оптимистичный сюжет о том, как ловко в городе Уфе была решена проблема с этим самым проездом. Довольный возможностью покрасоваться на Центральном телевидении, местный чиновник гордо отрапортовал: *«Мы уже напечатали достаточное количество льготных проездных, которые как раз столько стоят, сколько компенсацию получили льготники на проезд – 150 рублей»*.

А теперь подумаем, что стоит за этими красивыми словами? Кто-то долго вычислял, начислял, переводил и приносил старикам 150 рублей. Зачем? А чтобы потом эти старики вышли из дома, каким-то образом добрались до того места, где выдаются эти льготные проездные и... отдали обратно эти 150 рублей взамен на картонку с картинками (которую, заметим, кто-то «разработал», сверстал, утвердил, напечатал, привёз в кассу – и, разумеется, сделал это не бесплатно). Что-то я не вижу – где тут экономия государственных средств и облегчение жизни граждан?

Может быть, вы видите? Нет? Странно... Совершенно тогда непонятно, почему в следующем сюжете министр финансов господин Кудрин заявил, что он *«уверен, что закон, по сути, правильный, неправильным было лишь взаимодействие»* некоторых структур, связанных с его исполнением.

Откуда такая уверенность? Не иначе, как из сказки...

Наталья ЖАВОРОНКОВА

СИТУАЦИЯ

Пёс Барбос и наболевший вопрос

Количество бездомных животных в городе растёт с угрожающей быстротой

Опасные кочевники

Эта история произошла в минувшем году в Москве. В течение нескольких недель в Сигнальном проезде, что в Отрадном, стая бродячих собак буквально охотилась на людей. В результате пять человек были искусаны, а 54-летняя женщина, сотрудница мусоропрессовочной станции предприятия «Экотехпром» Валентина Архипова, погибла.

В то роковое утро она шла на службу не обычным путём, а более коротким – через пустырь. Чуть раньше по тропинке проходил её коллега со станции. Собаки злобно облаяли мужчину, однако не тронули. Женщина же подверглась массированной атаке: несколько десятков псов окружили, а затем с громким рычанием набросились на неё, повалили наземь и стали рвать. Эту жуткую картину и увидели сослуживцы Валентины, однако их попытка отогнать взбешённых собак палками оказалась тщетной. Пришлось вызывать специалистов из службы отлова диких животных. Ну а несчастная женщина в тот же день скончалась в реанимации Боткинской больницы...

Случай жуткий, исключительный. Собаки действительно нередко атакуют людей, но чаще агрессорами оказываются не «дикари», а домашние псы. По данным отдела городской фауны столичного Департамента жилищно-коммунального хозяйства, в 2003 году было зафиксировано 26 тысяч случаев нападения четвероногих, и в 70% виновниками инцидентов оказывались животные, спущенные с поводков. Разумеется, домашние, часто «трудные», породы собак в «неправильных» руках опасны, но куда большую тревогу вызывают полчища их одичавших собратьев.

Их число в столице точно определить не может никто. К примеру, главный специалист отдела городской фауны Департамента ЖКХ правительства Москвы Эльвира Коптельцева вообще оставила мой вопрос без ответа. По неофициальным же данным независимых добровольных зоозащитных организаций города, в частности Общества опеки бездомных животных, **число бродячих собак в городе давно перевалило за сотню тысяч.**

Сбившись в стаи, они кочуют по своей «подконтрольной» территории в поисках еды и тепла, и если кто-то – будь то человек или другой незнакомый объект – появляется в «их владениях», то, естественно, он воспринимается как нарушитель. Потому псы, напоминающие по повадкам уже волков, порой в прямом смысле не дают прохода людям. Ежегодно поголовье бродячих псов заметно увеличивается не только за счёт естественного прироста, но и по вине безответственных и напрочь лишённых милосердия людей. Надоел вчерашний любимец или оказался «не той» породы, и его мигом выставляют за дверь. Легко представить, что количество собак-бомжей только в столице в день увеличивается на десяток-другой. Причём их опасность многократна – они не только агрессивны, но и основательно загрязняют окружающую среду. К тому же бездомные твари – активные распространители различных инфекций.

Кому о них заботиться? Разумеется, городским властям. И столичные чиновники от этой проблемы не открещиваются. Более того – стараются ее гуманизировать. С середины 90-х годов начал создаваться механизм по отлову, стерилизации, лечению и содержанию бродячих животных в специально созданных приютах. А в 1998-м вышло постановление московского правительства о строительстве таких домов в *каждом округе столицы за счёт средств, выделенных префектурами города.*

Две тысячи рублей на лапу

Первая часть этой проблемы, надо отметить, не без труда, но всё же решается. На десять административных округов работает одно муниципальное образование ГУП «СОДЖ» – служба отлова диких животных и пять подчиняющихся ему подрядных организаций, созданных на базе бывших районных ветлечебниц, осуществляющих стерилизацию и лечение отловленных бродяг. «Собачьи» проблемы – в ведении ещё одной организации – некоммерческого партнёрства «ОБЗОР ЗОО», объединяющего зоозащитные организации. Правда, она обслуживает лишь два округа: ЮЗАО, в котором расположена, и Центральный. На другие просто не хватает площадей и специального персонала, хотя материальные средства властями города выделяются – на каждого четвероногого до 2000 рублей в год.

Схема деятельности этой структуры такова: заявления от покусанных или напуганных собаками граждан жильцов поступают в местный ДЕЗ (ЖЭК), затем в районную управу. Потом они передаются специалисту по фауне в префектуру, а от него обобщённые и централизованные заявки на отлов животных отправляются в упомянутые «СОДЖ» или «ОБЗОР ЗОО». Они и принимают меры. Или пытаются это сделать.

Увы, КПД деятельности всех разнообразных государственных, общественных и частных контор невелик: поскольку стерилизованные и вакцинированные животные после обязательной десятидневной профилактической передержки награждаются специальным ошейником с меткой ветеринарного учреждения и их выпускают на волю.

Курирует же собачье хозяйство отдел городской фауны столичного Департамента жилищно-коммунального хозяйства во главе с высококлассным специалистом – Татьяной Павловой. Кроме того, в каждой районной управе и в префектурах всех московских округов есть штатные единицы по охране фауны, которых коллеги в шутку называют «главспецами по собакам и кошкам».

Кость в горле чиновников

Ну а что же собачьи приюты? Есть ли они в городе? Да, но только... один. Предназначенный, кстати, в основном для содержания собак, отобранных по суду, либо поступивших туда после смерти хозяев. Плюс немногим более десятка частных пунктов содержания бездомных животных. Все они рассчитаны примерно на полторы тысячи обитателей. Что делать с остальными?

Неизвестно, хотя, по планам правительства Москвы, приюты в каждой префектуре должны были функционировать уже как минимум три (?!) года. Саботаж? Да, но часто – неувольный. По мнению чиновников из управ и префектур, решение правительства не подкреплено финансовыми вложениями. К тому же Московская дума который уже год – по разным, в том числе объективным, причинам – никак не может принять закон «О животных»...

Тем не менее московские власти пытаются сдвинуть дело с мёртвой точки. Так, ещё весной прошлого года первый заместитель мэра в правительстве Москвы, руководитель комплекса городского хозяйства Пётр Аксёнов поручил префектам построить наконец пресловутые приюты до 1 июня 2004 года. И что же? Единственный, уже упомянутый приют открылся минувшим летом только в Бескудникове, остальные же районы так и не удосужились выделить денежные средства и землеотводы под постройку прибежища для собак.

Уже упомянутая мной главный специалист отдела городской фауны Департамента ЖКХ правительства Москвы Эльвира Коптельцева на мой вопрос «Когда же появятся приюты?» развела руками:

– Читайте постановления правительства Москвы и распоряжения мэра. Там чёрным по белому написано: решение этого вопроса находится в ведении префектур. Там и интересуйтесь.

Очень отдалённое будущее

Беру телефонный справочник и звоню в префектуру ЮЗАО. Специалиста по фауне на месте не оказалось, зато удалось поговорить с главным специалистом по ЖКХ Владимиром Степановым.

– Место для приюта мы уже давно подобрали, – сказал он. – Но проблема в деньгах. Их-то никто и не собирается выделять! Но даже если мы построим пресловутый приют, проблема не решится. Поместим туда сотню или даже полторы животных. По нашему большущему округу их несколько тысяч бродит. Куда остальных девать?

– Но будет ли всё-таки у вас приют? – повторяю я свой надоевший вопрос.

– Будет, будет, – вздыхает чиновник. – При удачном раскладе к лету или осени.

Про неудачный расклад я расспрашивать не стал.

Звонки в другие префектуры и по тону, и по содержанию не слишком отличались от упомянутого. Приюты будут. Но когда?..

Может быть, собаки стали более кусачими оттого, что власти никак не могут решить их проблемы? Обычным же гражданам в очередной раз приходится, ускоряя шаг, обходить скопища животных. Кстати, и автор этих строк шёл в редакцию «ЛГ», опасливо оглядываясь по сторонам – в вечерних сумерках Уланского переулка мелькали многочисленные четвероногие тени...

Александр КОЧУБЕЙ

Москва не только громкоголосый город, но ещё и громколающий. Едва ли не каждый двор в столице населён бесприютными собаками. Одни люди сочувствуют бедолагам и, как могут, решают их «продовольственную программу», другие стараются побыстрее миновать скопления четвероногих, ибо неизвестно, чего ждать от одичавших псов.

Как решают проблему сосуществования людей и животных городские власти? Или, вернее, как пытаются её решить?

Александр КАРЗАНОВ

ГРИМАСЫ ЖИЗНИ

Вход воспрещён!

В библиотеку под конвоем

Опасный революционер пойман благодаря бдительности сотрудников охраны Российского государственного социального университета. Некто Букатин Н.П. расклеивал на зданиях бывшего Института марксизма-ленинизма, а ныне университета листовки с рекламой и объявлениями, дискредитирующими, как сказано в приказе ректора, сие образовательное учреждение.

Нехороший человек проник в окружённый высоким забором комплекс, сказавшись потенциальным читателем находящейся здесь же Государственной общественно-политической библиотеки, и тем самым подлил масла в огонь затухшего было конфликта между храмом социальной науки и храмом политической литературы. Не буду напоминать о сути спора (**«Так чей же это каравай?», «ЛГ» 2003, № 42 и «Вырубай!», «ЛГ» 2004, № 51 – 52**). Конфликт, похоже, уже давным-давно питает сам себя.

В декабре библиотекарям отрубили свет. А в январе вот поймали осквернителя университетского сообщества. И теперь все желающие записаться в библиотеку или посетить проходящие там выставки должны будут каким-то образом заранее сообщить о своём намерении директору этого учреждения или его заместителю. Те лично составят заявку и отнесут её начальнику смены охраны университета. И всё бы ничего, если бы в этом был бы хоть какой-нибудь прок.

Допустим, звонит некий Пупкин и говорит, что хочет прийти на выставку, а сам прямо с проходной и – ну, совершать действия «антиуниверситетской направленности». Что делать? Наказать директора библиотеки, который Пупкина и в глаза не видел? Единственный выход, на мой взгляд, это обязать директора лично встречать всех посетителей, приковывать к себе наручниками и не отходить от них до тех пор, пока они не покинут территорию. От остальных обязанностей освободить.

Весной, когда в университет пойдут потенциальные студенты, от чтения лекций придётся освободить и всех педагогов. Ведь нехороший человек и абитуриентом прикинуться может, и давай дискредитировать и антиуниверситетские действия производить.

Кстати, как можно храм науки дискредитировать? Или речь не о храме?

Людмила МАЗУРОВА

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Тревожное наследство

Как образуется человек? Его характер, его судьба? Как влияет родословная, а как – среда? Мой отец-селекционер отводит главную роль среде (и до сих пор, в свои девяносто три года, не разгибаясь пишет и пишет об этом свои статьи). Но и родословную не отбросишь: даже болезни у нас с ним одинаковые – правда, некоторые из них сначала нападают на меня, а потом уже на него. Но сходство – неоспоримо.

Валерий ПОПОВ

ПОБОРОЛ, ЕГОРКА!..

Однажды Валентина Александровна, сестра мачехи, долго смотрела на нас с отцом, а я уже заранее мучился – сейчас скажет что-нибудь умильно-льстивое: «Ну прям на одно лицо!..», но она неожиданно сказала нечто совсем другое, совсем не лестное для меня: «Да-а-а… Корень-то покрепче будет!»

Да-а. Крепок, не спорю. Оказавшись «в поисках корня» в раскалённых степях между Волгой и Доном, я всё норовил спрятаться в тень – а где её взять, в степи-то? А они тут работали, и только усмехались. Больше того, по словам отца, нет лучше места на земле, чем та степь, для того, чтобы вырасти крепким и толковым. Ещё в младенчестве, отец вспоминает, знали чем заняться: ползали, выкапывали из оттаявшей земли корешки, луковки, клубеньки и с аппетитом съедали, причём чётко уже знали, когда и где надо копать. Крестьянские дети не пускали, как мы, кораблики в ручьях, а скребли ногтями землю, направляя ручей в свой огород – и уже в детстве осознавали себя работящими и удачливыми: что может быть лучше в начале жизни?

Сейчас везут детям гуттаперчевых тигров, чтобы как-то расшевелить их (детей), а тогда игрушкой им был живой телёнок, которого в морозы брали в избу, и надо было не просто играть с ним, а выхаживать, отвечать за него. Немудрено, что они вырастали покрепче нас!

«Никто, кроме тебя, не сделает!» – они вырастали с этим чувством, брали на себя бремя жизни, не рассуждая и не увиливая… Рассуждать и увиливать – это уже «ноу-хау» следующих поколений. Отцу было лет пять, когда его отец сказал ему: «Пошли», – и они пошли резать барана. Погладив уже заранее испуганного барана по голове, Иван Андреевич взял его за рога, быстро приподнял, зажал между колен, потом задрал голову, сначала надрезал и распустил кожу на шее, потом перерезал горло и повесил барана за ноги, чтобы стекала кровь. Отец говорил, что хотелось зажмуриться, а ещё лучше – убежать… но он стоял и смотрел, понимая, что раз он – мужик, то и его такая же работа ждёт: «Никто, кроме тебя, не сделает!»

Помнить всё – это особый дар, доставшийся отцу, и уже в меньшей степени – мне. Он помнит, как, ползая по лавке в коротенькой рубашке, выпил из блюдечка яд для мух, и старшая сестра Настя мчалась с ним в поле, где работала мать, и та отпаивала его грудным молоком. Помнит, как однажды процарапал гвоздём глаза на бумажном, наклеенном портрете царя в избе, и помнит двух красивых жандармов, которые зашли в избу попить воды, и спрашивали строго, кто же это так поступил с царём, – отец помнит испуг и радость, когда жандармы ушли.

Я тоже помню себя очень рано. Спасибо отцу. Как он помнит деревню! Как рай! Сообщество больших, весёлых, добрых людей, любящих тебя, знающих, чей ты, уважающих тебя с ранних лет: «Поповых парень!» Одно из самых ранних воспоминаний отца: мужики сидят на земле, ждут, когда истопится баня (одна на несколько дворов), и отец, ликуя, сидит верхом на соседском мужике, и тот смеётся: «Ну всё! Всё! Поборол, Егорка, поборол!» Ты свой, любимый здесь, вокруг крепкие, надёжные родичи и соседи! Этого счастья хватало на всю жизнь – с большой верой в себя и людей росли крестьянские дети.

КОГДА МЧАЛИСЬ РУЧЬИ

Изба родичей по отцовской линии была на главной улице, у площади, возле церкви, но больше отец помнит другую усадьбу – на Третьей улице, куда, женившись, переехал его отец. Почему это произошло – неизвестно, обычно жена переезжала к мужу, но тут… Окружённый невысоким валом густой сад, вместо забора – густые заросли тёрна, степной сливы. В тех тёмных зарослях можно было и прятаться от наказания, и переживать обиду, и впервые чувствовать – это помнит отец – странность и загадочность мира.

Весной, когда по наклонным проулкам мчались ручьи, нужно было затоплять сад водой по самую кромку вала: иначе год будет бесплодным. Заботы об урожае начинались с ранней весны. Азарт агронома, селекционера, болеющего за урожай, – всё это появилось, естественно, из увлекательной и целеустремлённой жизни деревенского мальчика. Отец помнит, как он ещё с дедом пахал: погонял лошадь, а дед держал плуг, а потом вдруг – восторг и волнение! – предложил: «Ну-ка поменяемся!»

Все вместе росли!.. Однако разные выросли. Видать, не только условия всё решают. Отец помнит братьев отца. Старший, Тимофей, служил в Петербурге в каком-то гвардейском полку, отец помнит его на побывке, окружённого толпой хохочущих мужиков – Тимофей, как говорят теперь, владел аудиторией. «А как же ты до горничных тех добираешься – столько одёжек там у них?» – спрашивал какой-то мужик. «А так: беру и вытряхиваю!» – лихо отвечал Тимофей.

Средний брат, Иван, породивший всех нас, был серьёзный человек, кажется, чуть мрачноватый, судя по сохранившейся фотографии… Скомканная борода, тяжёлый, властный взгляд. В 37-м посажен, вскоре погиб: слишком упрямый был, всюду говорил, что Сталин – не гений.

Однако именно от него пошла целая ветвь интеллигенции – начиная, собственно, с него самого, – отец помнит огромную книжку с картинками, переложенными пергаментом, с принцами и королевами… Шекспир. Мой саратовский кузен Юра, профессор медицины, нашёл в архиве Саратовского медицинского института письмо Ивана Андреевича, написанное каллиграфическим почерком, где он просит не лишать стипендии его дочь Нину.

Его отпечаток – на всех нас. Особая отметка – наследственная паховая грыжа. Надорвался, таская саманные кирпичи, уже не мог работать, как все, и стал учиться, и выучился, – вспоминают: так быстро, будто заранее всё знал. Работал писарем, бухгалтером, учителем – первый сельский интеллигент. Как и положено интеллигенту той поры, проникся социализмом, читал запрещённую литературу, был выслежен и еле успел сбежать, долго скитался, строил Туркестанскую железную дорогу. Вообще, как и мой отец, увлекался, куда-то уносился, не был, что называется, таким уж блюстителем семейства, однако успел-таки родить девятерых детей: трое умерли в детстве. Пятеро детей, исключая старшую сестру Настю, нянчившую всех и оставшуюся в деревне, вышли в интеллигенцию. Татьяна стала учительницей, вышла за Василия, родила двух братьев-москвичей – Владлена и Игорька, крупных инженеров. Нина стала доктором, главным врачом санатория, родила тоже медиков – кузена Юру, саратовского профессора, и Татьяну, тоже замечательного врача.

Самый старший брат отца, Михаил, рано ускакал из семьи, стал крупным военным, погиб в Крыму. Отец сказал мне: «Помню, как он на одну минуту буквально – приехал верхом, – мы как раз месили навоз на кизяки, потряс каждого за локоть – руки у всех в навозе были, и унёсся галопом».

Следующий брат – был какой-то непохожий на остальную породу – стройный хулиганистый блондин: отец помнит из раннего детства, как Николай развинтил щегольскую тросточку, поднёс ко рту и выпил: в тросточке была фляжка для водки. В короткой части тросточки сверкнуло лезвие ножа. Увидев, что малолетний Егорка на него смотрит, Николай свинтил тросточку, подмигнул брату-несмышлёнышу и, пританцовывая, вышел на улицу.

Потом, как рассказывает отец, Николай учил его всяким лихим штучкам, но не привилось: совершенно разные, хоть и родные братья! Николай оказался милицейским начальником в Алма-Ате: после долгого перерыва пришло от него письмо.

Хорошо, когда много братьев: фортуне есть из кого выбирать! Отец больше всех пошёл в своего отца: ещё в деревенской школе, вспоминает, был отмечен учительницей, часто ходил к ней домой, потом – добровольно, никто не неволил его – ходил за десять вёрст в школу средней ступени, а старшие классы были только в Ельце, районном центре, переехал туда и тоже учился лучше всех вместе с тамошним своим другом Тынянкиным, умершим от чахотки на первом курсе философского факультета Ленинградского университета. Отец помнит, как шёл пешком домой из Ельца вдоль насыпи, а мимо на поезде проезжал богатый его сверстник-односельчанин, тоже учившийся в Ельце, и помахал из окошка. Отец говорит: помню, не почувствовал никакой зависти к нему, был вполне доволен собой и помахал в ответ вполне дружески. Хорошо, когда человек уже в молодости вполне ценит себя, – и уже есть за что!

Вместе с каменной уверенностью отец отличается ещё равнодушием к обстоятельствам, не относящимся к делу… всё остальное почти не трогает его. Хорошо это или плохо? Попробуй ответь. Помню, как он ушёл из семьи *(не могли мы, увы, переехать за ним в сельскую местность – школу заканчивали, поступали в институты)*… Помню, как я приехал к нему в Суйду – голая комната, топчан из досок вместо кровати. Это как бы не трогало его. Мельком поинтересовавшись моими делами *(я, между прочим, золотую медаль привёз ему показать!)*, он вскоре азартно и подробно стал говорить о своих опытах, новых сортах ржи. Потом я гнался за ним по полям, задыхался, а он (степное здоровье!) словно не замечал ни пройденных вёрст, ни жары!

Что-то я от него унаследовал… кроме грыжи. Но – увы! – далеко не всё.

…Растут вместе, а вырастают по отдельности. Кроме Ивана Андреевича, отцовского отца, и Тимофея-гвардейца, был ещё младший их брат, Николай, плохо говоривший, туго соображавший. Потом женился, и от него пошла ветвь. Из большого хозяйства он унаследовал сад с домиком. Семьдесят лет спустя мы с отцом шли по этому саду, заросшему и запущенному, подошли к тому домику… оттуда нёсся звон посуды и громкий мат наших дальних родственников. В домик мы не зашли…

ОТЦЫ И ДЕДЫ

Как и все мы в этом мире, я случайно появился на свет. Сколько происшествий, стечений обстоятельств странно сложились, чтоб выдернуть меня из небытия!

После Саратовского сельскохозяйственного отец попал в Казахстан, в пустыню, налаживал там земледелие, потом (не хотели отпускать!) под предлогом военных сборов уехал в Алма-Ату, но оказался в Ленинграде, в аспирантуре у Вавилова. Да, без риска судьбы не бывает… Умели рисковать наши родители! А мы?

Пока отец ждал в Ленинграде начала занятий, оголодал настолько, что решил вместе с другом (как раз подбившим его в аспирантуру) уехать, не дождавшись. Но… опоздали на поезд! И в этом пространстве – нескольких сантиметров, которых не хватало отцу, чтобы схватиться за поручень, – и зародилась моя жизнь. Отец вернулся, закончил аспирантуру, распределился (уже кандидатом наук) в Казань – и там встретил мою маму.

А ведь мог бы успеть тогда на поезд – и не было бы меня.

Казань и есть начало моих воспоминаний – тоже, как у отца, довольно ранних. Помню коврик над колыбелькой – аппликация: снежная баба, румяные дети играют в снежки. Отец входит – тоже с мороза, молодой и кудрявый, и со вздохом наслаждения прижимается красными ладонями к круглой гофрированной печке в углу.

…Отец моей мамы, академик Мосолов, в то время в Казани уже не жил. Москва, слава, новая семья! Он стал вице-президентом Сельхозакадемии, заместителем Лысенко, который прошёл уже тогда пик своей зловещей славы, а дед, наоборот, выпустил пятитомник «Основы земледелия» и был весьма почитаем не только наверху, но и среди рядовых агрономов. К супероткрытиям Лысенко он отношения не имел. Видел дедушку Мосолова я один-единственный раз, но зато в момент очень важный для нашей семьи. Отец, в молодости весьма общительный, оставил в Ленинграде после аспирантуры много друзей и теперь с новыми заслугами и сортами возвращался работать в Ленинград, в тот самый ВИР, где он окончил аспирантуру! Да, многим мы обязаны нашим отцам, пробившимся из деревень в столицы!.. Только вот деревенского воспитания не удалось уже нам получить!

Мы ехали в Ленинград через Москву, и академик Мосолов встречал нас на вокзале. Помню его барственную осанку, седой ёжик, сановное пенсне. Приехала его дочь, моя мама, но оживления и радости на его лице я не помню. Впрочем, что мы можем знать? Стань я вице-президентом академии, может, ещё бы важнее ходил. Ведь так, наверное, и надо, чтобы ценили тебя. Во всяком случае, свою казанскую трёхкомнатную квартиру он оставил нам, там я и родился, и все первые необыкновенные впечатления, которые, ещё не зная зачем, запоминал я, появились там, в дедовой казанской квартире, в доме, стоявшем на краю оврага. На том его «берегу» была улица, а за ней опять овраг. Казанская наша жизнь исчезла, осталась лишь в моей памяти, и, вспоминая казанскую жизнь, я и писал, оказывается, первые свои рассказы.

Мелькнувший и исчезнувший дед Мосолов, оставивший столь глубокий след в моей душе, происходил (как было написано в предисловии к его пятитомнику) из семьи *беднейшего* крестьянина-марийца… но не такого уж, теперь ясно, беднейшего, если он платил, как стало известно, за обучение деда ещё с царских времён. Осталась загадка, интерес: что-то есть у меня от того деда?.. Уже не узнать. Не найти уже никого, наверно, и из второй его семьи. А вдруг там – родственные души? Мало было его…

Зато кого было много – это моей бабушки, Александры Иринарховны. Столь непохожей на своего бывшего, впоследствии «обронзовевшего» супруга. Всё веселье, доброта, нежность связаны у меня с бабушкой. Родителям приходилось меня школить, воспитывать. Помню, как отец, вернувшись из командировки, узнал, что в первом классе я в числе худших. Весело крякнул, подсел к письменному столу, за которым я мучился, рисуя палочки… и сделал меня отличником. Помню морозное утро, я сбегаю по лестнице 182-й школы, меня встречает отец, я обнимаю его крепкое колено, потом достаю и раскрываю свою тетрадку… «ЛЫЖИ ЛЫЖИ ЛЫЖИ» – и внизу – первая в моей жизни пятёрка. «Молодец! – говорит отец весело. – На лыжах пятёрку догнал!» Помню и яростные его «уроки» – в ярость он приходил быстро.

А бабушка любила нас легко и весело, просто за то, что мы есть: меня, старшую сестру Элю (родившуюся в первом мамином неудачном браке) и младшую Олю, кудрявую хохотушку, получившую за замечательный свой характер замечательно удачную жизнь.

Бабушка, сияя, входила в прихожую с кошёлкой в руках. «Ну как, ребятки?! Угадайте, что принесла!» Она была счастлива, и счастье перепрыгивало к нам. Думая о том, справедлива ли жизнь к хорошим людям, вспоминаю бабушку. Бросил муж… Потом и дочь, моя мама, разошлась. Потом с ней случился удар, когда она была в Москве у второй своей дочери, Люды… и так, уже не двигаясь, она умерла. Помню, вошёл как-то в тот краснокирпичный дом на улице Каляевской в Москве, где бабушки уже не было, и вдруг резко сел на скамейку – слёзы, впервые после её смерти, пять лет спустя!

А после, почти случайно, пошёл, коротая время, по московскому кладбищу, нашёл гранитный монумент Мосолова, обошёл, и вдруг столкнулся на другой стороне с весёлым, любящим взглядом бабушки – и снова заплакал.

Думая о том, было ли что-то хорошее у неё в жизни, вспоминаю – было: после подаренных ей под конец её жизни красивых ленинградских улиц войти с кошёлкой в нашу квартиру на Сапёрном переулке – и увидеть нас.

И БЫЛО СЧАСТЬЕ

Мама-красавица, спортсменка, долго ещё оставалась такой, как в молодости: решала всё стремительно, безоговорочно, не тратя времени на трали-вали. Эта её стремительная решимость и развела их потом с отцом, но сколько она сделала с таким характером! Спасла нас. Из нашего казанского дома они ходили пешком на селекционную станцию семь километров, мимо озера Кабан, и обратно столько же – да ещё несли в рюкзаке картошку и репу, которые мы потом парили в печке, в котелке. Потому мы и выросли крепкими. Где-то затерялась замечательная её фотография – крупная, красивая, улыбающаяся, с тяжёлым снопом на руках. Символ советской женщины, как представляли это тогда. Она и была такой!

И было счастье. Помню – это уже в Ленинграде, на Сапёрном, они лежат с отцом на кровати и поют. Потом начинают шутливо возиться, как бы спихивая друг друга с кровати… счастье перелетает и к нам.

И потом – горестная поездка в Москву – мама героическим усилием вывезла нас вместе с отцом к любимым нашим московским родичам Алексеевым – в надежде, что они помогут нашей семье уцелеть… Не помогло.

Как странно движется жизнь – от хорошего к плохому.

Потом мама стала жить в Москве, у моей сестры Оли, ставшей москвичкой. После тяжких блужданий по московским редакциям каким счастьем было добраться к маме на Юго-Запад, войти в чистую кухню, вдохнуть запах её супа, всегда почему-то одинакового, независимо от города и продуктов, разуться, расслабиться, послушать её – и встать бодрым. Ничего бы не выходил я ни в какой Москве, если бы не тот сладкий отдых.

Постепенно дряхлея, она всё реже приезжала ко мне в Петербург, но, помню, сколько облегчения приносил мне её приезд. Казалось бы, уже совсем оплели мою жизнь разные беды, но стоило только сказать: «Мама приехала!» – и беды отступали. «Мама приехала!» Говорил это даже тогда, когда она вовсе и не приезжала, и всё равно помогало. Говорил и тогда, когда, она уже не могла приехать, и она помогала опять.

Так же и сейчас, когда не могу выбраться из какой-то путаницы, говорю последнее заклинание: «Всё! Я должен идти. Батя лютует!» – и враг отползает, не в силах что-нибудь противопоставить и возразить.

Их силой пока что и жив, с женой Нонной и дочерью Настей, и с удовольствием слышу, как Настя говорит иногда по телефону: «Всё! Батя лютует!» Это уже про меня.

РЕЗОНАНС

Занимательная наука

В последние годы судьба привела нас с мужем из родного Крыма в Москву, где живёт и работает врачом наш сын, растут внуки. А как-то осенью мы приехали в село Усово Одинцовского района, чтобы взглянуть на родину моего прадеда Константина Махаева, который более 50 лет прослужил в Спасской церкви, перестроенной в советское время под государственную дачу. Оказалось, что в настоящее время она находится на территории элитного посёлка. Настоятель храма Святителя Николая в селе Ромашково отец Алексий (Бабурин) рассказал, что прихожане не раз обращались к нему с просьбами о восстановлении церкви. Но власти отказывали, ссылаясь на отсутствие сведений об исторической ценности Спасо-Усовского храма.

И тогда я поняла, что мне надо делать, словно почувствовала, как прадед позвал меня на помощь в восстановлении духовной святыни села Усова. Так началась удивительная и почти мистическая история поисков родословной семьи Махаевых. Она полна символических совпадений: это и знакомства с людьми, столь необходимыми в данный момент, и нахождение книг, архивных материалов, в которых вдруг встречались столь нужные сведения, и выявление событий, отстоящих на десятки и сотни лет, но связанные друг с другом незримыми нитями.

Идея составления семейной родословной зародилась у меня давно. Старалась сохранять старые письма, фотографии, дневники, семейные предания, записывала воспоминания родных. Я знала, что мои прадеды по отцовской и материнской линии были священнослужителями, или, по образному выражению моей бабушки, «колокольными дворянами». Мне запомнились слова священника Павла Флоренского, что «сила религии в культе предков». Именно книга этого выдающегося философа, богослова, сокурсника моего деда по Московской Духовной академии послужила примером и основой для построения родословного древа нашей семьи, с которой на протяжении века породнились несколько поколений других семей. Вместе с 9-летним внуком мы нанесли на лист ватмана все необходимые сведения.

Родословное древо мы составляли с фотографиями. Часть из них сохранили моя бабушка и мама. Поражают благородные и одухотворённые лица священников. Старые фото прадеда, его жены и детей бережно сохранила его правнучка Т.М. Чеботарёва из Москвы.

А потом я отправилась на Большую Якиманку, чтобы взглянуть на дом, где жил Сергий Махаев, и храм иконы Иверской Божией Матери на Большой Полянке, где он служил в начале XX века. Храм находится при детской больнице, его недавно вернули верующим. С трепетом вошла внутрь. Тишина, полумрак, потрескивают свечи, стены покрыты росписью, я одна, мне казалось, я вдруг перенеслась в прошлое, что храм заполнен людьми и слышен голос молодого священника, похожего на моего прадеда, фотографию которого недавно только увидела у своих московских родственников.

Первый год нового века стал для меня особенным, как из рога изобилия посыпались, наконец, столь долгожданные материалы для составления родословной. Этому способствовало моё обращение в Исторический архив, где хранятся дела моих родственников, воспитанников Московской Духовной семинарии.

Так постепенно складывается мозаика жизни нашей семьи. Написала историю жизни прадеда, его сыновей, моего отца и брата, единственных продолжателей рода Махаевых. И теперь я хорошо прочувствовала слова А. Пушкина, что «изучение истории своих предков есть наука самая занимательная».

Татьяна РОДИОНОВА,
пос. СТЕПАНОВКА КРАСНОГОРСКОГО РАЙОНА МОСКОВСКОЙ ОБЛ.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Дар надежды

Когда Михаил Шемякин узнал о судьбе Александра Попова и о том, что тот готовит книгу, он сразу дал согласие на предоставление для этого издания своих иллюстраций из знаменитого цикла «Метафизика».

Тема преодоления болезни человеку, год бродившему по горам, чтобы вернуть себя к полноценной жизни после наркотиков советской психиатрии, была более чем знакома.

Александр Попов пишет стихи, песни, работает в газете МЧС, в своё время много помогал комиссии по наследию Галича. А недавно, при содействии его младшего брата Павла, в издательстве «Звёздная Лига» наконец-то увидела свет книга Александра Попова «Один на один с болезнью».

От двух бортов –
да в середину
Вгонял шары свои недуг,
И жизнь рвалась,
как паутина,
Меж пальцев
непослушных рук…

Свою судьбу
готовясь встретить,
Я жил, не веря,
что живу,
Но Слово, лёгкое
как ветер,
Меня держало на плаву.

Это из Сашиных стихов. Их небольшая подборка завершает книгу.

«Один на один с болезнью» – книга поразительно откровенная. Автор просто рассказывает, как вдруг перестали слушаться его ноги, когда однажды, накануне армии, он возвращался с друзьями после игры в футбол. Как начались исследования, приговоры врачей. Как он стал думать и анализировать и, вместо того чтобы впасть в отчаяние, попытался вырвать себя из когтей страшной гостьи. И как это ему удалось.

Саша пишет, как работал на трёх работах в трудные голодные времена постперестроечных лет, как ходил в походы, вместо того чтобы сидеть в тепле и себя беречь. Как даже в минуты, когда было совсем туго, пытался помогать близким хотя бы своим весёлым настроением. Как воспитывал дочь и как повезло ему с женой, которая ни разу не позволила себе опустить руки.

Это урок жизни, урок человека, который лучше, чем очень многие, понял цену самому главному счастью на этой земле – счастью жизни. Александр размышляет, делает выводы и опять погружает нас в свою жуткую историю, которая тем не менее не оставляет чувства безысходности.

Незадолго до завершения рукописи Саша и его жена Ира получили в подарок билеты на «Норд-Ост». Они ещё спорили: брать дочь или нет? Не пошли по чистой случайности. Что было потом – известно.

Помните замечательный рассказ Василия Шукшина «Охота жить»? Так вот, закрыв эту книгу, очень охота жить, как и её талантливому и мужественному автору.

Виктор ЛЕОНИДОВ

ПОЧТА «ЛГ»

Ни почёта старикам, ни дороги молодым

Мне 73 года и, хотя я пережила и войну, и репрессии, но таких унижений, как сегодня, не знала. Живу в нищете, мизерные льготы – и те хотят отнять. Думала, внук на старости лет поддержит, но как старикам нет у нас почёта, так и молодым у нас дороги нет. Такое впечатление, что право на труд, записанное в Конституции, распространяется только на детей толстосумов.

Я всё сделала, чтобы мой внук, родители которого рано умерли, получил достойное образование, и в прошлом году он окончил университет, но… Оказалось, он никому не нужен. Единственное, что он смог найти, – это работу грузчиком, охранником или агентом по рекламе с зарплатой 2 тысячи рублей. Кто ответит, зачем я пять лет ущемляла себя и его? Если России не нужны молодые, здоровые, талантливые специалисты, то зачем тогда институты, университеты? Чтобы содержать преподавательский состав?

Мой внук сирота с 10 лет, а я не нашла понимания ни у руководства предприятия, на котором сама отработала почти 30 лет, ни у депутата, за которого мы оба голосовали. О каком будущем России может идти речь при таком отношении к молодому поколению? А что делать старикам?

А. РАЗУМОВА,
СТАРЫЙ ОСКОЛ

Если уж мы такие рыночники

Сколько стоит отцу с матерью вырастить сына? Забота о здоровье ребёнка, о том, чтобы он был сыт, одет и обут, полностью лежит на родительских плечах. За лечение и образование своего питомца они платят из собственного кармана. Но вот приходит день и час, когда государство вдруг вспоминает о юноше и вручает ему повестку с требованием явиться в военкомат. Призывник, таким образом, достаётся военкомату совершенно бесплатно. В прежних и в нынешней конституциях говорится о том, что служба в армии и защита Отечества – почётный долг каждого гражданина. Но времена сегодня другие, рыночные, и армия тоже реформируется на коммерческой основе: солдат-контрактник из числа тех, кто отслужил свой срок, продаёт за деньги полученные знания и опыт. А обыкновенные новобранцы? Уж если государству они крайне необходимы, то почему бы государственным мужам, сидящим на мешке с бюджетным профицитом, не подумать о своём долге перед родителями и не оплачивать им все средства, затраченные на воспитание будущего воина?

Леонид СОКОЛОВ,
РЯЗАНЬ

Сдал – и с плеч долой

Гуманитарные предметы, призванные формировать личность, гражданское самосознание, подчиняются схеме голого прагматизма. А ведь личность не может сформироваться, имея в фундаменте пользовательское, приспособленческое начало. Красота в простоте, но в ней и сложность, которую без творческого подхода не постичь.

Какая сейчас литература в школе? Зазубривание стихотворений, «программирование» образов героев. Всех надо запомнить к итоговому сочинению, потом прощай Обломов и Раскольников… С историей то же самое: сдаём – и с плеч долой. Кому нужна эта показуха, ложь, когда строятся человеческие души?

Мне постоянно на ум приходит Мельников из фильма «Доживём до понедельника». Вот Учитель! У него своя нравственная программа, и он старается передать её ребятам, разбудить в каждом Человека. Разве может дать что-нибудь подобное прагматичная философия, столь популярная сегодня?

Большинство нынешних школьников предпочитают смотреть токшоу, где всё ясно, понятно, зрелищно. Но сознание остаётся на обыденном уровне. Мы примеряем яркую западную маску, но она на нас как на корове седло, и стыдно нам, имеющим такую богатую историю и славящимся широтой души, упрощать жизнь. Мы должны творить и воспитывать творцов, иначе погибнем.

Оксана СЕМЕНКОВА,
студентка факультета журналистики РГСУ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КУРЬЕР

❑ **«Этот день мы приближали...» – так называется книга, подготовленная к 60-летию Победы издательским домом «Дальний Восток».** В подарочном издании собраны произведения писателей-фронтовиков – В. Клипеля, Н. Наволочкина, С. Тельканова и В. Ефименко. А ещё один автор книги, В. Сукачёв, родился в День Победы. Книга проиллюстрирована одним из лучших книжных графиков Дальнего Востока В. Антоновым.

❑ **Почитателями поэзии русского поэта Владимира Соколова создано Соколовское общество.** Членами его стали представители нескольких писательских организаций, мастера искусств, учёные, издатели, студенты, читатели из Москвы и других городов, а также из ближнего и дальнего зарубежья. Дело за малым – зарегистрировать общество в установленном законом порядке.

❑ **Отделение Союза писателей Татарстана в Набережных Челнах отметило 25-летие со дня основания.** Сегодня оно объединяет 27 литераторов, в том числе и из Елабуги, Мензелинска, Актаныша и Нижнекамска. С поздравлениями в автоград прибыли председатель Союза писателей республики Фоат Галимуллин, депутаты Госсовета, редакторы республиканских журналов и газет. «ЛГ» присоединяется к поздравлениям.

❑ **В Новосибирске прошло второе заседание редакционного совета межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение».** Речь шла об издании второго тома серии «Сказы народов Сибири». Серия предположительно будет состоять из 19 томов, каждый из которых представит один из субъектов Федерации, входящих в состав Сибирского федерального округа. Первая книга, «Берегиня», представила Новосибирскую область.

❑ **Семь лет назад вышел в свет первый номер журнала-газеты «Ярославская культура».** Местное отделение СП России намерено отметить годовщину своего детища встречами с читателями, выступлениями на телевидении и радио. Очередной же номер издания посвящён 60-летию Великой Победы, также его страницы предоставлены старейшим ярославским писателям и другим представителям творческих профессий.

❑ **Выставка скульптурных портретов Сергея Есенина и людей, его окружавших, открылась в рязанском селе Константинове.** Автор 33 работ – заслуженный художник России Николай Селиванов. Главной теме своего творчества, есенинской, автор отдал уже почти полвека. Первая работа из этой серии, фигурная композиция «Сергей Есенин», получила высшую оценку Суриковского института и экспонировалась на VI Всемирном фестивале молодёжи и студентов в Москве в 1957 году.

❑ **В Центральной районной библиотеке подмосковного города Балашиха прошёл поэтический вечер.** Ценители стихов собрались на презентацию сборника «Ночные соловьи» жителя города, лауреата различных литературных премий и постоянного автора «ЛГ» Николая Дмитриева.

❑ **15 февраля исполнилось 50 лет со дня рождения Тимура Кибирова – одного из известных представителей поэзии «концептуализма», пародирующего поэтов XIX и XX веков.** Он дебютировал в конце 80-х. Кибиров – автор книг «Общие места», «Календарь», «Улица Островитянова» и других, лауреат немецкой Пушкинской премии Тёпфера (1993), премии Антибукер (1997). В манере концептуализма и пересмешничества Тимур Кибиров работает и сегодня. Он является литературным обозревателем радиоканала «Культура». «ЛГ» поздравляет юбиляра и желает ему творческих успехов в поэзии и радиожурналистике.

❑ **Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» провела встречу с исследователем литературы, писателем Борисом Тарасовым.** Он представил книгу «Мыслящий тростник». Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей».

❑ **На Тверской земле, в торжокском Музее А.С. Пушкина, прошла традиционная литературная неделя, которую проводят уже много лет накануне Дня памяти поэта.** В рамках недели состоялись различные культурные мероприятия с участием видных музыкантов и чтецов. Сотрудники музея организовали бесплатные экскурсии для пенсионеров.

❑ **В Московском Доме национальностей прошёл вечер, посвящённый 60-летию поэта, публициста, издателя и переводчика Ильхама Бадалбейли.** На вечере присутствовали друзья поэта, представители азербайджанской общины, известные литераторы. Вечер вёл профессор лингвистического университета, доктор филологических наук Тофик Меликли. Среди выступавших – Рустам Ибрагимбеков, Юлий Гусман, Чингиз Гуссейнов.

❑ **В Таганроге открылась выставка «С нами Чехов».** Экспозиция в Таганрогском художественном музее приурочена к 145-летию великого русского писателя. В двух залах представлены картины, посвящённые Антону Павловичу, графические иллюстрации к его произведениям.

❑ **Продолжается конфликт ивановских писателей с областной администрацией, о чём «ЛГ» уже сообщала.** Напомним, в центре конфликта помещение, которое занимает писательская организация и откуда областные власти пытаются выселить литераторов. На очередном заседании комиссии по налоговым льготам и кредитам в Законодательном собрании Ивановской области администрации рекомендовано урегулировать конфликт с писателями. Последних же ждёт очередное судебное слушание по иску Управления культуры с требованием выселить писателей.

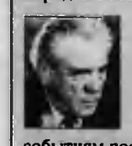
❑ **В подмосковном городе Видное названы лауреаты межрайонного литературного конкурса для детей и юношества.** Победители определялись в трёх возрастных группах (6–11, 12–14 и 15–17 лет) и по четырём номинациям – «Художественная проза», «Поэзия», «Авторская песня» и «Журналистика». Инициаторы конкурса – дирекция централизованной районной библиотечной системы Ленинского района и Видновское литературное объединение имени Филиппа Шкулёва. Организаторы – министерства культуры и образования Московской области, Московская областная и городская организации Союза писателей России.

❑ **В Башкортостане к 100-летию классика башкирской литературы Сагита Агиша выходит в свет книга «И птицы никуда не улетят...».** В юбилейном сборнике публикуются дневники писателя в переводе на русский язык его дочери – Лены Агишевой, а также воспоминания его внучки, журналистки Гузели Агишевой.

❑ **Пятый сезон тверской литературный театр «Золотая роза» открывает авторским моноспектаклем Элеоноры Бантиной.** Он посвящён памяти Александра Пушкина и называется «Итак, я счастлив был!».

❑ **Президент Республики Бурятия Леонид Потапов на днях вручил сертификаты победителям первого республиканского конкурса грантов «Мир книги».** И теперь многие талантливые авторы, не имевшие ранее финансовых возможностей для издания собственных произведений, могут увидеть свои труды воплощёнными в книги. Проект осуществлён в рамках программы «Сохранение и развитие культуры и искусства Республики Бурятия» на 2004 – 2007 годы.

❑ **Общество М.А. Кастрена (Финляндия) учредило литературную премию для поощрения талантливых финноугорских писателей и переводчиков.** В этом году она составит 2000 евро. Претендовать на получение премии могут и марийские писатели, публикующие свои произведения на родном языке. Главная и ряд поощрительных премий ежегодно выделяются в рамках Финской программы поддержки культуры финноугорских народов России.



❑ **В Красноярске состоялось собрание регионального отделения Союза писателей России.** Правление его во главе с председателем Александром Щербаковым отчиталось за минувший год, прошедший под знаком 70-летия Красноярского края и 80-летия В.П. Астафьева. Писатели этим событиям посвятили два номера журнала «Енисей», приняли участие в сборнике «Земляки об Астафьеве», провели конференции и конкурсы. А Борис Петров, Александр Щербаков, Алексей Бондаренко, Александр Бояркин и другие выпустили новые книги. Ныне решено сосредоточить работу вокруг 60-летия Победы и 100-летия М.А. Шолохова. Уже подготовлен общий сборник прозы и поэзии «Весна 45-го года».

60 ПОБЕДИТЕЛИ

Какой эпизод (печальный и ли радостный) из фронтовой жизни вам больше всего запомнился?

Каковы сегодня ваши творческие свершения?

Какое произведение о войне вам дороже всего?

Какие чувства и мысли навевает на вас 60-летие Победы – радость или горечь?

Виктор ФЕДОТОВ,
поэт

Радостный эпизод войны – это сложившийся у меня своеобразный триптих атаки. Волнующие мгновения упорных боёв военной страды, слившихся в один порыв души и сердца. Идущие по деревне Колодезь солдаты, где располагался стройбат московских студентов и школьников. Лето первого года войны было ознаменовано громким контрнаступлением под Ельней. Как продолжение его, но уже под Ленинградом вспомнились идущие в бой матросы пятого года службы 56-й морской бригады. Шли с распевной гармонью. Её лирические звуки крепили мой шаг. Радовали идущие в бой юные солдаты 26-го года рождения, чуть ли не последнего военного призыва. Освобождая Карелию, они лихо форсировали Свирь и шли в атаку. Открыли море огня. «Рус солдат, не стреляй!» – кричали кадровые финские офицеры. И в ответ огонь усиливался. Снабженцы не успевали пополнять боеприпасы. Такого за всю войну не было.

К 60-летию Победы вышла моя книга стихов «Триптих». Готовится вторая – «Цветут акации». В этих книгах, особенно в первой, стихи и о войне, многие годы лежавшие в столе. Тираж их мизерный, мало кому они попадут в руки. Ведь поэзия нынче в загоне. Спасибо «Литературной газете», публиковавшей мои стихи, – не забыли фронтовика.

Из произведений о войне мне особо дорога лирическая проза Евгения Носова «Красное вино Победы». Может, потому, что его герои, лежавшие в госпитале, как и я после второго тяжёлого ранения, узнали о конце войны далеко от поля боя. 60-летие Победы радует меня тем, что она всё ещё жива, и живы солдаты-окопники, именно окопники, которым ни на минуту не приходилось расставаться с пулемётным и артиллерийским огнём, разве что попав в «наркомзем» или «наркомздрав» – так называли окопники убитых и раненых.

Вспомнят ли в День Победы прославленные в боях соединения, их боевые знамёна? Расформирована лучшая из лучших армий, как, например, 16-я Баграмяна. Не стало кузницы асов Качинского училища лётчиков. Блеснул военным талантом стойкий ученик Жукова – Рохлин. Нет и его. Для участников парада собираются сшить военную форму времён войны. Современная форма мне напоминает американскую. А надо ли было увольнять из армии гимнастёрку, которую с честью носили царские и советские солдаты?

У Победы Великой Отечественной войны простое, открытое человеческое лицо. Как знать, не в последний ли раз осветит оно честные души воевавших и не воевавших солдат?..

МОСКВА

СИТУАЦИЯ

Всё смешалось в Доме Ростовых

«Об упорядочении работы в МСПС». Выступление С.В. Михалкова на заседании исполкома

Окончание. Начало на стр. 1

Ларионов не хотел прислушиваться к моему мнению, подчас прямо отказывался выполнять мои распоряжения. Так было с поспешным выселением из «Дома Ростовых» Союза российских писателей, журнала «Дружба народов» и Союза писателей Москвы. У меня нет симпатий к Р.Ф. Казаковой, я знаю, как она вместе с Филатовым пыталась нечестным путём захватить «Дом Ростовых». Но мы не можем в наших действиях уподобляться нашим оппонентам, тем более что ни Союз российских писателей, ни журнал «Дружба народов» нашими оппонентами и не являлись. Методы, которыми осуществлялось выселение, вызвали громкий общественный скандал, особенно недопустимый в год 70-летия Союза писателей СССР, противоречащий самой идее и уставу нашего сообщества, создававшегося, как сказано в уставе, ради объединения писательских сил и творческого сотрудничества писательских союзов. Ларионов полностью проигнорировал мою критику этих действий.

И, наконец, самое главное: этот единоличный диктаторский стиль руководства, когда члены исполкома и секретариата МСПС, включая председателя, оказались полностью отодвинутыми от дел, привёл к полной закрытости, отсутствию прозрачности финансово-экономической деятельности организации.

Ларионовым было сделано всё, чтобы не было никакого контроля за ведением финансовых дел в МСПС. Гроссбух Ларионова, как у Пулатова, – книга за семью печатями не только для членов исполкома, но и даже для меня, лица, единственно обладающего правом без доверенности действовать от имени МСПС. А между тем накопились жгучие финансовые вопросы к Ларионову. К примеру, куда делись 900 тысяч долларов, которые нам должна была выплатить фирма за наши дома № 10–12 по улице Поварской? Почему налоговая инспекция недавно выставила МСПС штрафные санкции в размере 800 тысяч рублей? За какие деяния наша голова оказалась под дамокловым мечом Земельного комитета? Какого рода претензии к нам у Архитектурного управления по эксплуатации знаменитого памятника XVIII века – «Дома Ростовых»? Сколько мы получаем денег за аренду? И так далее.

В уставе МСПС сказано: «Сообщество обязано ежегодно публиковать отчёт об использовании своего имущества или обеспечивать доступность ознакомления с указанным отчётом». В конце каждого года исполком МСПС должен был заслушивать эти отчёты. Где они? За четыре года работы ни за один год отчёта Ларионовым не было представлено – ни мне как председателю, ни секретариату, ни исполкому, не говоря уж о его публикации и возможности ознакомиться любопытствующим писателям, как и куда расходуются деньги МСПС.

Разве такой авторитарный самоуправный стиль работы, когда полностью отсутствует прозрачность в главном – в финансовом отношении, когда неясно, как и куда единолично расходуются писательские деньги, допустим в творческой организации? Отсутствие гласной отчётности в расходовании средств сообщества, сокрытие этой тайны даже от председателя МСПС – мыслимо ли было такое, скажем, в Союзе писателей СССР? Дело дошло до того, что Ларионов, выжив главного бухгалтера, оставил под финансовыми документами только одну – свою собственную финансовую подпись, уйдя даже из-под этого контроля.

И, конечно, очень мешало в работе Ларионова совмещение им нескольких ответственных постов: директора издательства «Советский писатель», главного редактора журнала «Слово» и первого заместителя председателя МСПС. Предлагая четыре года назад на первом (и чуть ли не единственном) заседании исполкома кандидатуру Ларионова в первые заместители, я говорил (цитирую по стенограмме):

«У него издательство, у него свои заботы, свои неприятности. Но я наконец уговорил его временно: давай, хотя бы на полгода».

Теперь я понял, что, уговорив Ларионова, я совершил ошибку. Но в неблагополучии, которое сложилось в МСПС, виноват не только я как Председатель. Виноваты и рабочие секретари: старейший наш работник Шавкат Ниязи, Валентин Сорокин и другие. Они не нашли в себе мужества сказать Ларионову в глаза о недопустимости такого метода и стиля руководства писательской организацией, нашим Сообществом писательских союзов. Да и я терпел это безобразие слишком долго.

Восемь месяцев назад на заседании рабочего секретариата я, наконец, прямо, без обиняков высказал Ларионову всё то, что говорю сейчас. Я сказал: или меняй стиль руководства, или переходи на работу в издательство. К сожалению, секретари не поддержали меня в этой постановке вопроса. Что касается Ларионова, то он не только не прислушался к моей критике, но и устроил в ответ подлинный скандал с криками: «Я никуда не уйду! Никому не отдам ни печать, ни документы!»

В течение восьми месяцев я терпеливо ждал, что Ларионов одумается, хотя бы объяснится со мной. Но этого не произошло. Столь нездоровое положение дел в МСПС дальше сохраняться не может: оно мешает делу, работе. Ларионов твёрдо решил, не меняя стиля своей работы, оставаться первым заместителем председателя, даже в том случае, если председатель не хочет иметь такого первого заместителя. Тем более что и в уставе такой должности первого заместителя председателя нет.

В течение минувшего года я неоднократно требовал от Ларионова, правда, в устной форме, созвать исполком, чтобы решить, наконец, неотложные и крайне важные вопросы: проведение очередного отчётно-выборного пятого съезда, поскольку срок наших полномочий истёк ещё в ноябре прошлого года, и празднование 70-летия Союза писателей СССР в августе-сентябре 2004 года. Но Ларионов под разными предлогами отказывался собирать исполком, сорвав и своевременное празднование юбилея Союза писателей СССР, и полагающееся по уставу проведение очередного отчётно-выборного пятого съезда.

Эта проволочка, мне думается, объяснялась одним: боязнью не встретить понимание и поддержку со стороны исполкома, стремлением во что бы то ни стало, не меняя этот порочный стиль работы, сохранять руководящую роль в нашей организации.

Наконец 7 февраля, не дождавшись выполнения моих устных распоряжений, я издал письменное распоряжение, обязывающее рабочий секретариат и его аппарат провести необходимую практическую работу по созыву и проведению очередного заседания исполкома. Это распоряжение вам представлено в тех документах, которые вам были переданы при регистрации.

Получив распоряжение, Ларионов, призванный как мой первый заместитель руководить работой секретариата, в категорической форме отказался выполнить его. И более того, дал указание работникам аппарата практически саботировать его проведение: не рассылать телеграммы и письма с приглашениями членам исполкома, не финансировать командировочные расходы, не заниматься вопросами устройства прибывших членов исполкома. Дело дошло до того, что некоторые члены секретариата, насколько мне известно, специально обзванивали членов исполкома, предлагая не приезжать на Поварскую, 52, видимо, чтобы сорвать кворум.

В письме, направленном на моё имя и подписанном не только Ларионовым, но и рабочими секретарями, отказ выполнить распоряжение председателя мотивируется смехотворными доводами. Тем будто, что председатель исполкома якобы не имеет права ставить вопрос о созыве исполкома, что такое право, мол, имеет только секретариат, возглавляемый моим заместителем. Но это же просто абсурд. Оказывается, председатель исполкома не имеет права его созывать, поскольку подобное право присвоил себе первый заместитель председателя. Приглашение на исполком, видите ли, подписывает не Михалков, а Ларионов. Разве это не узурпация власти?

Скажу вам, что, созывая сегодняшнее заседание исполкома с повесткой дня об упорядочении его работы, я надеялся, что, возможно, Ларионов, услышав критику в свой адрес, наконец-то продумает, изменит стиль работы и будет трудиться по-новому. Или же, как любой благородный человек, оказавшись в подобной ситуации, подаст в отставку. Но он не сделал ни того, ни другого, выбрал третий путь. Путь открытой конфронтации с председателем. Видимо, полагая, что в отставку должен уйти не он, а я.

Однако отставка председателя – это вопрос не Ларионова, а съезда, вопрос моей личной воли.

Такое поведение Ларионова окончательно убедило меня, что моим первым заместителем, первым и главным помощником в работе он далее оставаться не может ещё и потому, что насаждённая им нездоровая атмосфера в коллективе полностью парализует работу МСПС. Вот почему я был вынужден вынести вопрос о стиле работы моего первого заместителя на заседание исполкома и принародно отказать ему в доверии. Отозвать доверенность на ведение дел, которую я как председатель МСПС и единственное лицо, имеющее право представлять МСПС без доверенности, в своё время выдал Ларионову, о чём решил поставить в известность банк и налоговые органы.

В уставе МСПС сказано: «Всю текущую работу (между заседаниями исполкома) осуществляет секретариат. Решения принимаются секретариатом большинством голосов (при наличии кворума). Секретариат действует на основании положения, утверждённого исполкомом».

И – далее: «Состав секретариата предлагает председатель исполкома и утверждает исполком».

Как председатель МСПС, я не вижу возможности предложить вам и далее сохранять Ларионова в качестве моего первого заместителя и руководителя секретариата.

Многие беды и недостатки в работе секретариата проистекали не только от личных качеств Ларионова, его авторитаризма, неумения работать с людьми. Но и из-за того, что он не потрудился в своё время разработать и предложить на утверждение исполкома, как это положено по уставу, положение о работе секретариата, так же, кстати, как и положение об исполкоме. Отсутствие этих нормативных документов и позволяло ему, игнорируя принцип коллегиальности в руководстве, заложенной в нашем уставе, единолично командовать в МСПС.

Авторитет Международного сообщества писательских союзов за последнее время настолько упал, что то уважение, на которое мы рассчитывали и рассчитываем, обречено на провал. Как показала практика, бразды правления в исполкоме должны находиться в руках человека, хорошо понимающего значение нашей организации в культурной жизни страны, в руках писателя, хорошо известного в России и странах СНГ.

Что касается А.В. Ларионова, то его отстранение от должности первого заместителя председателя исполкома, которая, повторяю, не является уставной, будет оформлено приказом. В приказе я также отзову выданные мной ему доверенности на ведение дел в МСПС.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СООБЩЕСТВО ПИСАТЕЛЬСКИХ СОЮЗОВ

МСПС правопреемник Союза писателей СССР
основан в августе 1934 года

123995, г. Москва, Г-69, ГСП-5, ул. Поварская, 52
Тел.: 291-63-07
Факс: 291-97-60
e-mail: sovpis@netclub.ru

Приказ № 1-02

В связи со сложившейся нездоровой обстановкой в Исполкоме Международного сообщества писательских союзов и в соответствии с пунктом 5.5. Устава МСПС

Приказываю:

1. Отменить приказ председателя Исполкома № 38 от 27.08.01 года, предоставляющий члену Исполкома Ларионову А.В. право подписи под финансовыми, юридическими и руководящими документами.

1.1. Отозвать ранее выданную мною доверенность Ларионову А.В. на право действовать от имени председателя Исполкома.

2. Передать в срок до 22 февраля 2005 года находящиеся у члена Исполкома МСПС Ларионова А.В. учредительные, юридические и финансовые документы, печати, а также материальные ценности Комиссии, созданной для передачи дел.

3. Создать Комиссию в составе:
БОЯРИНОВ В.Г., пред. Комиссии, член Ревкомиссии МСПС,
ПОТИЕВСКИЙ В.А., зам. пред. Комиссии, член Исполкома МСПС,
ЛАРИОНОВ А.В., САЛТЫКОВА Л.Д., ШЕРЕМЕТЬЕВ Б.Е., ОРАЗБАЕВА Т.,
БЕЛОБОРОДОВ В.Б., ЛЕБЕДЕВ С.Н., РАССОЛОВ М.М., МЕРЕЖКО А.Л.

4. Информировать Киевское ОСБ № 5278 Сбербанка России, налоговые и другие органы.

5. Контроль за исполнением приказа оставляю за собой.

С.В. МИХАЛКОВ,
председатель Исполкома МСПС

10 февраля 2005 г.

ПРОЩАНИЕ

Памяти Татьяны Бек

Скоропостижно оборвалась жизнь прекрасного человека, замечательной поэтессы, давнего друга и автора «ЛГ». Дочь выдающегося советского писателя Александра Бека, Таня никогда не опиралась на авторитет отца в своём творческом движении. Она была самостоятельна во всём – от первой поэтической публикации в 16 лет до своего последнего сборника «До свидания, алфавит!».

Сегодня название этой первой её «толстой» книги, показавшей все грани творчества талантливой поэтессы, воспринимается как некое поэтическое предвидение своей судьбы, как преждевременное прощание со всем, что было ей дорого. Но когда «ЛГ» поместила отклик на это издание, всем было ясно, что в нём Татьяна Бек представила образцы замечательной работы в самых разных жанрах – как мемуарную прозу, полную точных наблюдений жизнерадостного творца, так и глубокие серьёзные беседы с друзьями и талантливые стихи разных лет – от первых до самых последних. Последние годы своей яркой жизни Татьяна Бек много занималась литературной критикой, эссеистикой, издала несколько поэтических книг, появлялась на телеэкране канала «Культура», участвовала в создании документального фильма, посвящённого А. Беку, успешно делилась своим опытом и раздумьями с молодыми поэтами как руководитель одного из поэтических семинаров Литературного института.

Этой весной Татьяне Александровне исполнилось бы всего 56 лет. Мы запомнили её яркой, гордой, талантливой, внимательной к друзьям и коллегам. Редакция «ЛГ» скорбит о смерти Татьяны Бек и выражает глубокие соболезнования родным и близким поэтессы. Мы уверены, что её творчеству суждена долгая жизнь в родной словесности.

«ЛГ»

Жизнь без помарок

У Татьяны Бек был прекрасный каллиграфический почерк – ясный, красивый, без завитушек, отчётливо-умный. Графолог сказал бы: и стихи такие. Стихи были сложнее, противоречивее; порой и они, классически чёткие, писались на разрыв, в них чувствовалась сила внутреннего сопротивления, борьба со страстями. У Татьяны Бек была чудесная привычка: сопровождать дарственную на новой книге надпись автопортретом-самопародией – «Таня в профиль». Шутка и самоирония были рядом с грустью о несовершенстве себя самой прежде всего. В ней была природная мощь, казалось, камни бы свернула, но никогда бы не свернула со своей дороги.

Трудно, невозможно прощаться навсегда – прощаться с Татьяной Бек, талантливо, нежно, с пристрастием и ревностно относившейся к поэзии и к жизни, одухотворявшей эту жизнь своим упорно классическим, традиционным стихом, который всегда в силе и всегда в цене – если настоящий. Прощаться с Татьяной Бек, воспевшей эту резкую, неправильную, порой жестокую жизнь, не оправдывающую ожиданий, – в уплывающих деталях, грустных мелочах, и взыскательно вопрошающей её, эту жизнь, о смысле. Требовательной к себе – до предела. Необычайно последовательной в своей принципиальности, для смазанных критериев времени нашего исключительно чистой, щепетильно-совестливой. Щедро дарящей себя читателям и друзьям – и горько сожалевшей о своих разочарованиях.

Её отец, писатель Александр Бек, как-то сказал об одном отступившем от правил порядочности: мол, много не заработает, а некролог испортит. Татьяна Бек не раз вспоминала эти слова – сама она выдержала испытание. Отступить от совести она бы не могла ни при каких обстоятельствах, предъявляя себе строгий, высший счёт – без скидок.

Первую книгу стихов Татьяна Бек издала в 25 лет; за юными «Скворешниками» последовали молодой «Снегирь», зрелый «Смешанный лес», драматический «Узор из трещин», «Облака сквозь деревья». Том избранного – «Сага с помарками» – вместил много умных и точных, острых и гневных, горестных и глубоких её стихотворений. Татьяна Бек не ограничивалась собственно стихами. Настоящий поэт, она собрала и книгу «До свидания, алфавит!», где стихи соседствуют с прозой, а эссе и мемуары – с неспешными и серьёзными беседами с коллегами-литераторами.

Татьяна Бек обладала редким даром истинного учителя – даром любви прежде профессионализма, прежде всего прочего, любви к своим ученикам, которых она воспринимала как детей своих и старалась вести их по жизни и после литинститутского семинара. Составитель антологий, организатор литературных встреч, опытный редактор в «Вопросах литературы» и «Дружбе народов», лауреат журналов «Звезда» и «Знамя», лауреат поэтической премии «Московский счёт», ведущий мастер-класса, вдумчивый и остроумный критик, автор колонки в «Ex Libris'е» – и чудесный собеседник, искренний и прекрасный друг.

Она составила две очень важные для нового времени антологии – «Антологию акмеизма» и «Серебряный век». Зная истинную цену настоящей поэзии, Татьяна Бек была вдохновителем книжной серии современных поэтов – «Самые мои стихи». Строгому отбору подвергла она и свои стихи для первого значительного избранного. А благодарные ученики её литинститутского семинара будут помнить её тёплый грудной голос, её заботу и радость удаче другого. Всегда, как будем помнить её и мы.

Максим АМЕЛИН, Андрей АРЬЕВ, Виталий ВУЛЬФ, Наталья ИВАНОВА, Александр КУШНЕР, Инна ЛИСНЯНСКАЯ, Елена НЕВЗГЛЯДОВА, Олег ЧУХОНЦЕВ

ВЫСОКИЙ СТИЛЬ

Энергия критического суждения

Литературная критика как любимое занятие русской интеллигенции

Сегодня о литературной критике пишут у нас много, эти статьи и книги посвящены в основном известным именам и вехам её непростой истории и потому неизбежно неполны. Но и они показывают, что цели и проблемы критики на протяжении трёх веков её бытования в нашей словесности остаются неизменными. Здесь история указывает на теорию и одновременно на общественное значение критики и критиков. Ощущает это значение и литература, писатели, само общество. Ведь не случайно же жаждавший влиять на литературу и общество Достоевский не ограничивался своими великими романами, а всё время писал статьи и рецензии, издавал журналы, завершил жизнь критическим «Дневником писателя». Стоит *честно*, т.е. *профессионально*, написать критическую статью или рецензию, и быстро выясняется, что нет мира под оливами.

Любое честное и обоснованное суждение критика о писателе, произведении или самой литературной ситуации обладает скрытой энергией, нарушает сложившиеся в литературе взаимоотношения и понятия, пробивает устоявшиеся штампы, ставит под сомнение те или иные частные репутации и всю систему литературных ценностей, словом, неожиданно порождает то, что в политике называется «принципом домино». Оно сразу выходит за пределы собственно критики, поскольку и сама она не ограничивается литературой, становится частью русского общественного сознания. Происходит шум, спор, скандал, взрыв, а взрыв в литературе часто бывает полезен, ибо сокрушает ложные ценности и дутые репутации и освещает всё вокруг. Критика невозможна без смелости, личных заблуждений, «драгоценного раздражения» (слова Гончарова о Белинском) и неизбежных в этом живом деле «преувеличений от увлечения» (любимое выражение Г.Н. Поспелова, моего завкафедрой и оппонента на дипломной защите на филфаке МГУ), но они должны быть искренними, непосредственными, частью натуры пишущего. Как говорили в старину, нужен кураж. Потому так много думали и писали у нас на тему «Об искренности в критике».

Позволим себе один пример из собственной литературной судьбы. Автор на заре туманной юности начинал именно как критик, и к тому же шумный и вызывавший раздражение и споры, и как-то поместил в газете «Литературная Россия» рецензию на сборник прозы Василия Шукшина «Беседы при ясной луне». И высказал там довольно банальную мысль: эта книжечка маленьких рассказиков будет повесомее иных романов. Да, не очень ново, но в данном случае это была реальная правда. И сразу выяснилось, что такая правда никому не нужна.

В те блаженные времена свежая газета утром уже лежала в почтовом ящике подписчика, и отклик приходил сразу. А члены редколлегии получали свой номер днём ранее прямо в редакции. Неожиданно позвонил главному редактору «Литроссии» человек очень тогда весомый – прозаик Пётр Лукич Проскурин, лауреат всех премий и обладатель всех регалий, чьи объёмистые романы о страданиях Захара Дерюгина переиздавались, экранизировались и т.д. Это был суровый разнос, причём тяжеловесное и капризное неудовольствие маститого писателя вызвала именно моя скромная рецензия и именно фраза о весомости романов. Каюсь, никогда не читал ни одной его книги и совсем не думал о нём. Но сразу понял смысл солдатской поговорки «пуля виноватого сыщет». Знаю, что Шукшин успел эту рецензию прочесть, но вот его мнения, увы, не услышал. А жаль, оно для меня как критика куда ценнее и интереснее... Впрочем, помню замечательное, очень уместное в данной ситуации шукшинское суждение: «Критическое отношение к себе – вот что делает человека по-настоящему умным». Отношу его не только к писателю, но и к честной критике, воспитывающей в нём такое отношение к себе и своим творениям.

Взаимоотношения писателя и критики – проблема вечная и острейшая, можно привести множество пренебрежительных суждений литераторов о попытках людей нетворческих объяснять и судить творца. «Критики – это всегда те, которые пытались быть художниками и не успели... Они знают высоту и размер... И толпе критики говорят, что хорошо и что дурно... По отношению к толпе они необходимы – они посредники между толпой и художником. Но если художник в их суждениях будет искать отражения своего произведения, он отчается», – сердился Лев Толстой. И был, конечно, прав.

Однако есть и признание Гончаровым правоты Добролюбова в статье об обломовщине, имеется и письмо замечательного прозаика Н.С. Лескова к критику А.С. Суворину: «Чего мне недостаёт? – Вы отгадали: именно *критики*. Я очень чуток, и правдивое замечание меня восполняет и родит во мне много мыслей. Критики я *никакой* не слыхал...» Однако именно великие русские писатели умели спокойно и тактично указать критике её место в литературном процессе. Сказал же Тургенев: «Критика наша, особенно в последнее время, не может предъявить притязания на непогрешимость, – и тот писатель, который слушается её *одной*, подвергается опасности испортить своё дарование».

А когда критика оказывалась несостоятельной или слишком робкой, те же писатели обнаруживали необходимую глубину и беспощадность суждений о творчестве своих собратьев по перу, и скромный, тихий Чехов вдруг «прихлопнул» любимца марксистской критики и Горького – Леонида Андреева одной точной фразой: «В Андрееве нет простоты, и талант его напоминает пение искусственного соловья». И это было сказано именно в чеховском письме к Горькому, отличавшемуся тем же врождённым недостатком несомненного, как и у его друга Леонида Андреева, дарования.

Но самокритичности и терпимости в нашей литературе всегда както не хватало. И не только в советском тоталитаризме тут дело. Так бывало и в иные, куда более либеральные времена. Мы все привычно браним царскую цензуру, сильно преувеличивая её жестокость, разумность и решительность, и цензуру советскую (хотя и знаем её патологическую трусливость, безыдейность и беспринципность), но всегда у нас имелась и ныне существует иная, неофициальная, но куда более влиятельная и деспотичная цензура – мнение либеральной «общественности», умело закрывающее перед нарушителем норм и приличий все двери редакций и окошечки издательских касс. Тронули одного давно ушедшего критика-классика, и начинается общий шум, иногда превращающийся в гвалт, умело режиссированные взрывы эмоций.

Критику А.В. Дружинину, поэту К.К. Случевскому, прозаику Н.С. Лескову и публицисту В.В. Розанову дорого обошлись их публицистические походы против социальной критики школы Белинского и наследия революционной демократии 1860-х годов. Не изменили общей ситуации и неизбежное крушение «деревенского» народничества и приход «европейской» литературы русского индивидуалистического декаданса (именно на этой грани было уникальное явление Максима Горького). Никто не мог снять с литературной критики вериги общественности, служения, публицистичности.

«Крайнее утилитарное направление публицистики хотело бы не дать и этого места искусству, а устранить его совсем из круга жизни», – сетовал Гончаров, сам жестоко пострадавший от революционно-демократической критики. Слово сказано. У нас в советское время много и уверенно писали о критике, литературоведческих трудах и философских воззрениях Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Плеханова и даже В. Воровского с Луначарским, но цитировали при этом одни и те же их сочинения. А автор «Обломова» нашёл для всех этих творений одно правильное название – *публицистика*. Публицистического же литературоведения и философии просто не бывает, как не бывает публицистической физики или химии.

Хотела ли русская литературная критика быть только публицистикой? Нет, она в лучших её явлениях и именах была именно литературой. Сведение её главных задач к «общественности» и публицистике порождало протест, неизбежный индивидуализм и личные искания подлинных художественных ценностей, точнее, возврат к ним, известным ещё Пушкину-критику.

Затравленный демократической и декадентской критикой В.В. Розанов писал о другом замечательном, замолчанном литературном критике 1880-х годов Ю.Н. Говорухе-Отроке (Николаеве): «Он вовсе не имел «общественных» чувств... В его писаниях общество, его судьбы, тревога о его будущем не занимают никакого места... Он был весь погружён в то единственное, что в истории, в народе можно было созерцать под углом вечности, – в человека. Человек, его лицо, его сердце, и никогда «человечество» 60-х годов, – его занимали. И в этом он представляет собой заметное и ценное звено перехода тех лет в нечто новое и противоположное». Современный критик-эстет М.В. Толмачёв, отъехавший из грубой России в культурный Мюнхен, верно пишет: «Главная, ведущая тенденция критики начала XX века, при всём разнообразии её проявлений, состояла в отталкивании от критической традиции XIX века, превратившей критическое слово в разновидность революционной публицистики».

Да, конечно, но неужели те же Говоруха-Отрок, Константин Леонтьев, сам Розанов – это только «отталкивание», одна только творческая и идейная полемика с наследием «передовой» публицистики 1860-х годов? Они встретили самый яростный отпор или упорно замалчивались на протяжении столетия именно потому, что знали уже и захотели публично сказать на языке литературной критики свою другую реальную правду. И разве сами они отказывались от трейшей публицистики, от «общественности», от газетной работы? Одного «отталкивания» в критике и литературе мало.

Вот идеолог русского символизма А.Л. Волынский в нашумевшей книге «Русские критики» (1896) вознамерился решительно пересмотреть многое в общей картине развития критики и устоявшиеся репутации её виднейших представителей и так объяснял свою смелость: «Преследуя научную правду – ради чисто философских целей, – а не практическую справедливость, критика исторических явлений должна быть беспощадною в своих приговорах над отживающими системами и отдельными превратными суждениями». Но на чём же должны основываться эти беспощадные приговоры критики? Что в данном случае означают слова «научная правда» (разве есть ненаучная?), и почему они противопоставлены понятию «практическая справедливость»?

Ключевые слова здесь – «философские цели», литературная критика, по мнению Волынского, должна служить философии русского символизма, утверждать его идеи, создавать новую эстетику. Его мало интересовало, что символизм – это весьма пёстрое и обширное литературное направление, художественный метод, и потому не обладал собственной оригинальной философской системой и тем более не был ею, а приспособил к своим литературным нуждам и использовал на разные лады не очень оригинальный объективный идеализм и неоплатонизм своего духовного предтечи и учителя Владимира Соловьёва, скорее кабинетного философа и университетского профессора, чем самобытного поэта. Критик «декадентского» журнала «Северный вестник» стоял за очередной возврат к «философской эстетике» (мы знаем это странное убеждение, что философская эстетика – это хорошо, а просто критика – плохо) и новый отказ от общественной роли литературной критики. Поэтому нашумевшая тогда книга его состоит из полемических журнальных статей, ибо «антиобщественному» критику «Северного вестника» Волынскому весьма сердито отвечали именно крепкие «общественники», маститые хранители наследия 1860-х годов.

Попробовал знаменитый автор «Силуэтов русских писателей» Ю.И. Айхенвальд задеть в этой предельно субъективной, безусловно талантливой книге того же Белинского, и сразу поднялась эмоциональная буря не только в журнальной, но и академической среде, породившая известную книгу Айхенвальда «Спор о Белинском» (1914). Сразу же выяснилась подлинная цена «объективной» академической науки, не говоря уже о журнально-газетной либеральной критике. Учёные, призванные дать литературной критике научную оценку, предпочли примкнуть к безоглядным апологетам, пишущим священные иконы, а не верные портреты великих критиков-демократов. Они и другим запрещали иметь своё обоснованное суждение о Белинском и других критиках-демократах, а это уже не наука, а цензура.

А после Октябрьской революции 1917 года и этот неравный спор был решительно прекращён «сверху», в Москве, Ленинграде и других городах поставлены соответствующие памятники, по спискам ЦК КПСС названы улицы и университеты, поспешно изданы «академические» собрания сочинений и бесчисленные книги и статьи, официальная канонизация Белинского, Чернышевского и Добролюбова была завершена на государственном и юридическом уровне. Не согласные с этой политикой литературные критики, и Айхенвальд в их числе, высланы или вынуждены были бежать из советской России, не сделавший этого автор вышедшей в 1918 году замечательной книги о Белинском Р.В. Иванов-Разумник подвергся за свои взгляды аресту и попал в концлагерь. Гениального критика Розанова уморили голодом у стен богатейшего монастыря России, а М.О. Меньшикова за его критические статьи просто расстреляли на глазах у семьи. И только в берлинском изгнании иронический В.В. Набоков смог написать главу о Чернышевском в романе «Дар», но и эту блестящую, неотразимую в своём саркастическом критицизме «книгу в книге» либеральная редакция парижских «Современных записок» с обычными для «левой» интеллигенции публичными обвинениями и истериками выкинула при журнальной публикации. Обыкновенная история... Инерция чисто русской «общественной» цензуры и кружковой демагогии возобладала и в вольном Париже, словно люди никуда не уезжали.

Давление тоталитарной и групповой мысли на сферу критического суждения в России всегда было велико и усложнило многие судьбы, открыв дорогу номенклатурному официозу, который и завалил эту дорогу неудобочитаемыми «кирпичами» политиздатовских и гослитовских монографий о корифеях революционно-демократической критики. Тем не менее о литературной критике продолжали много и интересно писать, несмотря на понятный риск и все официальные и цензурные препоны, хотя и «протаскивали» иногда свои чисто литературоведческие работы по цеху эстетики в издательстве «Искусство» (книги В.К. Кантора «Русская эстетика второй половины XIX столетия и общественная борьба» и Б.Ф. Егорова «Борьба эстетических идей в России середины XIX века», целиком вопреки «идеологическим» названиям и редакциям издательств, основанные на материале литературной критики), появлялись капитальные историко-литературные монографии типа классической в своём роде книги Н.И. Мордовченко «Русская критика первой четверти XIX века» (1959) и сборники научных статей, были, помимо уже упоминавшейся книги Б.И. Бурсова и работ Б.Ф. Егорова (содержательна и его последняя книга «От Хомякова до Лотмана») любопытные статьи В.В. Кожинова, Ю.И. Селезнёва и П.В. Палиевского, блестящая работа известного пушкиниста С.Г. Бочарова о К.Н. Леонтьеве, вышла по-«лит-газетски» осторожно взвешенная, кружково-«цеховая» книга С.И. Чупринина «Критика – это критики. Проблемы и портреты» (1988), где некоторых несимпатичных автору критиков и многих реальных проблем этого «горячего», весьма опасного «цеха» просто нет, что как-то не вяжется с директивным названием книги. И, конечно же, написаны замечательные академические работы по теории критики – «О мастерстве литературной критики» того же Б.Ф. Егорова и «Анатомия литературной критики» А.М. Штейнгольд.

Далее наступила и ещё не завершилась смутная пора «преодоления догм» и «смены вех», она в первую очередь коснулась и истории русской литературной критики. Результаты прежней многолетней работы в этой области обобщены в солидном вузовском учебнике «История русской литературной критики» (2002), появились по-новому написанные книги о Белинском (Г.Ю Карпенко, Е.Ю. Тихоновой и др.) и даже о «запретном» Булгарине (работы А.И. Рейтблата и Н.Н. Акимовой), но главное ещё впереди, полная и подлинно научная история русской литературной критики только создаётся, и в этом пёстром потоке интересных переоценок пока лучше видны и понятны мы сами, наше переходное время. Объективная, т.е. *научная*, оценка наследия русской литературной критики ещё впереди. Выяснилось, что мы пока не очень далеко ушли от времён Айхенвальда, нам по-прежнему запрещают всякий разумный и обоснованный *научный* спор, любые *объективные* суждения о том же Белинском, о котором, как оказывается, всё уже давно сказано и написано.

Очевидна и в наши дни сохранившаяся прежняя «неакадемичность» подхода к критике как явлению общественному, запечатлевшему долгую и непростую жизнь русского общественного сознания через художественную литературу. Эта «неакадемичность» продолжает во многом определять наши споры и исследования. Раньше русская читающая публика с полным основанием считала мыслителями великих наших писателей и верила им как учителям жизни, отворачиваясь от штатных университетских мудрецов и докторов философии. Обиженный и удивлённый этим обстоятельством чешский философ Т.Г. Масарик после бесед с Львом Толстым восклицал: «Поэтому в России так процветает литературная критика и так бедна философская критика».

И теперь видим, в сущности, то же, хотя уровень писателей-мыслителей и самой литературной критики совсем иной. Иногда кажется, что литературы сейчас нет, значит, нет и критики тоже. Да, прежних нет и не будет, новые будут, и мы их увидим, дождёмся, кончится постмодернистское безвременье, заменившее критику списками букеровских номинантов, превратившее её в обслугу. Ничего плохого здесь нет, такова жестокая, но справедливая русская традиция, придут другие учителя жизни, изменятся и сами читатели. А время и место литературной критики в России останется прежним. Этим объясняются и не ослабевающая энергия критического суждения, столь важная роль литературной критики в духовной культуре и общественной жизни России.

Всеволод САХАРОВ

В. ТАГАЕНКО. Мурманск

ПАВЕЛ

Осмысленное, но беспощадное вранье...

В начале года в иных журналах, как всегда, неспокойно. Как всегда, настроение на грани истерики – хочется то ли тираж повысить, то ли сказать что-нибудь гадостное в адрес коллег. Например, в адрес «ЛГ» и, естественно, устами своих авторов. Вот и в журнале «Знамя» опять подсуетились... Хотя «ЛГ» старается не замечать мелких нападок, но всё же нельзя пройти мимо высказывания литературоведа Олега Лекманова в дискуссии о филологии «Филология – кризис идей?» в первой книжке «Знамени» за этот год. Мечтается г-ну Лекманову о том, чтобы статьи его коллег были напечатаны – неважно что и неважно где. «**Да хотя бы**, – восклицает ревнитель филологии, – и **в бессмысленной и беспощадной поляковской «Литературной газете»**!»

Вот такой пассаж! В самом деле, не только филология, но и отдельные её «филолухи» явно в кризисе. А нам хочется спросить О. Лекманова: а в чём, собственно, «бессмысленность и беспощадность»? Уж не в том ли, что в недавнем обзоре книг ЖЗЛ – под общим названием «Жизнь знаменитых литераторов» – «ЛГ» весьма сочувственно обратила внимание на книгу О. Лекманова о Мандельштаме. И книгу эту поддержала – в первую, конечно, очередь из почтения к прекрасному русскому поэту XX века. Наверное, такая снисходительность и развязала язык мечтателю-литературоведу. Ведь по гамбургскому счёту книга его – аккуратно компиляционная, без новых идей и ярко выстроенной концепции жизни и творчества Осипа Мандельштама – заслуживала бы именно беспощадного разговора. Но не удостоилась. В этом-то, наверное, и **бессмысленность**, которую Олег Лекманов опять же **беспощадно** усматривает в политике «ЛГ».

Сразу подчеркнём, что «ЛГ» отнюдь не против полемики или критики, газета объективно пишет о событиях литературной жизни, например, недавно вполне доброжелательно отметила церемонию вручения ежегодных премий журнала «Знамя». Старается «ЛГ» не проходить мимо других реалий литературного процесса.

Но вот что нас поражает в сегодняшней литературной прессе – в газетах или в традиционных толстых журналах – сохранившееся ещё со времён «неистовых ревнителей» желание подгадить в споре, приклеить оппоненту ничем не подтверждённый ярлык.

Господа, давайте договоримся: бросаете реплику – так объясните, в чём дело. Может быть, кому-то принципиально не нравится коллектив «ЛГ»? Такие выпады тоже были. Но редакция мелким злопыхателям даже отвечать не стала. Может быть, кому-то кажется неверной её позиция? Так ведь и нам многое не нравится. Однако «ЛГ» старается не вступать в полемику по «личностным» вопросам. Другое дело – страсти критические, истинно литературные. Потому призываем наших коллег вернуться к профессиональной этике, которой следовали русские литераторы XIX века да и лучшие советские писатели.

Увы, Олег Лекманов не одинок в придумывании того, чего нет. Многие пытаются фальсифицировать реальность, извратить сегодняшнее, а уж тем более вчерашнее...

Как это ни печально, зачастую главным в последнее время в интеллигентской печати становится искусство вранья. Сказать, но не обо всём. Поведать, но так, чтобы не сказать реальной правды о жгучем сегодняшнем.

Как быть? Здесь трудно выписывать рецепты. Но что очевидно, так это необходимость всё же отвечать за свои слова, бездумно брошенные на ветер. Ведь, как молвил классик, не всегда можно предугадать, как наше слово отзовётся. А слово это, употреблённое всуе, вполне может вернуться обратно. Рикошетом!

Всё это и советская и сегодняшняя российская литература уже проходила. А всё кому-то неймётся, и снова и снова появляются странные заявления и немотивированные обвинения типа давно забытых высказываний журнала «На посту» или в духе разносных колонок «Литгазеты» 80-х годов прошлого века, подписанных общеизвестным тогда да и сейчас не забытым псевдонимом Литератор. Примерно в этом духе выступил «знаменец» Лекманов. Правда, возможно, он сам не понял, зачем вышеприведённые слова были им высказаны в наш адрес. Вот такая филология господина Лекманова – осмысленная, конечно, но по-своему беспощадная...

«ЛГ»

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Вперёд, фанаты фантастики!

«ЛГ» ещё не завершила дискуссии о современной поэзии «Век – новый. А поэзия?». Однако ясно, что этот серьёзный, страстный, острый разговор во многом не согласных друг с другом ценителей поэзии близок к завершению.

Отдел литературы «ЛГ» задумал следующую дискуссию посвятить одному из самых таинственных и читаемых жанров литературы – современной фантастике. С одной стороны, это та часть сегодняшней словесности, которую не все считают серьёзной литературой. С другой же стороны, фантастика – это то, что читают все – академики и школьники.

В чём сегодня искать популярность фантастических произведений?

Не слишком ли много халтуры выбрасывается авторами фантастических произведений на книжный рынок?

Не устарел ли жанр так называемой научной фантастики, корни которой – в произведениях Жюля Верна?

Не снизился ли интерес к философской фантастике?

Можно ли сказку отнести к фантастической литературе?

Можно ли жанр фэнтези отнести к основному древу фантастической литературы или это некий обособленный жанр, произрастающий из сказочной традиции?

Кто интереснее – Толкиен или его российские эпигоны?

Как получилось, что на фестивале «Еврокон» именно писателя Сергея Лукьяненко признали лучшим фантастом Европы позапрошлого года?

А кого признают лучшим писателем-фантастом сами читатели?

Не померкли ли в новом веке для читателей России Станислав Лем и Рэй Брэдбери?

Как сегодня российские читатели относятся к творчеству братьев Стругацких?

Можно ли говорить о языке большинства эф-книг как о языке художественной литературы или он далёк от совершенства?

Этот список проблем, в которых отражается современная фантастика, можно продолжать до бесконечности...

Иными словами, фантастическая литература ставит так много вопросов, что стоит всерьёз поговорить о ней.

Приглашаем к разговору писателей-фантастов, литературных критиков, философов и фанатов жанра.

Разговор о сегодняшней фантастике мы начинаем немедленно в электронном пространстве – в Интернете на сайте «Литературной газеты» (www.lgz.ru), а затем продолжим и разовьём его на традиционных бумажных полосах газеты.

Отдел литературы «ЛГ»

РВАНОЕ ВРЕМЯ

Ультрафиолетовый грач

Когда-то Вадим Рабинович написал статью о моих стихах. Было это в 1978 году, когда у меня вышла в свет «Снежная книга» моих стихотворений. Статью объёмом в десять или одиннадцать страниц на машинке – серьёзный труд! – обещали напечатать в журнале «Дружба народов». Учитывая наши с Вадимом интернациональные корни, это было бы правильно. Однако журнал статью долго динамил, а потом не напечатал. Такова была истинная дружба народов в те времена.

Тогда Вадим ещё не был доктором философии, профессором МГУ и главным алхимиком страны. Сегодня, через четверть века, отдаю ему свой дружеский долг и посвящаю Вадиму Рабиновичу свои растрёпанные заметки.

Уже и не помню, как мы познакомились с Вадимом. Но Москва тех времён была поэтоцентричным городом. Вряд ли тогда нашёлся бы талантливый человек, о котором не шла бы тихая или громкая молва. Естественно, такая молва следовала и за Рабиновичем. Вглядываясь в прошлое, вспоминаю, что, скорее всего, познакомились мы с ним на Трубной. В гостях. Если подняться немного вверх по бульвару и нырнуть в тёмную подворотню, можно было оказаться в гостеприимной квартире Якова Зугмана – рентгенолога и поэта. Там мы как-то собрались все вместе – Володя Шлёнский, Саша Тихомиров, Саша Юдахин, ещё кто-то… Там мы познакомились и с Вадимом Рабиновичем. Читали стихи. Это было во второй половине 60-х…

Сегодня мне трудно поверить, что в этом феврале Вадиму Львовичу «стукнет» семьдесят лет. Почему? Потому, что он, как мне вдруг показалось, не очень изменился с тех давних лет. Такой же коренастый, немного сутулый – почти в позе борца или боксёра перед финальным боем, в меру сдержанный и не в меру эмоциональный. Отчасти раблезианец, что, конечно, связано с его серьёзным увлечением средневековой алхимией. Но всегда суперинтеллигентный. Разве что стал совсем седым.

В те давние годы в жизни не было единомыслия. Но не было и такой вражды, какая всех обступила сегодня. Союз писателей СССР был замечательной нишей литераторов левых и правых, красных и белых, зелёных и прочих мастей. В пёстром зале ЦДЛ всегда было о чём поговорить и за что выпить. Как-то собрались мы за одним столиком с Вадимом и Владимиром Цыбиным. Сегодня Цыбина начисто забыли, а в те годы он был легендой московских книжников. Он, недавний выходец из казацкого Северного Казахстана, собрал фантастическую по тем, и тем более по сегодняшним, временам библиотеку. Так что говорили мы о книгах, которые всех нас сдружили. Понятно, не без прозрачного зимнего национального напитка.

Тогда у Вадима вышла замечательная книга, посвящённая средневековой алхимии. С вполне научным названием «Алхимия как феномен средневековой культуры». Она читалась как увлекательный роман. Тем более автор, то есть Вадим Рабинович, попытался найти ветви алхимии не только в средневековье, но и в современной науке и даже в книгах великих писателей XX века, начиная от Марселя Пруста и Томаса Манна. Вадим преподнёс мне эту книгу с замечательным дружеским автографом. Я прочитал её и не пожалел о затраченном времени. В это же время он готовил книгу стихов «Фиолетовый грач», которую вскоре тоже подарил мне.

Это название я воспринял как в некотором смысле отсылку к поэтическому автопортрету автора. Грач, но не простой. А фиолетовый. В том смысле, в каком существует понятие «белая ворона». Я тогда так понял это название, и увидел автора в этом свете: этаким городским фиолетовым грачом – ценителем поэзии, хранителем мудрости и уповённым книгами библиофилом. Всё это было так на самом деле.

Потом у Вадима Рабиновича вышла книга, посвящённая библиофильским радостям. Она очень быстро стала в полном смысле слова книжным раритетом. Вы попробуйте сами написать книгу так, чтобы она сделалась библиофильской редкостью!.. Потом у него вышла ещё одна книга стихов с глубоким названием «В каждом дереве скрипка». Задумайтесь, как это прекрасно высказано: в каждом дереве скрипка, но не каждое дерево способно зазвучать, выявить свою скрипичную природу…

Вспоминаю прошлое, и не могу отказаться от некоторого мемуарного пафоса. Действительно, за годы нашего знакомства, если не просто дружбы, с Вадимом прошли целые эпохи. У нас были общие друзья. Кто-то из них ещё не успел уйти из этой жизни. Многих уже нет. Умер Саша Тихомиров. Умер поэт-рентгенолог Яша Зугман. Не так давно мы проводили в последний путь Александра Аронова. В Иерусалиме живёт наш давний приятель московских 60–70-х Борис Камянов.

А Вадим Рабинович, слава богу, остался Вадимом Рабиновичем, пишет замечательные стихи и всё химичит что-то таинственное в Институте человека на Кропоткинской.

В своё время я работал в «МК» и напечатал в этой популярной газете большой цикл стихотворений Вадима. Мне и сейчас нравятся чёткие названия стихов этого цикла: «Артериальное», «Революционное» и «Китчевое»... А уже достаточно давно, перейдя на работу в «Литературку», я предложил в печать новую подборку Вадима. Она прекрасно прозвучала зимой 2003 года, как скрипка, лак которой покрыт паутинкой времён, эта подборка стихов уже XXI века.

Вспоминаю названия старых, изданных ещё в советское время книг и думаю о том, как бывают верны и справедливы первые мгновенные впечатления. Фиолетовый грач… Похоже на нашего друга даже графически. Но тут мне хочется спохватиться и уточнить: грач – да, но не фиолетовый, а ультрафиолетовый. Это совершенно другая степень цвета и духа.

Да, Вадим Рабинович – ультрафиолетовый грач старинных московских улочек и переулков. В свете таких людей становится прозрачней алхимия времени и мистическая глубина зимней, занесённой февральскими снегами Москвы.

Сергей МНАЦАКАНЯН

Вадим РАБИНОВИЧ

ЮБИЛЕЙ

Вид на мироздание

Плещет воду с куражу, –
Не скажу...

Янтарь и хризантема

С куражу, очертя, невзирая...
Миновалися те времена.
А теперь я у самого края,
Но закраина мне не видна.

Что безвидно, того как бы нету...
Но увидел в сей миг и в сей час
Только круг из нездешнего света.
Но и он в тот же вечер погас.

Что осталося, то и осталось:
Хризантемный цветок сентября
От тебя – на бессветную старость...
От меня – жёлтый мёд янтаря.

На берегу

Звону дальнему тихо я внемлю
У Днестра на зелёном лугу.
Александр Вертинский

Вознесло. И немедленно об земь.
И тогда что-то сшиблось во мне.
Поздней осенью выросла озимь,
Яровые взялись по весне.

Белохлебниковым и кручёным
Искружило листвою леса.
И квадраты Малевича чёрным
Исквадратили все небеса.

Стали скрипки и флейты кубичны.
Круг, истаявши, в точку исшёл.
Чувства нежные стали публичны.
И пленэром подёрнулся дол.

Надо ж так, чтоб с небес да об землю!
Жить, как прежде, уже не могу.
Звону дальнему больше не внемлю
У Днестра на зелёном лугу.

Футбольные сны

Не уверен, но обгоняю
Сам себя на седьмом вираже.
Не поэтому ль вновь играю
В мяч-футбол, хоть и поздно уже?

Не в натуре – во сне – играю,
Потому что не додано мне
Мяч гонять по левому краю
Наяву, на школьном дворе.

Левой. Правой. И снова левой...
Что ж я сделал с Яшиным Лёвой?..
Как в замедленной съёмке, ясны
Эти фрески. Но мимо, хоть тресни...
О, мои неспетые песни!
О, мои молодые сны!..

О самобытности крепких вин

Каждый перс вполне перцов
(У него перцовка).
Житель Смирны, тот смурнов
(У него смирновка).

И в Сиваше-Сиваше
Для подъёма духа
И спокойствия в душе
Есть своя сивуха.

Беловежец, он зубров
(У него зубровка).
А поэт М.А. Светлов? –
У него Каховка.

А в Орле глядят орлом,
Пользуя орловку.
А в Козлове, за углом,
Продают мурцовку.

Вот теперь про град Козлов
(Бывший град Мичуринск),
В коем, взяв не очень чтоб,
Чуть не окачуринск.

Ars bibendi... Этот арс,*
Не сводим он к ГОСТу,
Потому что этот ars
С каждым следует из нас
От крестин к погосту.

Самоличен этот путь,
Сам себе награда.
Потому и не забудь
Гроздья винограда
Лично снять в своём саду,
Сбражить в сусло-бренди,
Лично находясь в ладу
С личным Ars bibendi.

Синий квадрат

*Festino lente**, о, друзья!*
Друзья, festino lente!
Спешите медленно... А я
Воспользуюсь моментом.

Я буду в креслах возлежать,
И, успокоив чресла,
В своих фантазиях кружить,
Расшатывая кресла.

Ни кисти, ни карандаша,
Ни дневника, ни книги...
Ленись, ленись, моя душа,
Средь августовской неги.

Фестинят-лентят все оне...
Но только нет в одном лишь мне
Ни ленты, ни фестина.
Зато стоит в моём окне
Малевича картина.

Не чёрен – синь квадрат окна.
Герань на полквадрата...
Картина, может, и бедна, –
Концепция богата.

* Ars bibendi (лат.) – искусство возлияния.
** Festino lente (лат.) – спешите медленно.

20 февраля исполняется 70 лет со дня рождения известного москвича – поэта, доктора философских наук, профессора, крупнейшего знатока средневековой алхимии, многолетнего сотрудника Института человека РАН, автора поэтических, научных и прозаических книг, автора «ЛГ» Вадима Рабиновича. От имени его многочисленных читателей поздравляем Вадима Львовича с 70-летием, желаем ему доброго здоровья, долголетия, творческих успехов и новых философских постижений на благо отечественной словесности и науки.

РАССКАЗ

Летим в Вануату

Алесь КОЖЕЛУБ

– Всё, через неделю едем отдыхать в Швейцарию, – сказал Анатолий Михайлович Малюгин, генеральный директор фирмы. – Ты когда в последний раз была в отпуске?

– Лет пять назад, – вздохнула Татьяна. – Съездила в Непал и застряла. А в Швейцарию, что, на горных лыжах кататься?

– Именно.

– Я не умею.

– Научим, – засмеялся Малюгин. – А не хочешь – заставим. Да ты не переживай, это просто. Встал – и поехал. Очень заразная болезнь.

– Какая? – насторожилась Татьяна.

– Катание на горных лыжах. Один раз попробуешь – и на всю жизнь. Я в прошлом году заразился.

– Поздновато.

– Ну да. То Кипр, то Канары. А настоящий отдых, как оказалось, в горах. Документы уже оформлены.

– Без моего ведома? – поразилась Татьяна. – Не подпишу платёжки.

Она была главным бухгалтером фирмы и, конечно, знала, что через туристическую фирму оформляются документы на Малюгина, двух его замов и на неё.

– А это командировка, – подмигнул начальник. – Надо ознакомиться с горами и их окрестностями.

В горы так в горы. Татьяна вдруг поняла, что страшно устала. Последние пять лет вместили в себя развод с мужем, поступление дочери в институт, но главное – обустройство квартиры на Маросейке. Если бы Татьяне сразу сказали, через что ей предстоит пройти, она бы ни за что не влезла в эту авантюру. Больше года ушло на расселение трёхкомнатной коммуналки. Почти столько же – на евроремонт. Конечно, все проблемы возникали от её характера. Ну не умеет она просто нанять рабочих и спокойно ждать результата. Она должна сама закупать стройматериалы и сантехнику, заниматься перепланировкой квартиры, собачиться с работягами. Ванную, например, переделывали трижды. Гостиная совмещена с кухней, и это тоже третий вариант. Зато теперь она с полным правом может сказать, что живёт в квартире, полностью отвечающей её запросам.

– Мама, так жить нельзя! – время от времени закатывала истерику Даша, её дочка. – Это же бесконечная стройка! Ей-богу, выйду замуж и уеду отсюда навсегда!

– Ты сначала выйди, – хладнокровно отвечала мать. – Я три раза выходила, и что? Один хуже другого. Учись, пока можно. Чего тебе не хватает?

Даша уходила рыдать в свою комнату.

– И как только мне удалось тебя в институт запихнуть? – удивлялась мать. – А если бы денег не было?

– Сама бы поступила… – доносилось из-за двери.

Татьяна уже и махнула на дочку рукой, но полгода назад та отчебучила такое, что стало ясно: яблоко от яблони падает-таки недалеко.

– Мама, я выхожу замуж! – вдруг заявила дочка.

– За кого? – не удивилась Татьяна.

– За Поля.

– Негр? – вскинула брови мать.

– Белый.

– Откуда?

– Из Парижа.

Вот здесь Татьяна забеспокоилась.

– Из какого Парижа?

– Французского.

– Он, что, учится с тобой?

– Нет, мы познакомились в Интернете.

Татьяна медленно села на стул, оказавшийся, к счастью, рядом.

– Значит, ты его никогда не видела? – собралась она с мыслями.

– Нет, но мы обменялись фотографиями.

– И чем он занимается, твой Поль?

– Преподаёт французский в Румынии. Но скоро мы оттуда уедем.

– Почему?

– У него заканчивается контракт. В одной стране он работает не больше трёх лет. Нам уже предоставили на выбор Аргентину, Мозамбик, Польшу и Вануату.

– Что-что?

– Не поняла?

– Вот это последнее…

– Вануату, государство в Полинезии. Я посмотрела по атласу – две тысячи километров от Австралии.

Только теперь Татьяна поняла, что это серьёзно.

– И ты выйдешь замуж, ни разу не увидев жениха?! – закричала она.

– Он скоро приедет.

И Поль действительно приехал. Он был худенький, вежливый, абсолютно не говорящий по-русски.

– Как ты с ним общаешься? – спросила мать.

– Я выучила французский язык, – пожала плечами дочь.

«Я их не понимаю, этих детей из Интернета, – подумала Татьяна. – И, наверное, никогда не пойму. А как они друг на друга похожи!»

– Делайте, что хотите, – сказал она. – Родители у него хоть есть?

– Они приглашают тебя к себе в гости.

– В Париж?

– Ну да.

– К сожалению, сейчас у меня нет времени. Может быть, летом. А где свадьбу сыграете?

– В Бухаресте, там это проще. Но ты не расстраивайся, я действительно счастлива!

– Да уж вижу… А институт?

– Пока возьму академический отпуск.

Даша укатила в Бухарест на свадьбу. Через месяц она сообщила, что они с Полем выбрали Вануату.

Татьяна уже знала, что это такое. На глобусе, оставшемся со школьных времён Даши, она разыскала эти точечки в океане. Глобус, собственно, и примирил её с реальностью. На нём всё было не очень далеко. Даже Россия казалась не такой огромной, чуть-чуть крутнула глобус – и видно Камчатку. Единственное, что пугало – обилие воды. Этот Тихий океан был больше России, плюс ко всему в нём бушевали тайфуны, смерчи и ураганы. Снесут к чёртовой матери острова, и концов не найдёшь.

– Там случайно нет людоедов? – позвонила она Даше на следующий день.

– Что ты, каннибализм у них искоренили пятьдесят лет назад! – успокоила её дочь.

У Татьяны едва не выпала из рук трубка. В России революция произошла почти девяносто лет назад, а коммунистов до сих пор все боятся.

– Когда улетаете? – нашла в себе силы спросить она.

– Через неделю заскочу в Москву за летними вещами.

– Я послезавтра уезжаю в Швейцарию.

– Оставь ключи у соседки. Между прочим, Вануату – это курортный рай. Океан, песок и кокосы.

– И людоеды, – добавила Татьяна, но дочь уже положила трубку.

Татьяна до сих пор не могла взять в толк, как её тюха нашла мужа по электронному ящику. А что будет дальше? Даже думать об этом было страшно.

Игорь ГОНЧАРУК

Три дня она наслаждалась жизнью. Жила в отдельном домике, под руководством вежливого инструктора-швейцарца осваивала горные лыжи. Инструктор не говорил по-русски, она ни бельмеса не понимала по-французски, но у них был полный контакт.

«Мадам не хочет ехать по этому спуску? – жестами спрашивал инструктор. – Очень хорошо, не надо по нему спускаться. А по этому? Тоже не хочет? Прекрасно! Мадам хочет чуть-чуть проехать здесь? Бьен, изумительно, превосходно, мадам делает потрясающие успехи!»

Она была вполне довольна инструктором. Тот, кажется, тоже не переутомлялся.

Но через три дня из своего бунгало-шале выползли коллеги Татьяны. Вид их был ужасен: воспалённые глаза, опухшие лица, трясущиеся руки.

– И вам себя не жалко? – спросила Малюгина Татьяна. – Посмотрите, какая красота! Горы, солнце, синее небо, воздух можно ножом резать. Вы что пили?

– Виски, – сказал Малюгин.

– И «Мартель», – добавил Добкин, его первый зам.

– «Курвуазье» тоже пили, – поморщился Канторов, второй зам.

– А вид у вас, будто вы три дня самогон жрали, – покачала головой Татьяна. – Посадите печень, что тогда пить станете?

– Оклемаемся, – пробурчал Малюгин. – Ты-то чем занималась?

– Каталась на лыжах! – подбоченилась Татьяна.

– С кем?

– С инструктором. Он, правда, по-русски ни бум-бум.

– Ничего, сейчас мы тебе нормального найдём, – потрогал затылок Анатолий Михайлович. – Вроде давление скакнуло… А, хлопцы?

– Сейчас полечимся, – сказал Добкин. – Восполним запасы – и вперёд.

– Подожди, сначала с инструктором разберёмся, – оглянулся по сторонам Малюгин. – Эй ты, в очках! Подь сюда.

– Как ты узнал, что он русский? – изумилась Татьяна.

– По морде.

Парень в чёрных очках с шиком подкатил к ним.

– Инструктор?

– Ну.

– С дамами работаешь?

– Легко.

– Три дня утром и вечером. Сколько возьмёшь?

– Четыреста.

– Баксов?

– Евро.

– Что так много?

– За вредность.

– И деньги вперёд?

– Конечно.

– Видишь, нормальный инструктор, – повернулся к Татьяне шеф. – Бери и пользуйся.

Он достал из кармана деньги, отсчитал купюры и отдал парню.

– Но чтоб от и до! – погрозил он ему пальцем.

– Обижаешь, начальник! – осклабился тот.

– А вы куда? – спросила Татьяна.

– Дела, – вздохнул Малюгин.

– На лыжах так и не прокатитесь?

– Потом…

Мужчины гуськом потянулись в сторону посёлка.

– Ну что, полезли? – уставился на Татьяну очками слепца инструктор.

– Куда? – испугалась она.

– На горку, – кивнул тот в сторону склона, на который Татьяна боялась даже смотреть.

– Я ещё плохо езжу.

– Я тоже не чемпион. Разок прокатимся. Если что, я подстрахую.

И Татьяна покорно двинулась за ним. Она для того и поехала отдыхать, чтобы самой не думать.

– Вы знаете, что такое Вануату? – спросила она инструктора наверху.

– Нет.

– Острова в Тихом океане. С кокосами. Моя дочь туда уезжает.

– Кататься на досках?

– Каких досках? – удивилась Татьяна.

– Виндсерфинг. Катание на океанской волне. Классная штука!

– Нет, на досках, надеюсь, она кататься не станет. С мужем на работу едет.

– На работу далековато, – цокнул языком инструктор. – Главное, чтоб не сожрали.

«И он про людоедов знает!» – пришла в ужас Татьяна.

– Кто… сожрёт? – спросила она слабым голосом.

– Акулы, конечно. Это ж Тихий океан!

«Ну вот, ещё и акулы, – посмотрела Татьяна вниз. – Зачем я сюда залезла?»

– Поехали! – бодро сказал инструктор.

– Это же ледник!

– А мы потихоньку. Я буду рядом. Главное, не бойся, если что – падай набок.

И он легонько подтолкнул её в мягкое место.

«Господи, я даже не знаю, как его зовут…»

Она сразу набрала большую скорость. Напрочь вылетели из головы мысли о правильной стойке, торможении, виражах. Последнее, что она отчётливо увидела, – заградительная сетка вдалеке. Впрочем, до неё она не доехала. Удар о твердый наст был настолько сильным, что из глаз брызнули искры. Лыжи, которые при падении должны были отстегнуться, намертво держались на её ногах, и она долго кувыркалась вместе с ними.

«Господи, как хорошо, что Цюрих у нас был в начале тура, – подумала она. – Всё-таки увидела».

Синее небо, в которое она смотрела, лёжа на спине, вдруг потускнело, и она поняла, что теряет сознание.

Но в беспамятстве Татьяна пробыла недолго. На игрушечном вертолёте быстро прибыла «скорая помощь». Ей через комбинезон сделали укол, напялили на лицо маску, уложили на носилки и засунули в вертолёт.

«На вертолёте я ещё не летала, – думала Татьяна. – Интересно, куда подевался инструктор? Деньги, подлец, вперёд взял, знал, чем всё закончится…»

В клинике она пролежала три дня, как раз до конца тура. Врачи в приёмном отделении сначала пришли в ужас, поскольку инструктор, отвечавший за её безопасность, был «левым», страховка в этом случае не действовала, но примчался Малюгин и всё уладил.

– Смылся, козёл, – сказал он. – Если бы нашёл – убил на месте.

– Кого?

– Инструктора. Ты как?

– Нормально. Ушиб бедра, связки порваны на правой ноге и левом плече. Как я теперь ходить буду?

– Костыли купим! — бодро сказал Анатолий Михайлович. – Отвезём, привезём, всё как полагается. Но и страна здесь, я тебе скажу… Наличку не хотели брать.

– Швейцария.

– Ну да, надо было в Австрию ехать.

– Не в Австрию – в Вануату.

– Куда-куда?!

– На острова в океане. Райское место. Пальмы, волны, людоеды с акулами. Разве я тебе не говорила, что моя дочь вышла замуж?

– Кажется, говорила.

– Они с мужем скоро уезжают на Вануату. Махнём?

– Ты что? – испугался начальник. – У нас напряг на работе. А костыли мы тебе купим.

– Спасибо.

Домой Татьяна прибыла, опираясь на сверкающий костыль. Второй костыль нёс за ней следом водитель, встречавший её в аэропорту.

Дверь открыла Даша, которая буквально вчера приехала из Парижа за вещами. Татьяна, конечно, по мобильнику предупредила её, что травмировалась в горах, но дочка всё равно испугалась.

– Какой ужас! – схватилась она руками за щёки. – Надо было тебя на носилках…

– Сама дошла, – чуть-чуть разогнулась Татьяна. – Что за бардак в квартире?

– Мама, не пугайся, у нас в доме милиция, – посторонилась Даша. – Нас обокрали. Как раз перед моим приездом.

У Татьяны ослабли ноги, но она пока могла либо стоять, либо лежать. Пришлось опереться рукой о стену.

– Что украли? – спросила она.

– Разбираемся… У тебя сколько серёжек с бриллиантами было?

– Кажется, три пары… И столько же колец.

– Пройдите, пожалуйста, сюда, – показался в дверях капитан милиции. – Надо протокол составить.

Громко тюкая костылём о паркет, Татьяна прошла в гостиную. Там было ещё два милиционера. Все они с любопытством уставились на неё.

– Где отдыхали? – спросил капитан.

– В Швейцарии, – вздохнула Татьяна. – Ну, что обнаружили?

– Без вас мы не начинали.

Через два часа выяснилось, что воры унесли немногое: драгоценности, норковую шубу и деньги. Лёжа на диване, Татьяна руководила поисками.

– Но зачем они взяли красные туфли? – недоумевала она.

– Носить, – хмыкнул капитан.

– Без красной сумочки эти туфли надевать нельзя, – терпеливо объяснила ему Татьяна. – А сумочка на стуле валяется.

– У тебя было всего четыре тысячи долларов? – спросила Даша.

– Ты же знаешь, деньги я в доме не держу, – сказала Татьяна. – Норковую шубу жалко. Ну да ладно, имидж надо время от времени менять. Поправлюсь, куплю новую.

– А вот мою дублёнку они не взяли, – сказала дочка. – Я тоже хочу менять имидж.

Милиционеры засмеялись.

– Правильно смотрите на жизнь, – кивнул капитан, – с вещами надо расставаться легко.

– Особенно с чужими, – согласилась Татьяна. – Я ведь недавно дверь поменяла. Уверяли, что этот замок невозможно вскрыть.

– Для хорошего специалиста это пустяк, – стал собирать бумаги капитан. – Сигнализация нужна. Квитанция об установке двери осталась?

– Даша, принеси коробку со счетами. Я ещё ни одного документа не выбросила. А на сигнализацию меня записали в очередь. Так кому, говорите, мне предъявлять претензии?

– Богу, – фыркнула дочка.

– А ты помолчи! Мало того что заочно замуж вышла, ещё и в Вануату едет. Когда, кстати, летишь?

– В субботу.

– Куда летим? – остановился в дверях капитан.

– Я уже тысячу раз говорила – на острова, – с досадой посмотрела на него Татьяна. – Там у них песок, кокосы и волны. Рай для туристов, не так ли?

– Для богатых туристов, – дёрнула плечом Даша. – Звонил твой шеф, сказал, нанимает сестру-сиделку. За неделю хотят тебя на ноги поставить.

– Вот ему-то я и выставлю счёт, – с трудом повернулась на бок Татьяна. – По полной программе.

– Кто б сомневался, – едва слышно сказала Даша, но мать рассыпала.

– Это мне надо лететь в Вануату, а не тебе, – усмехнулась она. – Меня бы они точно нашли.

– Кто?

– Людоеды. Или хотя бы акулы. Ведь там их полно, доченька?

– Как инструкторов в горах, мамочка. Анатолий Михайлович сказал – классный парень.

– Что он понимает в инструкторах, твой Анатолий Михайлович. Может, и мне надо было пить с ними? Уж руки-ноги точно были бы целы. Ладно, оставь меня, хочу немного поспать.

Татьяна смежила веки, и перед глазами закачались синие, зелёные, белые волны. По их гребням стремительно мчались на досках чёрные, как эбеновое дерево, и страшные, как акулы, каннибалы.

Ей только было непонятно, в раю или аду она оказалась.

СОБЫТИЕ

Восход «Звезды»

Лебедев Александр Алексеевич. Начальник Центральной телевизионной и радиовещательной студии Министерства обороны РФ, капитан 1 ранга. Службу офицера-подводника проходил на Северном флоте. С 1993 года активно сотрудничает с ведущими российскими телерадиоорганизациями. Лауреат многих фестивалей как за авторство, так и за операторские работы. В 2000 году сформировал первый Телецентр в Вооружённых силах.

Окончание. Начало на стр. 1

Здесь наступила пауза, я спросил: «А каким должен быть патриотизм, Владимир Владимирович?» Он ответил: «Ну не знаю, ну не таким, как в вашей концепции». На что я заметил: «А что, разве наша концепция агрессивна?» «Ну нет, всё-таки патриотизм должен быть не таким», – повторил Познер. И тогда я предложил: давайте придём в вашу программу «Времена» и поговорим о том, каким должен быть патриотизм в России. Может быть, он должен быть таким, как в Америке: по утрам на лужайке поднимать флаг, а вечером бомбить Югославию, вводить войска в другие страны. «А при чём здесь моя программа?» – возмутился Владимир Владимирович.

Тот разговор я закончил попыткой объяснить уважаемому телеведущему, что лицензия на вещание получена «Звездой» именно для того, чтобы авторы нового канала при слове «патриотизм» не говорили: «А при чём здесь моя программа?» Мы обязательно обратимся к Владимиру Познеру с предложением возобновить разговор на эту тему.

Патриотизм не должен быть чёрно-белым, он должен стать составной частью личности, внутренним состоянием гражданина. Как бы это ни звучало банально, но надо просто любить своё Отечество.

Сегодня на многих каналах появляются передачи государственно-патриотического содержания, но говоря о прайм-тайме, мы вынуждены констатировать, что вещатели просто вынуждены по требованию рекламодателей показывать «развлекаловку», разного рода пустую, никчёмную, а то и вредную для сознания продукцию. Программы патриотического звучания появляются фрагментарно и, как следствие, отдельные высокохудожественные произведения тонут в потоке коммерческого телепродукта.

– А почему за создание «Звезды» взялось Минобороны? В профессиональной телевизионной среде не все понимают, почему на канал «надели погоны»?

– «Звезда» – канал не военно-патриотический, а государственно-патриотический. Понимаете, абсолютно не важно, кто строит дом, главное – кто в нём живёт. К примеру, военные строители построили половину Севастополя. И к людям в погонах жители испытывают огромную благодарность. Так же и в нашем случае: военные вполне могут построить телеканал, не для себя – для страны.

К сожалению, большинство наших коллег крайне обеспокоены именно тем фактом, что на телевизионном рынке появился игрок, представляющий не какую-то аморфную *структуру*, связанную с государством или регулируемую государством, а *жёстко детерминированную государством*.

В данном случае мы вообще имеем дело с государствообразующей системой, коей и являются Министерство обороны и Вооружённые силы. Эта система влияет на все звенья государства. Если взять численность людей, непосредственно связанных с ВС, то получится, что около 30 процентов населения входит в эту категорию. Военнослужащие, члены их семей, работники предприятий ВПК и т.д. Сопоставимых по масштабу систем в стране больше нет.

И когда на телевизионном рынке появилось Минобороны, которое сказало: «Да, мы тоже будем играть на информационном поле», возникла обеспокоенность. Стали раздаваться голоса: ну что же это, дескать, такое? Что же это за милитаризация? Что же происходит с демократией?

У нас так сложилось, что за образец демократии чаще всего берут США. Однако в данном «образце демократии» вдруг появился телевизионный «Pentagon channel», который позиционирует себя исключительно как военный канал, если угодно, как военно-патриотический.

Весьма любопытно, что одним из первых, кто заинтересовался открытием нашего канала, был американский военный атташе в России.

Интересуются нашей работой и другие представители военно-дипломатического корпуса. Думаю, у всех, кто захочет присутствовать 21 февраля в 11 часов на презентации открытия вещания, которая пройдёт в здании Останкинской телебашни, будет возможность познакомиться с командой нового телеканала.

Но вернёмся к сути. Когда сейчас некоторые начинают выступать «против» под предлогом, что военные будут нерачительно, неумело, непрофессионально использовать средства и возможности, что всё это непонятно для чего, что это милитаризация, – так вот я привожу аргумент: «Pentagon channel»! Посмотрите, США – демократическая страна, однако там постоянно увеличивается военный бюджет. Который, кстати, в разы превышает весь бюджет РФ.

Они поняли приоритеты сегодняшнего дня. Увы, информационно-идеологическая война уже идёт, если хотите – Третья мировая. Наши американские коллеги создали телеканал с огромной целевой аудиторией (сегодня США осуществляет постоянное военное присутствие в 177 странах мира. – **Прям. ред.**).

Я регулярно захожу на сайт «Pentagon channel» – очень профессиональная подача информации, филигранная идеологическая работа.

Они убеждают весь мир, что американский солдат – гарант безопасности, борец за свободу во всём мире. Страна гордится своими воинами.

Мы же привыкли к потоку постоянной чернухи в адрес собственной армии. Да, к счастью, вернулась гордость за ветеранов. Но мы не говорим, что преемники ветеранов – те самые молодые ребята, которые сегодня берут в руки автомат и принимают присягу. Человек, взявший в руки оружие и присягнувший стране, отдаёт себя государству. И уже только за это он заслуживает большого поощрения и, без сомнения, добрых слов. Он уже не такой, как все. И напрасно говорят: «Армия – такая же, как все». Нет, она не «такая же», солдат – не обычный гражданин. Ведь в те два года, пока он служит, у него совершенно иной статус. Он государев человек «со всеми потрохами». И по приказу он должен прыгать в БТР или прочный корпус подлодки, отдать, если надо, жизнь за Отечество.

Мы хотим показать широкой аудитории «человеческое лицо» наших Вооруженных сил. Поверьте, люди хотят гордиться страной, в которой они живут, армией, в которой служат их дети. Готовясь к эфиру, мы провели множество социологических исследований. Россияне устали от негатива, есть хорошая пословица «скажи человеку девять раз «свинья» – на десятый он захрюкает». Нельзя душить людей телевизионными фекалиями. Это один из элементов идеологической войны, ведущейся против населения нашей страны.

Речь идёт о продолжении всё той же информационной войны, только уже другими, я бы назвал их «партизанско-диверсионными», методами.

И многие хотели бы «замолчать» данный аспект.

Антон МЕНЬШОВ

– В связи с этим такой вопрос. Будет ли канал чисто «военным», или задача ставится шире: создать новую концепцию вещания? Ведь важно, чтобы новый канал не замкнулся в локальной тематике, в локальной среде...

– Дело в том, что обществу навязан стереотип, мол, военные не могут создать ничего, кроме военного или на худой конец военно-патриотического. Наш канал получил лицензию, в которой есть приложение, где указаны основные направления вещания. Там всё, как у всех. Общественно-политическая часть, кинопоказ, спортивные, детские программы и т.д. На военно-патриотическое вещание нам отведено 10 процентов. Всего десять!

Так вот мы создаём не военный, не военно-патриотический, а государственно-патриотический канал. Здесь заключён важнейший смысл. У нас есть концепция, где чётко обозначены приоритеты вещания: создание условий для того, чтобы человек смог увидеть не то, что ему навязывают, а то, что он сам хочет увидеть и услышать. Поэтому большое внимание мы хотим уделить обратным связям. Мы планируем работать с региональными вещателями. Вы прекрасно знаете, что в регионах сейчас производятся прекрасные программы. Есть живые люди с интереснейшими судьбами, которым не находится места на центральных каналах. Ведь мы дожили до того, что делаем региональные новостные вставки по принципу: для москвичей – «Вести–Москва», для новгородцев – «Вести–Новгород», меж тем в основных «Вестях» фактически пропала региональная тема.

Я сотрудничал с «Вестями» много лет. И год от года видел, как сокращается региональная тематика.

Да и ракурс подачи того, что есть, поражает. Мне известен случай, когда НТВ, получив из Крыма материал о наводнении, который делали мои симферопольские коллеги с риском для жизни, репортаж с уникальными кадрами, в котором рассказывалось о тех, кто самоотверженно спасал жизни людей, так вот, его отказались поставить в эфир только потому, что ни один человек не погиб! Во время перегона продюсер спросил: «Сколько погибших?» И когда услышала, что, слава богу, жертв нет, сочла репортаж неинтересным.

Сейчас идёт конкуренция между каналами: кто покажет больше трупов? Я всегда учу молодых журналистов: проще всего «сделать новость» о том, как танк переехал человека. Новость сделал танк, а вам осталось только встать рядом и дрожащим голосом в течение минуты констатировать факт. Вещатели самоослеплены, им кажется, что секс, кровь, деньги – это всё, что нужно зрителю! Порой людей путают со скотами, а право определять, что нужно, а без чего можно сегодня обойтись, присвоила себе очень узкая часть населения.

Наш канал будет бороться за другую информацию. Мы должны показать, чем живёт Россия, что делается в нашей стране хорошего. Пусть в регионах меньше денег, но там много души. Да, мы понимаем, что создаём телевидение, в котором не будет очень больших денег, но мы хотим создать ТВ, в котором будет много души.

– Известно, что русская литература, как современная, так и классика, так и фронтовая проза и поэзия – неисчерпаемый источник для всевозможных экранизаций на военно-патриотическую, государственно-патриотическую, да и на гражданственную тему. Будет ли «Звезда» заниматься этим?

– Мы уже ведём переговоры с многими авторами, издателями. В том числе и с авторами «ЛГ». В частности, в рамках «60-летия Победы» будет цикл, посвящённый фронтовой поэзии. Мы хотим сделать программу на основе прекрасной серии «Жизнь замечательных людей», которую и по сей день выпускает «Молодая гвардия».

За последнее время мы «воспитали» целое поколение нечитающей молодёжи, которая не знает, что такое русская литература.

– Ваше мнение о тех телефильмах на тему войны, что уже вышли на экраны. В обществе, в частности на страницах «ЛГ», эти сериалы вызывают часто резкие, отрицательные оценки и, что особенно важно, со стороны ветеранов...

– Очень многие сегодня поняли, что тема 60-летия – это лакмусовая бумажка. То есть если про 60-летие сегодня сказать хорошо, то можно получить своего рода индульгенцию. Ещё вчера вы твердили, что всё в стране и в её истории отвратительно, а сегодня похвалили ветерана и как бы получили прощение всех грехов. Спасибо, конечно, если делается что-то хорошее. Но только дело-то в том, что телевизионщики обязаны сеять разумное, доброе, вечное не от случая к случаю.

Ценностные ориентации изменились «до наоборот»: чернуха стала нормой, дискредитируем свою страну, транслируем гадости, разврат. Так всё перевернулось, что впору уже перечитывать знаменитое: «Крошка сын к отцу пришёл и спросила кроха: что такое хорошо и что такое плохо?»

8 мая 2004 года во время показа фильма «Офицеры» в вечерний прайм-тайм картина грубо, беспардонно перебивалась рекламой прокладок, памперсов, сникерсов. Тот кадр, в котором фашисты расстреливали одну из главных героинь, прервался рекламной паузой тампакса! Такое впечатление, что программный директор издевался над многомиллионной аудиторией, опошлив всё, что возможно. А 10 мая гостем программы «Очевидное – невероятное» стал посол Германии, озвучивший тему толерантности, «нового отношения», «изменившихся ценностей» и т.п. Я не против того, чтобы экран отражал разные точки зрения, обязательно должна быть полемика, но нельзя унижать чувства людей, в том числе и ветеранов. Несмотря на то, что у нас светское государство и церковь отделена от государства, согласитесь, транслировать атеистические беседы в праздник Рождества Христова... Надо любить зрителя, а сейчас порой приходится слышать циничное «пипл хавает…».

Не секрет, что нынешние телепередачи не позволяют адекватно оценить вклад страны, народа в Победу. И на сегодняшний день уже очень многие засомневались: а был ли тот великий героизм, о котором говорила советская пропаганда? Смотрите, как воспитывается трогательное отношение к ленд-лизу, неоднозначное отношение к бомбардировкам Хиросимы и Нагасаки. А в это время японские школьники и студенты уже сейчас думают, что Японию бомбил СССР, в лучшем случае затрудняются ответить на вопрос об «авторах» ядерного преступления!

– Как новый телеканал сможет заинтересовать молодёжь? Возможно ли осуществление художественно-идеологического прорыва, подобного штатовскому проекту «Рэмбо», который воспитал целую генерацию американских подростков?

– Дело в том, что фильм «Рэмбо» создавался в рамках мощнейшей информационно-идеологической кампании. Он создавался для того, чтобы преодолеть «вьетнамский синдром». Когда общество отторгло солдата, выполнившего волю государства. А мы до сих пор имеем «синдромную» ситуацию. Стало нарицательным «Я вас в Афган (в Чечню) не посылал!», которым чиновники отмахиваются от наших ветеранов военных конфликтов, абсолютно забыв о собственной принадлежности к государству.

Создавая «Рэмбо», в Америке чётко понимали задачу. Они не просто разрушали ненависть к солдату, к участнику войны, когда все уже привыкли воспринимать его так: ну раз солдат – значит, наркоман, значит, отщепенец, убийца, забулдыга. Они показали героя!

Получился один из сильнейших фильмов. К сожалению, мы почти ничего не имеем сопоставимого по силе воздействия. В своё время что-то делали. Был такой исключительно сильный фильм «Нейтральные воды», позднее появилось «Одиночное плавание». Были фильмы, воспитывавшие будущих учёных, космонавтов. Вспоминаю «Укрощение огня», моё восприятие академика Королёва так и осталось во многом определено фильмом с Кириллом Лавровым в главной роли. Хотя прочитано много книг на эту тему, отсмотрена масса документальных материалов, но сила кинообраза несоизмеримо выше.

Конечно, если я сейчас скажу, что уже завтра канал сделает «Рэмбо» или «Укрощение огня», то вы посчитаете меня либо идиотом, либо фантастом.

Но мы понимаем, в каком направлении надо двигаться. Мы понимаем, что надо возрождать и в каком виде. Мы понимаем, что это не «Бригада» и не «Стальные парни». Когда в прекрасно отснятом клипе Фоменко поёт «Мы парни из стали», а после этого парни крушат всё из автоматов, становится страшно.

– Но вам придётся бороться за зрителя...

– Да, и потому у нас будут свои проекты, которые, уверен, заинтересуют зрителя. В частности, мы не можем уйти от ставших популярными реалити-шоу. Приоткрою один из наших секретов. Мы готовим серьёзную программу. Я не буду много сейчас о ней говорить. Могу лишь обозначить: на телеканале готовится постоянный проект. Очень дорогой проект. Мы надеемся, что в стране найдутся люди, которые будут его финансировать. Это будет рассказ о жизни армии от рассвета до заката. Планируется показ на длительном временном промежутке (примерно по два месяца) различных воинских частей. Два месяца корабль ВМФ, два месяца часть ВДВ и так далее. Будем показывать истинных героев. Поверьте, у нас до сих пор служат сотни тысяч людей, которых в армию не загнали, а которые пришли в неё сами. Ребята пишут потрясающие письма домой. Это своего рода романы о чести, верности Родине и любви…

Да, в армии есть негатив. К слову сказать, так же как и на дорогах. Но если на дорогах происходят ДТП, то вовсе не факт, что мы не должны ездить на автомобилях.

Мы хотим показать армию через призму по имени ЧЕЛОВЕК. Показать взаимоотношения людей, их жизнь: как они встают, как едят, чем занимаются в течение дня, что делают на полигоне. Здесь заложена истинная драматургия, здесь всегда есть соревнование, всегда есть сложные коллизии. И это вам не «Тату» в Поднебесной», когда половина передач завершалась «бипами», потому что шёл поток нецензурщины. А возмущённые наивные граждане писали письма, где сетовали и недоумевали: они-то ждали песенок, а получили мат в прямом эфире.

– Канал финансируется исключительно из средств Министерства обороны?

– Нет, финансирование будет смешанным. Вещание осуществляет Центральная телерадиостудия Министерства обороны (ЦТРС). Естественно, часть денег выделяется государством, так как это федеральное государственное учреждение, сметно-бюджетная организация. Зарплаты в бюджетной сфере, как всем известно, невелики. А на рынке, особенно телевизионном столичном, совсем другие зарплаты. Однако мы нашли, как мне кажется, приемлемые варианты решения этой проблемы.

На сегодняшний день большую часть вопросов, связанных с технической стороной, берёт на себя Минобороны. Имея лицензию на вещание, производит затраты, связанные с трансляцией, с распространением сигнала по Российской Федерации, а также техническое обеспечение программ, которые будут готовиться на базе ФГУ ЦТРС.

Но для того чтобы наполнить эфир и создать полноценное государственно-патриотическое телевидение, создано ОАО «НТК «Звезда», которое возглавил достаточно известный в телевизионных кругах, очень перспективный человек, полностью разделяющий идеологию нашего канала Сергей Савушкин. Мы формируем команду профессионалов, занимаемся привлечением инвестиций в НТК «Звезда». Уверен, что в России немало людей, организаций, которые будут оказывать нам содействие в подготовке интересного программного продукта.

Нагрузку по содержанию передатчика, расходы, связанные с арендой спутниковых каналов, производство специализированных программ возьмёт на себя ЦТРС Минобороны. А основную программную нагрузку на себя возьмёт ОАО «НТК «Звезда», функционирующее по законам рынка.

– На вашем канале будет реклама?

– У канала будет своя рекламная политика. Люди, которые понимают, что такое «рекламная политика», встревожились. Совершенно очевидно, что у нас только один канал может ярко заявить о собственной рекламной политике. Это канал «Культура», и его рекламная политика заключается в отсутствии рекламы. Мы же в основном будем рекламировать отечественного производителя, развивать российские бренды. Я понимаю, это не те бюджеты, которые дают сегодня «Procter & Gamble» и «Coka-Cola», но принципы дороже денег.

– В чём вы видите ту козырную карту, или, как сейчас говорят, ту «фишку», которая позволит вашему каналу соперничать и побеждать в борьбе за зрителя?

– Могу сказать сразу: «фишек» на канале будет много. Но есть основная идея. Дело в том, что целевая аудитория канала – это вся Россия. Мы хотим уделить большое внимание всем слоям, всем категориям населения. От детей до старшего поколения. Так вот, центральная «фишка» состоит в том, чтобы создать канал, по которому просто истосковался зритель. Посмотрев новогодние рейтинги, я был приятно удивлён тем фактом, что канал М1 при относительно небольших затратах на кино имеет прекрасные рейтинги и долю по отношению даже к общефедеральному ТВ. Зритель, «наевшись» дебильных смешилок, просто переключал каналы. И наткнулся на хороший советский добрый фильм, ту нормальную жизнь, которой так не хватает в реальности. «Фишка» нашего канала такова: мы хотим дать людям то, что они не могут получить на других кнопках. Мы хотим возродить доброе телевидение, наши люди соскучились по положительным эмоциям.

Недавно Сергей Савушкин вспоминал, как его пятилетний сын выигрывал на новогодних ёлках все призы. Потому что Дедушка Мороз спрашивал: «Кого вы, дети, знаете из русских былинных богатырей? Кого вы знаете из русских сказочных персонажей?» А дети не могли ничего рассказать, кроме «Бэтмана», «Черепашек-ниндзя» и т.п. Многим просто ничего не известно про Илью Муромца, Добрыню Никитича. Минкультуры встревожено: количество детей, не знающих поэзию Пушкина, растёт день ото дня.

Наша задача состоит в том, чтобы люди узнавали факты, которыми они могут гордиться. Мы хотим показать живого русского человека из глубинки, который своими простыми незатейливыми словами выразит порой такие мудрые вещи, которых не услышишь от политолога, а иной раз и от академика.

Мы хотим, чтобы на нашем канале были другие лица. Мы не будем отрывать примелькавшихся персонажей от других телекомпаний. Пусть они стоят у «Барьера» или пьют апельсиновый сок. Не будем им мешать.

– Будет ли на канале только отечественная продукция?

– Считаю, что зритель должен иметь возможность видеть лучшие работы зарубежных производителей. Например, проекты ВВС о природе, которые снимаются на высочайшем уровне. Необходимы чёткие контроль и понимание в том смысле, чтобы не допустить на свой экран чужую идеологическую продукцию.

– «ЛГ», её читатели, все мы желаем вам успеха в таком сложном, трудоёмком, порой мучительном деле, как создание нового телеканала. Будем ждать первых передач и настраивать телеприёмники на частоту «Звезды».

Александр ГОРБУНОВ,
ведущий ТВ-страницы

А ВЫ СМОТРЕЛИ?

Содержание рубрики – впечатления теленедели. Ими делятся литгазетовцы и читатели. Всех желающих присоединить свой голос просим писать (объём до 0,5 страницы) на адрес «ТелевЕдения»: atv@lgz.ru

Причал Бориса Андреева

Наше плодовитое телевидение настолько, извините, обсериалилось, что забывает чувство меры и вкуса. Особенно это заметно в отношении доброй памяти актёров, которых давно нет в живых, но без которых немыслимо осознание роли и места советского кинематографа в культурном пространстве России. Современные «теледуховники» умудряются сказать о них сквозь зубы, особенно о тех, кто не вписывается в авантажную роль для нынешних телеигр. Вот, скажем, на прошедшей неделе отметили 90-летний юбилей киноактёра Бориса Андреева. Но как? Первый канал – а никак!.. РТР? После нескончаемой череды сериалов (только лишь одного дня!) в 0.45 был показан мудрый и глубоко человечный фильм «Путь к причалу», в отличие от «Сказания о земле Сибирской» (канал «Культура»), который невыносимо смотреть из-за сусальной и до скрежета зубов агитационной кинооратории.

Впрочем, «Культура» воздала должное этому удивительному самородку, присовокупив к «Сказанию» интересный рассказ об актёре и в этот же день показав «Большую жизнь». И всё! Ни Первый, ни остальные каналы не удосужились сквозь частокол сериалов заглянуть в мир добра и света, который излучал по-настоящему большой актёр.

Сергей ЛУКОНИН

Насмешка над зрителем

Телевидение устало от развлечений, пресытилось ими, а пресыщение побуждает к поиску новых развлечений и необычных острых ощущений. Чем-то иным объяснить массовый ажиотаж СМИ вокруг затеянного «бракосочетания» гомосексуальной пары Мишин–Мурзин в одном из столичных загсов объяснить трудно. Надо было заранее предвидеть провал подобной акции, что, в общем-то, и требовалось её исполнителям, и надо было предвидеть её продолжение, что и произошло у соловьёвского «барьера». Поединок Александра Новикова и Эдварда Мурзина выглядел как фарс, как насмешка над зрителем, как пощёчина общественному мнению. Но народ российский уже привык к подобным плевкам и плевками же отвечал «голубому экрану» и «голубым» на поднятую «проблему». Когда здесь, в глубинке, здоровый работоспособный мужик лишён основного права на труд, не может найти работу, не знает, как свести концы с концами и прокормить семью, не надо раздражать его высосанными из пальца правами всяких-разных меньшинств. Это социально опасно и чревато последствиями...

Владимир СТЕПАНОВ,
член Союза писателей России,
пос. СПИРОВО Тверской области

Бог её «послушался»...

В выходные нормальные *человеческие* передачи обычно показывают днём. С наступлением сумерек за окном «темнеет» и на экране. Не стало исключением и минувшее воскресенье, и я успел на «Рейс вне расписания». И «выяснил», что есть на свете люди, которым нереально, фантастически везёт. Не украсть, не разбогатеть, а просто выжить, когда шансов на то уже вроде не осталось. Такой оказалась героиня документального фильма с упомянутым названием, показанного по Первой программе, – стюардесса Арина Виноградова. Целых три раза она решительно «отказывалась» умирать: от большой потери крови, после аварии и в последний раз, когда самолёт, в котором она летела, рухнул на землю после взлёта. Ну просто железная воля у этой женщины! Ни за что не хотела она покидать грешную землю, и Бог её «послушался»...

Валерий БУРТ

В огороде бузина, а у Познера «Времена»

По просмотру познеровских «Времён» иной раз возникает впечатление, что ведущий нарочито юродствует эпизодически, издевается над зрителями своеобразно и в высшей степени изощрённо. Мол, моя передача – как хочу, так и изгаляюсь, в том числе и над элементарным здравым смыслом.

Казалось бы, ну какое отношение Пакт Молотова–Риббентропа имеет к формированию в России Общественной палаты? Коль скоро именно созданию этого гражданского органа были посвящены последние «Времена», то, по идее, и традиционное резюме Познера в конце программы должно было хоть отчасти соответствовать главной теме. Ничего подобного! Мудрейший и остроумнейший Владимир Владимирович, подводя «итог» часовой дискуссии, призвал российское общество… покаяться за «оккупацию» стран Балтии! Правда, слов «покаяние», «каяться» из уст ведущего не прозвучало, но смысл его финальной «сентенции» сводился по некой загадочной причине именно к этому. Почто, дескать, Латвию да Эстонию с Литвой 65 лет назад оккупировали?!

Познер так и не пояснил: насколько советско-германские отношения времён Второй мировой повлияют на развитие гражданского общества в современной России…

Сергей ГРОМОВ

Грудной смех

В субботу прошёл очередной «Розыгрыш» (Первый, 21.20) во главе с Валдисом Пельшем. После получаса сидения перед телевизором я вспомнил диалог из замечательной советской комедии, который звучит примерно так: «Что это вы исполняете?» – «Смерть Изольды». – «Как-то слишком уж долго она у вас умирает...»

Нынешние шутники разыгрывали режиссёра Романа Виктюка. К нему в театр привели двух буддийских монахов, которые якобы хотели арендовать помещение. А потом те попали в милицейский «обезьянник» («Кто не был, тот будет, кто был – не забудет…»), и интеллигентного Виктюка заставили идти их выручать. Всё это на экране тянулось долго, непередаваемо долго!.. Как видно, другой режиссёр (кроме Романа Григорьевича) на передачу и не заглядывал. Поэтому второго розыгрыша (с Ириной Аллегровой) я дождаться просто не смог…

А ведь интрига была! Я так и не узнал, справилась ли вторая ведущая – обладательница голливудского бюста – со своим неуправляемым декольте. Или декольте, на радость засыпающим зрителям, всё-таки справилось с ней?

Евгений ОБУХОВ

ГВОЗДЬ СЕЗОНА

«Лес», недавно поставленный Кириллом Серебренниковым в МХТ им. А.П. Чехова, критики уже успели провозгласить лучшим спектаклем сезона. Но работа эта при всёх её выигрышных качествах как минимум неоднозначна. А поскольку она и по своей эстетике и по своему «мессиджу» позиционируется в качестве «молодёжной», то и мы в своей традиционной рубрике столкновения двух мнений решили предоставить слово молодым. Молодому критику, аспиранту РАТИ и «молодому» писателю и, что особенно важно в данном случае, в прошлом – артисту.

Язык сегодняшнего дня

Официальный хронометраж – 3 часа 30 минут (см. официальный сайт МХТ) – очередной постановки классической пьесы вряд ли способен настроить знатоков на оптимистический лад. Текст Островского уже имел такое количество интерпретаций, что невозможно себе представить, что же такого нового можно усматривать и демонстрировать в нём в течение такого времени.

Как известно, сделать банальность не банальной чертовски сложно, но можно. Вопрос один: «Нужно ли?» А вот очень даже нужно. Дамы и господа, интересно и *легко* ставить легендарные произведения отечественной драматургии умеет не только Пётр Наумович Фоменко. Три часа в зале пройдут, как полтора. Парадоксально, но факт: где уместно слово «интересно», там не бывает слова «долго». Уникальная ситуация – в спектакле МХТ и Кирилла Серебренникова практически невозможно найти ни одной лишней или затянутой сцены.

В плане «осовременивания» текста – приём буквально получил новую жизнь. Серебренников сделал очень милый стилистический (а отчасти, может быть, даже смысловой) ход. Если бы существовала премия за концептуальную элегантность, в этом сезоне её судьба была бы решена. Действие пьесы перенесено в СССР второй половины 70-х гг. прошлого века. Таким образом, на волне ретромоды именно на это время возникает своеобразная параллель с днём нынешним.

Сценограф Николай Симонов выстроил шикарные интерьеры дома Гурмыжской как квартиру зажиточных партийных чиновников и отставных генералов. Стиль выдержан безукоризненно: от хрусталя до паркетной доски. Вообще оформление этого спектакля, конечно, праздник для глаза и интеллекта – длительный антракт, необходимый для монтировки, абсолютно оправдан. Есть такие сцены, о которых хочется написать просто – «красиво», но этого было бы мало – *невероятно красивые* есть *сцены*. Например, эпизод, в котором выстроена советская детская площадка, с лесенкой, качелями, каруселью, лавочкой и светящейся табличкой «А не удавиться ли мне?». В оформлении этого спектакля есть свой сюжет, не сказать интрига. Помимо очевидного мастерства Симонову нельзя отказать и в тонком чувстве юмора – серия занавесов с фотообоями леса в разные времена года, наверное, самая остроумная и «стёбная» визуализация названия пьесы за последние годы.

Театральная общественность давно привыкла к тому, что этот род искусства раскололся на два лагеря. Один – массово-развлекательный, не отягощающий своих поклонников тяжёлыми раздумьями. Второй – элитарно-эстетский, требующий для разгадки своей головоломки двух высших гуманитарных образований. В свете сего вы будете смеяться, но… но «Лес» – это интеллектуальный спектакль, доступный многим. Я понимаю, это звучит как нечто невозможное, но концептуализм Серебренникова реализован очень чётко и внятно. Картина мира ясна и прозрачна. Убеждён, например, в том, что школьник, посмотрев этот «Лес», поймёт суть пьесы великого русского драматурга значительно лучше и глубже, нежели посетив традиционно-музейный «перформанс» с пыльными сюртуками и стволами деревьев, писанными маслом на заднике.

Сюжет пьесы с комфортом укладывается в современные реалии. Пожилая, обеспеченная вдова, Раиса Павловна Гурмыжская (Наталья Тенякова), имеет всё, что только может понадобиться простому бюргеру (золото-брильянты, деньги, меха, телефоны, хрустальные люстры, мебель и т.д.). И не хватает даме одного только в жизни – здоровых отношений с каким-нибудь молодым организмом. Таковой находится быстро в лице Алексея Буланова (Юрий Чурсин), юноша с невероятно подвижной спиной и без определённого рода занятий. Он, в свою очередь, горит желанием порадовать меценатку на склоне лет, но, чтобы не нарушать гармоничной игры в «снова первая любовь», а также от небольшого ума, активно маскируется под пионерскую наивность/невинность. В доме проживает «на птичьих правах» девушка-родственница – Аксинья (Анастасия Скорик), влюблённая (не без взаимности) в соседского сына Петра Восмибратова, который трудится с отцом на семейном предприятии с небольшим криминальным уклоном…

Да и в сюжете ли дело? Обезумившая старуха «снимает» молоденького мальчика. Аферист в белой рубашечке с лицом клерка распевает с детским хором патриотическую «Беловежскую пущу». Влюблённый лабающий Высоцкого «Украду, если кража тебе по душе» не способен сделать ничего для своей пассии. Эгоистичные старики, дорвавшиеся до своего звёздного «можно!» слишком поздно, готовые перетопить подпирающий молодняк, как щенков. Вот это мир, в котором мы живём. Картина зажиревшего буржуазного, с совковым отливом, общества, помешанного на евроремонтах с золотыми унитазами, пошлого до рвоты, прикрывающего свои клинические на почве обжорства аппетиты благотворительностью – это и есть то, «про что» постановка.

И разгоревшиеся, как это у нас водится, внутрицеховые дебаты о том, что в финальной сцене брачующиеся Гурмыжская с Булановым напоминают одну приму шоу-бизнеса и одного крупного политика, и вот если они напоминают, это плохой спектакль, а если не напоминают, то это хорошо, – они беспочвенны. Песня, как говорится, не об этом, она о главном.

Серебренников остался верен своим профессиональным принципам во всех сферах – он опять прекрасно подобрал актёрский состав и поработал с ним так, что на высоте буквально каждый исполнитель. Удивительно играет артист Дмитрий Назаров. Прекрасно существует в новой для себя режиссуре Наталья Тенякова. Молодые актёры просто словно созданы для работы в подобной манере…

Режиссёра же, который на данном этапе свободно ориентируется в совершенно разных культурных пластах, классифицировать пока проще всего как профессионала.

Алексей ГРИШИН

Авангард Леонтьев (Счастливцев) и Дмитрий Назаров (Несчастливцев)

Екатерина ЦВЕТКОВА

Тридцать и Серебренников

Честь и хвала Олегу Табакову. МХТ в короткое время стал самым успешным коммерческим проектом театральной Москвы. Может быть, потому что худрук щедро доверяет постановки молодой «отвязной» режиссуре, а та, в свою очередь, привлекает в театр молодую, в том числе «новорусскую», публику, которая с лёгкостью может выкинуть на билет и буфет пару сотен баксов. Юные высокоумные критики после каждой премьеры замирают от восторга. Но, как мне кажется, совсем уж без оглядки, «задрав штаны, бежать за нашим комсомолом» не стоит. А стоит, наоборот, иной раз тормознуть какого-нибудь гениального режиссёра-реформатора, вот именно задрать штаны и… прости господи, выпороть по-отечески. Когда есть за что.

Талантливый (кроме шуток), изобретательный до изумления, отважный до наглости Кирилл Серебренников поставил (так и хочется сказать: с ног на голову) «Лес» Островского. Действие пьесы почему-то переносится из XIX века в советские 60-е с «ригондами и болоньями», однако в поведении персонажей доминируют прихваты последнего «конкретного» времени. Но эклектика сама по себе не страшна, с толку сбивает этика постмодерна с безбожным паразитированием на классике.

«Лес» разрабатывается хищнически, как полезные ископаемые компрадорами. Текст гениального драматурга корёжится: то, что режиссёр не понимает или не принимает, переиначивается и «обогащается» всем подряд: от Шекспира до Пупкина (то есть актёрских отсебятин). Главная задача – чтобы не было скучно. Не скучно. Почти весь спектакль. Но противно. От того, что режиссёр, не пытаясь дотянуться до автора, опускает его до себя. До балагана, до плинтуса. Серебренникову противно человеколюбие Островского, противна вообще любовь. Он ею с отвращением «занимается». То есть добивает великий русский психологический театр «в его же логове». Пылкая страсть пожилой помещицы к юному приживале подаётся с шиком, под музыку, с хором мальчиков (их человек тридцать с девочками). А любовь Аксюши и Петра, первая, трепетная, чистая, наоборот, топчется. То есть в спектакле её совсем нет!!! Играется случка озлобленной лимитчицы и юного алкоголика (молодые артисты в этом не виноваты – их так «поставили»).

С отменой важнейшей для Островского лирической линии конструкция пьесы рушится. Бессребреник Несчастливцев (огромный Дмитрий Назаров играет кочующего трагика проницательным, тонким, мудрым) дарит, очевидно, корыстной Аксюше тысячу рублей (штук двадцать евро на наши деньги) и выглядит прекраснодушным дурачком. Циник Счастливцев (традиционная, но тоже очень хорошая работа Авангарда Леонтьева) оказывается абсолютно прав: нужно было «срубить бабки и делать ноги».

К чёрту летит тема Чести, Самопожертвования и Служения великому искусству.

В финале – хорошо поставленный триумф хама (Буланова). В своей «инаугурационной» речи жених Гурмыжской под аплодисменты политизированного зала пародирует интонации российского президента. Остро, смело, браво! Несколько подловато, правда. Во многом можно упрекнуть ВВП, но он всё-таки не «король ремейков» и не «граф Челси», который, если верить «диггерше» Трегубовой, ублажал шашлычками великовозрастную инфанту в эпоху залоговых аукционов. Однако глумиться над сегодняшними восмибратовыми-семибанкировыми режиссёру не в кайф (их и так замучили проверками коварные спецслужбы), а вот над президентом, над песней Пахмутовой про Беловежскую пущу и балладой Высоцкого про заколдованный лес – прикольно, круто, стопудово! Глядишь, в Лондонский королевский театр позовут – там любят, когда русские сами себя дерьмом обливают.

Малоумие от малодушества.

В спектакле заняты замечательные актрисы: блистательная Наталья Тенякова, великолепная Кира Головко, прелестная, острая Евгения Добровольская. Иногда они успевают сыграть и то, что поставил режиссёр, и своё отношение к его режиссуре. Иногда со сцены в зал перелетает живое мхатовское сфумато – правда характеров и правдоподобие чувствований. Островский и актёры побеждают, но это оборонительные бои. Народных артистов режиссёр изощрённо «опускает», ставя им в тыл непрофессиональных, типажных тёток (то ли кухарок, которые управляют государством, то ли работниц реквизиторского цеха), – им даже текст доверено произносить.

Над сценой горит праздничная иллюминация: А НЕ УДАВИТЬСЯ ЛИ? Хороший вопрос. Режиссёр на него отвечает, без сомнения, положительно. Возможно, спонсорами спектакля являются водочные короли, так как по окончании у неповесившихся возникает одно страстное желание – напиться.

Весело. Как будто найдено продолжение бессмертного афоризма Маркса: «Человечество, смеясь, расстаётся со своим прошлым, *а также настоящим и будущим*».

«Жалко только деточек, мальчиков да девочек», пришедших в театр, и тридцать детишек из хора. Они пьесу не читали. Будут думать, что Островский – это «такой реальный чел» типа Сорокина или Гришковца.

Впрочем, я, наверное, слишком стар и брюзглив, а к произведениям любимого театра уж точно пристрастен.

Александр КОНДРАШОВ,
выпускник Школы-студии МХАТ 1979 года

ПЕРСОНА

Эффект Берлинского

Имя народного артиста России, виолончелиста Валентина Берлинского неотделимо от истории блистательного камерного ансамбля – Квартета имени Бородина. Да и сама история квартета была бы иной, не будь таланта, творческой и созидательной воли замечательного музыканта, на раз возрождавшего свой ансамбль подобно Фениксу из пепла. И потому, вероятно, очень справедливо распорядилась судьба, соединив недавно два юбилея: 80-летие Валентина Берлинского и 60-летие Квартета имени Бородина, занесённого в Книгу рекордов Гиннесса как старейший камерный ансамбль России.

Два юбилейных вечера в Большом зале Московской консерватории надолго останутся в памяти меломанов. Среди же бесчисленных поздравлений, полученных в эти дни Берлинским, самая точная формулировка прозвучала, наверное, в послании Юрия Башмета: «Дорогой Валя!.. Для всех нас ты живая легенда. Учитель с большой буквы, пример профессионального фанатизма… Для меня ты и квартет – как Рихтер и рояль, Ростропович и виолончель, Ойстрах и скрипка…»

– Валентин Александрович, откуда такая стойкость характера, фанатическая устремлённость к избранной цели? Где вы родились? Кто ваши родители?

– Я родился в Иркутске, и вся семья моя, включая дедушку и бабушку, – иркутяне. Отец в прошлом скрипач (он даже учился какое-то время у Ауэра), стал впоследствии юристом, а также редким специалистом по пушнине. Но, оставаясь скрипачом, он участвовал в концертах Дворянского собрания Иркутска. Там по пятницам проходили квартетные вечера, и был такой квартет братьев Берлинских – четыре брата. Мой отец играл первую скрипку. Так что, как видите, квартетный «вирус» был запущен в меня ещё до моего рождения.

Ну а Иркутск мы покинули, когда мне было 5 лет. Переехали в Якутск, потом в Петропавловск, на Камчатку…

– Где же и когда начались ваши занятия музыкой?

– В Петропавловске-Камчатском. Папа начал учить меня сам игре на скрипке. Но ничего хорошего из этого не получилось. Что такое занятия музыкой с родителями – это не дай бог! Это вам и Ростропович подтвердит… Словом, когда мы переехали в Москву (а мне было уже 13 лет), на одном из семейных советов встал вопрос о продолжении (или прекращении) моего музыкального образования. И по предложению моего дяди – композитора и дирижёра Павла Берлинского – было решено попробовать мне заняться виолончелью. Тут и началась моя настоящая история.

– 1944 год считается годом рождения будущего Квартета имени Бородина. Правда, в некоторых документах называется другая дата – 10 октября 1946 года…

– Это дата нашего первого «афишного» филармонического концерта. А до этого мы назывались Квартет студентов Московской консерватории.

– Чья же это была идея – создать квартет?

– Инициатива исходила от скрипача Ростислава Дубинского. Начали репетировать прямо в студенческом общежитии на Димитровке, где жил Ростик. На альте играл Эмиль Клейванд, на второй скрипке – Гриша Кемлин (будущий концертмейстер оркестра Театра оперетты), на виолончели – Слава Ростропович. Однажды Слава (а мы учились с ним вместе у Козолупова) взял меня за руку, привёл на репетицию и сказал: «Ребята, я наверняка не смогу отдавать столько времени квартету, сколько нужно. Вот Валька придёт и будет играть».

– Состав квартета неоднократно менялся, особенно поначалу. Какой стал первым стабильным?

– Стабильный «студенческий» состав – это Ростислав Дубинский (первая скрипка), Владимир Рабей (вторая скрипка), Рудольф Баршай (альт), Валентин Берлинский (виолончель). Потом Рабея заменила Нина Баршай, а Нину впоследствии заменил Ярослав Александров, а на место Рудольфа Баршая пришёл Дмитрий Шебалин.

– Это и был ваш классический прославленный состав: Дубинский – Александров – Шебалин – Берлинский. Тот, что впервые выехал за рубеж полвека назад и за 10 лет объездил Европу, Америку, Австралию… А как вам кажется, сегодня, когда вы уже дали около 6 тысяч концертов по всему миру, где более всего ценятся квартетное искусство?

– Трудно сказать. Ведь на наших выступлениях «случайной» публики не бывает. Нас прекрасно принимают и в Германии, и во Франции, и в Бельгии, и в Испании… Билеты всегда распроданы. Пустых залов не бывает.

– Знаменитый цикл «Все квартеты Шостаковича» (а их – 15) был сыгран «бородинцами» более 40 (!) раз в десятках стран мира. А хорошо ли принимают нынче музыку Шостаковича?

– Мало сказать: «хорошо». Наконец-то Шостакович стал сегодня одним из самых исполняемых композиторов… Мы ведь играли произведения Шостаковича с самого начала нашей «квартетной биографии», с середины 40-х годов. В 1946-м даже принимали участие в его авторском концерте в Малом зале Консерватории, и Дмитрий Дмитриевич играл с нами свой Фортепианный квинтет. И вплоть до кончины композитора в 1975 году мы играли с ним Фортепианный квинтет раз двадцать. И каждый выученный его новый квартет мы, прежде чем играть на публике, проигрывали Шостаковичу.

– А помните ли вы самую первую вашу встречу с великим композитором?

– Это было ещё в студенческие годы. Когда мы выучили его Первый квартет, наш профессор по камерному ансамблю Михаил Никитович Тэриан предложил сыграть его автору. Шостакович назначил нам время в 47-м классе, на четвёртом этаже. И я помню, спускаюсь вниз, чтобы встретить композитора в гардеробе. А он, запыхавшись, бежал по лестнице, потому что опаздывал на… одну минуту. Вы бы видели, как он извинялся передо мной, студентом. Невероятный был человек. Терпеть не мог опозданий вообще. И вот он вошёл в класс, где стоял не рояль, а пианино, и спрашивает: «А партитура квартета есть?» К стыду нашему, партитуры у нас не было – только «голоса». «Ну ничего, ничего, – говорит, – я попробую вспомнить». Подошёл к пианино и, даже не садясь на стул, стоя (!) сыграл от начала до конца весь квартет. Поразительно.

– Ведь кажется, именно с «бородинцами» Шостакович в последний раз в жизни выступил как пианист – в своём Фортепианном квинтете?

– Да, это было в 1964 году в Нижнем Новгороде. Но мы сыграли с ним тогда только интермеццо из квинтета. Из-за болезни рук он уже не мог исполнить сочинение целиком.

– Множество других замечательных композиторов XX столетия – от Анатолия Александрова и Виссариона Шебалина до Альфреда Шнитке и Эдисона Денисова – писали музыку для Квартета имени Бородина. Вы лично с кем-нибудь всерьёз дружили?

– Был период, когда мы были очень близки с Борисом Чайковским – просто неразлейвода. Очень часто встречались. И рябиновки с ним выпили не одно ведро. Он ведь был совершенно «отдельный», самобытный, неповторимый человек и музыкант. А вообще у нас в своё время такая компашка была: Мечислав Вайнберг, Юра Левитин, Коля Пейко и Борис Чайковский – мы все очень дружили. Однажды у «бородинцев» был замечательный концерт: три фортепианных квинтета, исполненных вместе с живыми авторами: Вайнбергом – Чайковским – Пейко.

– К нынешнему «двойному» юбилею ваши современные друзья-композиторы Роман Леденёв и Александр Раскатов написали по вашему заказу оригинальные сочинения для квартета с хором и сольным вокалом. А раньше вам приходилось работать с певцами?

– И очень много. Мы в 50-х годах выступали со знаменитым басом Александром Степановичем Пироговым, потом много гастролировали с тенором Александровичем. Мечислав Вайнберг написал для нас поэму «Три пальмы» на текст Лермонтова. А потом и Юра Левитин создал «Эпитафию» на смерть Дмитрия Шостаковича для голоса, струнного квартета и кларнета (на тексты Ахматовой) – замечательное сочинение, которое, к сожалению, не исполняется… Что же касается нового произведения Романа Леденёва «Песнопение» для мужского хора с квартетом, то это вообще уникальное сочинение.

– Ну к уникальному вам не привыкать. Нынешний состав квартета (а с середины 1990-х годов в нём вместе с Берлинским играют Рубен Агароиян, Андрей Абраменков и Игорь Найдин) исполнил уже не одну мировую премьеру. И сразу три украсили ваш юбилей. Главной сенсацией, разумеется, стал найденный в архивах «Сожжённый квартет» Шостаковича. Стало быть, рукописи действительно «не горят»…

– Именно. Был обнаружен полный автограф первой части ранней версии Девятого квартета и большая половина чистовой партитуры. Роман Леденёв довершил её по авторским эскизам. Мы счастливы были стать первыми исполнителями неизвестного квартета.

– Не случайно вы и своему Международному конкурсу струнных квартетов, который имеет уже 17-летнюю историю, дали имя Шостаковича. И семь квартетов, лауреатов этого конкурса (28 смычков!), играли в честь Учителя – Валентина Берлинского – вариации на тему «Happy birthday to you» в Большом зале Консерватории.

Как сообщил ведущий юбилейных программ Валентина Берлинского Святослав Бэлза, этот концерт, названный «Три поколения», в котором виолончелист выступил в окружении своих детей, внуков и многочисленных учеников, был по счёту 5965-м в жизни юбиляра.

Беседу вела
Тамара ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО

УТРАТА

Умер Артур Миллер

Александр КАРЗАНОВ

Скорбная весть из Америки. На 90-м году жизни в своём доме в Роксбери, штат Коннектикут, умер один из самых известных драматургов планеты Артур Миллер. Причиной смерти стала сердечная недостаточность.

Он вошёл в литературу романом «Фокусник». В 1949 году увидела свет пьеса «Смерть коммивояжёра», за которую Миллеру была присуждена Пулицеровская премия. Было ему тогда всего 33 года. И впереди – брак с Мэрилин Монро, сделавший его героем светской хроники на четыре года.

«Суровое испытание», «Вид с моста», «Блюз Воскрешение», «Это случилось в Виши», «Потолок архиепископа» – эти пьесы ещё будут идти на подмостках театров мира.

Артур Миллер бывал в Советском Союзе, где шли его произведения. Последняя премьера была назначена на минувшее воскресенье: в Театре им. Вл. Маяковского должны были показать «Спуск с горы Морган» в постановке Леонида Хейфеца с Валерием Бариновым и Ольгой Яковлевой. Спектакль отменили по другой, вполне уважительной причине, и тут пришло трагическое известие из США.

Этот снимок Артура Миллера фотокорреспондент «ЛГ» сделал в 1986 году на Иссык-Куле во время международной встречи писателей. Таким он и запомнится нам – ироничным, мудрым, человечным…

«ЛГ»

СОБЫТИЕ

Мечтатели в Белых Столбах

Закончился IX Фестиваль архивного кино

«Что ни говори, немалое счастье – знать то, чего не знают другие…» Эти строки, предваряющие новую рубрику «Киноманские забавы» в каталоге IX Фестиваля архивного кино «Белые Столбы-2005», шутливы лишь отчасти. Собственно, именно этим – счастьем узнавать то, чего не знают другие, – живы амбиции учёных и философов, детективов, авторов скандальных журналистских расследований и … скромных архивистов.

У архивистов собственная гордость – найти то, о чём все забыли. В идеале – то, о чём не знал никто. В прошлом году сенсацией фестиваля в Белых Столбах стал фильм Виктора Бочарова «Запоздавшая премьера». В этом, правда, такого уровня находок не обнаружилось. Зато есть программа короткометражного кино, в которую включены фильмы Иштвана Сабо, Романа Полански, Аньес Варда, Вима Вендерса… Архивисты, хорошо знающие, как дорого может стоить каждый кадр, мерят ценность искусства не количеством минут или метров. Они мерят его подлинностью. Подлинностью открытия или даже подлинностью жизни. Последняя завораживает больше всего (хотя, по совести говоря, никто не знает, что это такое – подлинность жизни в кино, которое никогда не умело обходиться без постановки). Старые документальные ленты, например, о работе службы связи на английских железных дорогах («Ночная почта», 1936) или о том, как делают бочки на юге Франции («Бондарь», 1942), или о том, как забивают животных для людей на бойне («Кровь животных», 1949), при всей их наивности и как бы безыскусности гипнотизируют подлинной реальностью, след которой остался на плёнке.

Другая притягательная магия исторических киноштудий, напротив, в открытии того, что не было, но могло быть. Например, история фильма «Спутники» открывает простор для догадок «что было бы, если бы…». Как ни странно, сослагательное наклонение и фактическая точность учёного труда в истории кино уживаются чудесным образом. Фильм «Спутники» по знаменитой повести Веры Пановой начали снимать в 1-й художественной мастерской «Ленфильма» в декабре 1949 года молодые режиссёры, ученики Григория Козинцева. В ролях – звёзды: Борис Бабочкин, Юрий Толубеев, Серафима Бирман… Через полгода съёмки картины были приостановлены, а материал смыт. Причина проста – сокращение производства, переход к «малокартинью». Чудом сохранились кинопробы к фильму у заведующей монтажным цехом, от неё они и попали в Госфильмофонд. Казалось бы, ну что такое – кинопробы? Да ещё к дебютному фильму… Но прав киновед Петр Багров, написавший, что кинопробу Серафимы Бирман «без сомнения, можно отнести к её великим ролям. Единственный раз ей довелось сыграть в кино современную драматическую роль (а не боярыню времён Ивана Грозного или водевильных домохозяек)». Точно так же поразительно естественны, органичны в своих ролях были актрисы Лидия Люлько и Анна Лиснянская. «В кино 40-х годов подобных персонажей просто не могло быть – они появились только в 70-е», – замечает историк. Парадокс в том, что речь идёт о *несыгранных* ролях. О том, что *не случилось*. Случилось же совсем иное: картина была уничтожена и забыта. Историк кино добавит к этому только два словечка – «…казалось, навсегда». В сущности, магическое уточнение. Переводящее небытие из вечности во временное состояние. Обещающее не только память, но и – отчасти – воскрешение. Пусть только на архивных просмотрах, но всё же, всё же…

Фестиваль в Белых Столбах открывает и другой увлекательный шанс – следовать за мыслями великого человека, например, Бернардо Бертолуччи. Новая фестивальная рубрика «Киноманские забавы» предлагает вниманию любопытных фильмы, цитаты из которых охотно использует современный кинематограф. Иначе говоря, к игре юных фанатов кино, героев фильма «Мечтатели», составители программы подобрали шифр. Им оказались совершенно роскошные и ужасные «Уроды» (1932), снятые Тодом Браунингом, и «Коридор шоков» (1963) Сэмюэля Фуллера. В общем, почувствуйте себя хоть на минуту мечтателями…

Но наряду со счастьем узнавать то, что не знают другие, есть и другая радость. Из того, что знают все, делать новое. Иначе говоря, следовать основному лозунгу фестиваля, которым он обязан Стравинскому: «Настоящим делом художника является ремонт старых кораблей. Он может повторить по-своему лишь то, что уже было сделано». Этот лозунг как нельзя лучше определяют два фильма, премьерный показ которых состоялся в Белых Столбах. И документальная лента Галины Долматовской «В.С. Возлюбленная солдата», посвящённая звезде советского кино Валентине Серовой, и фильм Романа Ширмана и Сергея Тримбача «Опасно свободный человек» о Сергее Параджанове, сделанный к 80-летию режиссёра, используют кадры из старых фильмов, свидетельства близких и друзей своих героев, документы, фотографии прежних лет. Тем не менее получившиеся картины не стали «повторением пройденного».

Фильм о Валентине Серовой пронизан личными воспоминаниями автора. Просто потому, что её мама, Софья, дружила с Серовой, а её папа, Евгений Долматовский, дружил с Константином Симоновым, который был вторым мужем актрисы. Фильм похож на стихотворение. Он не столько об искусстве или актёрском даре, сколько о судьбе женщины – нежной и вздорной, хрупкой и сильной, беззащитной и властной. Он интересен не новыми свидетельствами, а искренностью интонации.

Роман Ширман и Сергей Тримбач, задавшись целью показать великого художника, «но живого, а не мумию», прибегают к неожиданному приёму. Они знакомят зрителей с «мифологией» Параджанова, в которой правда неотличима от вымысла. «Ну как же? Надо всё время фантазировать. Это же скучно – так жить», – успокаивал Параджанов свою жену, когда она плакала после его рассказов гостям о её фантастических кулинарных «изобретениях». Для этого «опасно свободного человека» не существовало границы не только между государствами и национальностями (видимо, поэтому, кстати, этот армянин, родившийся в Тбилиси, сидел в российской тюрьме за украинский национализм, а вызволяли его оттуда при содействии французского поэта Луи Арагона), но и между реальностью и фантазией. Он мог запросто заявить на обсуждении любимовского спектакля о Высоцком, что Папа Римский присылает ему бриллианты, он их продаёт и на это живёт… После этого жить ему, естественно, вскоре опять пришлось за решёткой. Создатели фильма пошли по его же пути, решив пренебречь границами. В частности, границами между документальным фильмом и… мультфильмом. Сплавили в одно целое мультфильм, где маленький Параджанов уже носит свою фирменную бороду, фотографии и съёмки интервью… Параджанов в результате получился живее всех живых. Поскольку фантазия и талант бессмертны.

Жанна ВАСИЛЬЕВА

ДВА ВЗГЛЯДА НА УКРАИНСКИЕ СОБЫТИЯ, ИХ ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ, ЦЕЛИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

В историю Украины президентские выборы 2004 г., несомненно, войдут как одни из наиболее скандальных. Начались они фарсом, когда заявки на «гетманскую булаву» подали 26 претендентов, продолжились беспрецедентным психологическим прессингом оранжевой «революции», а завершились в третьем (нерегламентном) туре трагедией смертей на избирательных участках и на пути к ним. Что и говорить, не очень хороший знак для победителей.

Выборы как революция

Удивительно, что ничего этого «не заметили» многочисленные наблюдатели из стран так называемого цивилизованного Запада. Они не скрывали своей радости по поводу долгожданной победы В.А. Ющенко, погладили по головке украинский народ, который будто бы за один месяц дорос до стандартов европейской демократии, и ещё до объявления официальных результатов выборов пригласили нового президента Украины в качестве гостя в Совет Европы.

Я неоднократно бывал в странах Запада во время президентских и парламентских выборов и ни разу не видел таких «демократических образцов», которые были позволены Украине, что нисколько не шокировало наших западных учителей демократии. Как окажется впоследствии, ничего противоречащего закону о выборах президента не увидела в неурочной агитации сторонников В.А. Ющенко и Центральная избирательная комиссия. Уверен, аналогично отреагирует на все нарушения третьего тура и Верховный суд.

Никого из западных наблюдателей не обеспокоили действия оранжевых, которые явно вышли за пределы мирных демонстраций протеста. Разве блокирование правительственных зданий, недопущение их служащих на рабочие места не является силовыми методами борьбы? А попытка насильственного овладения зданием парламента разъярённой толпой, разве она свидетельствует о мирном характере происходивших событий?

Разумеется, ни о какой народности мандариновой революции не может быть и речи. Народ тут совершенно не при чём. И результаты её будут не для него. Как известно, в средневековом Китае «мандаринами» назывались крупные государственные чиновники. Удивительно, но вожди оранжевых тоже «мандарины», только украинские. Это сплошь высокопоставленные правительственные чиновники, правда, преимущественно бывшие: экс-премьер-министры, экс-председатели Верховного совета, экс-вице-премьер-министры, экс-губернаторы. Прибавьте сюда 150 – 200 народных депутатов и социальный портрет оранжевой «революции» будет достаточно полным. Среди перечисленных категорий немало и новых украинцев, то есть тех самых миллионеров-олигархов, с которыми будто бы и борются оранжевые.

Конечно, революция достаточно затратное предприятие, и не будь среди её вождей богатых людей, а также не поддерживай её зарубежные спонсоры, осуществить её было бы просто невозможно. Тем более удерживать и содержать многочисленные массы людей на площадях и улицах городов в течение длительного времени. О том, насколько демократичным является движение, возглавленное оппозицией, свидетельствует также и то, что оранжевые флажки и бантики украсили преимущественно дорогие автомобили – «майбахи», «мерседесы», «ауди», «ниссаны» и др. Трудно поверить, что «бедным» их обладателям стало больше невмоготу терпеть лишения от нынешнего режима.

Я не идеализирую и противостоящую сторону. В социальном плане она нисколько не отличается от той, что пошла в революцию. И претензий к ней, как и к власть предержащим, у народа предостаточно. Необъяснимой является только несвоевременность их заявления. Вот если бы это случилось в годы, когда Украина в своём экономическом развитии находилась ниже нулевой линии, инфляция равнялась тысячам процентов, а зарплата не выдавалась по несколько месяцев, взрыв народного негодования можно было бы понять. Однако народ тогда безмолвствовал, выражаясь словами поэта, «покорствуя бичам», а нынешние вожди оранжевых спокойно правили им, не испытывая угрызений совести за его ужасающую бедность. Парадокс, но конец «народному» терпению пришёлся на время экономического подъёма страны, когда впервые за годы независимости определились положительные тенденции в социальной сфере и жить народу стало легче.

Не знай мы, что здесь не обошлось без внешнего воздействия на украинскую жизнь, впору было бы вносить кардинальные коррективы в марксистское определение революционной ситуации. Оно, как известно, заключено в фразе: «Верхи не могут, а низы не хотят». Объективно такого на Украине нет. Верхи в последние два года правили страной лучше, чем их предшественники во все предыдущие, а низы были благодарны им за повышение зарплат, пенсий, стипендий, других социальных выплат и революционного нетерпения не выказывали.

Взрыв «народного негодования» сдетонирован вторым туром президентских выборов. Не получив давно задекларированной победы, оппозиция обратилась за помощью к согражданам. Последние удивительно быстро откликнулись на её призыв. Организованно, стройными рядами во главе с ректорами, деканами и классными руководителями на площадь Независимости в Киеве пошли студенты и школьники. Позже, и также организованно, их сменили жители небольших местечек Западной Украины. На Крещатике и в других местах центральной части Киева, как по мановению волшебной палочки, выросли достаточно благоустроенные палаточные городки протестантов с полевыми кухнями и биотуалетами.

Вывела на улицы своих сторонников никому дотоле не известная, полувоенная организация «Пора», созданная по случаю и оказавшаяся главной ударной силой оранжевой «революции». Рестораны и кафе организовали регулярное питание для участников протестных акций, а предприятия лёгкой промышленности запустили конвейеры по производству оранжевой ткани, шарфов, шапочек, косынок, курток, тёплой одежды, обуви и пр. Профессиональные режиссёры ставили на «революционной» сцене Украины почти круглосуточные поп- и рок-концерты. В общем, «хлеба и зрелищ» всем обитателям площади Независимости было обеспечено вдоволь.

В разгоравшийся с каждым днём костёр оранжевой «революции» подбрасывали дровишки не только отечественные политические деятели, но и зарубежные. Чего только стоили пламенные призывы к свободе и демократии экс-президента Польши Леха Валенсы или российского экс-вице-премьер-министра Бориса Немцова. За ними подтянулись поддержать «порыв украинского народа к свободе» американский сенатор Лугар, а также канадские и немецкие парламентарии. А незадолго до президентских выборов Украину почтили своими визитами два экс-государственных секретаря США Бжезинский и Киссинджер.

Только теперь стало ясно, что заявления некоторых вождей оппозиции ещё до первого голосования о возможном «настоящем восстании» на Украине в случае объявления победителем президентской гонки представителя власти не были эмоциональным блефом, но основывались на уже отработанном в других странах сценарии развития протестных акций.

Ну, а что же случилось 21 ноября 2004 г.? Народ поделил свои симпатии между В.Ф. Януковичем и В.А. Ющенко, отдав предпочтение первому. Согласно протоколу Центральной избирательной комиссии, подписанному практически всеми её членами, в том числе и теми, которые затем отреклись от них, В.Ф. Янукович получил 15,093 млн., а В.А. Ющенко 14,222 млн. голосов. Оппозиция, как и следовало ожидать, результаты эти не признала. И сам В.А. Ющенко, и его соратники обвинили власти в фальсификации выборов и заявили, что у них украли от 3 до 4 млн. голосов. А дальше начал стремительно раскручиваться маховик возмущения «революционной» толпы.

Теперь давайте посмотрим на результаты переголосования, или третьего тура выборов. В.А. Ющенко набрал 15,115 млн. голосов, а В.Ф. Янукович 12,848 млн. Таким образом, третье голосование показало, что у В.А. Ющенко во втором туре не было украдено ни 4 млн. голосов, ни 2 млн., ни даже 1 млн. 26 декабря 2004 г. он прибавил к прежнему показателю всего 870 тыс. голосов. И это в условиях тотального оранжевого давления на избирателей и административного ресурса теперь уже в его пользу.

В.Ф. Янукович потерял немногим более 2 млн. голосов, причиной чему стал дискриминационный Закон «Об особенностях применения Закона Украины «О выборах Президента Украины при повторном голосовании 26 декабря 2004 г.». Этим законом от участия в выборах отсекалось несколько миллионов стариков и инвалидов, утративших право голосования на дому.

Следует вполне очевидный вывод, что второй тур голосования в целом верно отразил волеизъявления граждан Украины. И пресловутого АдминРесурса в пользу В.Ф. Януковича, скорее всего, также не было. Говорить о нём как-то даже неловко, памятуя, что во многих регионах число голосовавших за Виктора Фёдоровича колебалось между 5 и 20%. Примерно такими же эти цифры остались и в третьем туре.

Участвуя в избирательной кампании, я видел, сколь осторожными были власти в определении своих предпочтений во время первого и второго туров. Более смелыми они стали между вторым и третьим, но теперь уже в большинстве случаев их симпатии склонялись в пользу В.А. Ющенко.

Одной из особенностей движения в поддержку В.А. Ющенко, что постоянно подчёркивают он сам и его окружение, является его мирный характер. Точнее было бы говорить не столько о мирном, сколько о бескровном движении. С этим можно согласиться, но заслуга в этом не только Виктора Андреевича и его соратников, а может, и не столько их, сколько Виктора Фёдоровича Януковича.

Некоторые не в меру горячие высокопоставленные революционеры, действуя на грани нарушения законов, а часто и за этой гранью, никак не могли понять, почему противостоящая сторона не прибегает к аналогичным методам борьбы. Отсюда постоянные стращания киевлян многотысячными толпами «пьяных шахтёров», которые идут на Киев, российским спецназом, будто бы уже приземляющимся где-то в Ирпене, отрядами самообороны, формирующимися на юго-востоке страны и вооружающимися из арсеналов Черноморского флота России. Позднее бредни о 60 тысячах горняков с дубинками, готовящихся к нападению на мирных оранжевых демонстрантов, как ни странно, поведал миру и президент Польши Квасьневский.

На поверку все эти страшилки, как и многие другие пропагандистские «утки» оранжистов, неизменно оказывались бредом больного воображения. Шахтёры, и не только они, действительно были в Киеве. Могли по примеру оранжевых оккупировать, скажем, привокзальную площадь надолго, а затем и разъезжать по Киеву с бело-голубой символикой, оглашая сиренами своё присутствие в столице. Этого, как всем известно, не случилось по одной простой причине. В.Ф. Янукович справился с эмоциями и, поблагодарив своих сторонников, посоветовал им вернуться домой, к своим семьям и рабочим местам.

Отсутствие в Киеве второй силы и стало залогом мирного протекания оранжевой «революции». Правда, были силовые структуры, обязанные защищать конституционный строй и порядок в стране, но их руководство поспешило заявить, что они против народа не пойдут. С кем же тогда было сражаться «революционерам», если именно они в продолжение нескольких недель являлись реальной властью в столице, как, впрочем, и в половине Украины?

Разве могли в такой экстремальной обстановке быть демократичными выборы президента?

Уже после третьего тура голосования один очень уважаемый мной народный депутат из фракции «Наша Украина», отвечая на вопросы журналиста, попытался сформулировать основную причину оранжевой «революции». Оказалось, что заключается она не в трудных условиях жизни украинцев, а в отсутствии свободы и демократии. «Представьте себе, – говорил он, – люди не требовали больших зарплат, стипендий и других социальных благ, они требовали свободы». Вспоминается, что и В.А. Ющенко, выйдя к народу на площадь Независимости, произнёс: «Свершилось! Теперь мы стали свободными».

Слушая это, мне хотелось уточнить у моих коллег: «Это какой же свободы вам не хватало, если оказалось возможным в течение длительного времени под носом у тоталитарного режима готовить революцию?» Да будь режим многолетнего президента Украины действительно таким, каким вы его представили миру, оранжевая «революция» просто не состоялась бы. Она же не только состоялась, но и продемонстрировала миру отсутствие на Украине и малейших намёков на авторитаризм. От лёгкого псевдореволюционного дуновения этот грозный режим не просто зашатался, но практически рухнул. Оказалось, что демонизированный украинский президент, породивший всех без исключения своих могильщиков, не более грозен, чем известный герой сказки Волкова «Волшебник Изумрудного города». Он не посмел убедительно возразить даже тогда, когда фактически был отстранён от исполнения конституционных обязанностей, и оказался в положении изгнанника в собственной стране.

В заключение обращу внимание читателей ещё на два обстоятельства, неразрывно связанных одно с другим. Имеются в виду власть и согласие в стране. В своё время, борясь с «царскими» полномочиями президента Л.Д. Кучмы, оппозиция предложила реформировать систему власти на Украине, значительно ограничив президентские права. Однако, как только забрезжила возможность получить президентский пост, та же оппозиция с необыкновенной лёгкостью отказалась от своих предложений. На поверку оказалось, что неограниченные полномочия были нежелательными только для Кучмы, склонного якобы к авторитаризму, а для европейского демократа В.А. Ющенко они как раз впору. И нет уверенности в том, что, придя к управлению, он и его соратники не предпримут попытку торпедировать пакетное постановление Верховной рады, включающее и закон о реформировании системы власти на Украине. Нелогичность и даже абсурдность такого шага вытекает из событий самой же оранжевой «революции». Ведь она экспериментально доказала, что Украина может жить и без президента.

Теперь о согласии. В.А. Ющенко выиграл президентскую гонку, изнурившую всю страну, но его победа далека от всенародной. Почти половина избирателей отдали свои голоса его сопернику. Разлом между оранжевой и синей частями Украины и в третьем туре остался на прежнем месте. По существу, произошло то, о чём предупреждал В.Ф. Янукович: победитель (он имел в виду и себя) может стать президентом половины Украины. Поэтому и призывал В.А. Ющенко сесть за стол переговоров, чтобы определиться с будущей структурой власти, но так и не был им услышан. В предвкушении такой желанной победы Виктор Андреевич, по-видимому, не допускал и мысли о возможности поиска согласия со своими политическими противниками. А жаль. Ведь абсолютная власть над одной частью страны – это неизмеримо хуже, чем разделённая с политической оппозицией власть над всей Украиной. Она гарантирует целостность страны, которая, не будем обманываться, конечно же не является единой ни в экономическом, ни в культурно-историческом, ни в ментальном отношениях.

Пётр ТОЛОЧКО,
народный депутат Украины, академик, КИЕВ

ИТАР-ТАСС

У нас была революция – да, именно так, без кавычек, я и пишу это слово, потому что если это было нечто иное, скажем, «революция», то я ничего в Украине не смыслю. И под её, революции, гражданственным воздействием даже телеканалы преобразились и прекратили лгать.

Россия и надежда

1. ФАЛЬСИФИКАЦИЯ

Ещё два-три месяца назад я, ненавидя телевидение, не мог без него жить. Я нервничал и переключал каналы, и каждый из них наперегонки с другими пытался всего меня, во весь мой рост, погрузить в дезу, накрыть меня ею с головой, утопить меня в ней.

Естественно, дело шло к выборам президента и телевизионная деза считалась одним из действеннейших средств предвыборной борьбы во имя единого и неделимого провластно-пророссийского кандидата.

Но я (позднее окажется, нас таких было 15 миллионов) любил другого кандидата и дело его избрания, ничтоже сумняшеся, счёл чуть ли не решающим делом всей своей жизни. Поэтому я ненавидел все (за исключением одного) украинские телеканалы, без устали изливавшие вовне свою вонь. И особенно меня раздражал русский человек Дмитрий Киселёв на одном из них. В отличие от своих коллег-аборигенов, он лгал с особым профессиональным апломбом. Наверное, именно таким образом – ложью – он боролся за единство Украины и России. Ему казалось, что он делает доброе дело для страны, которой не жалко. Однако хватит о нём.

В результате же произошла одна довольно жестокая штука. Благодаря оранжевой революции весь цивилизованный мир узнал об Украине нечто очень важное и противоположное тому, что знал о ней раньше (а знал он – если вообще что-нибудь знал, – что это некая зона серости, скучная и унылая, которой правят несколько постсоветских подонков).

И вдруг оказалось, что это красивая оранжевая страна, в которой множество свободных людей, и они совершенно красиво, свободно и оранжево победили серое постсоветское зло. Поэтому всё лучшее, что живёт и дышит в цивилизованном мире, поддержало и полюбило Украину.

Она внезапно и прочно вошла в моду, в самые что ни на есть центры притяжения, и все эти «западники» теперь едут сюда толпами, снимают фильмы, пишут репортажи и влюбляются.

И только русские братья никакой правды обо всём этом не знают и в лучшем случае обиженно молчат, а в худшем – по-жириновски злобно ругаются. И мне становится невыносимо жаль их – таких лишённых реальности, таких одиноких в своей обиженности, таких чужих на европейском празднике жизни.

3. РЕКОЛЛЕКЦИЯ

Иногда мне настолько жаль их, что я даже и не спрашиваю «Кто виноват?».

С этим как бы всё ясно – виноваты те, которые решили, что раз Украина для России «окно в Европу», то надо бы её поплотнее от Европы отбаррикадировать. То есть заглушить это окно к чёртовой матери, чтоб не лезли.

Но куда важнее вопрос о будущем – и даже не «Что делать?», а «Камо грядеши?».

То, что Украина свой европейский выбор уже сделала и «грядеши» в Европу, для меня теперь вне любых сомнений. Россия же изначально и традиционно по поводу Европы высокомерничает и по-прежнему пытается сплотить вокруг себя некое военно-политическое сообщество постсоветских полудиктаторов для некой новой сверхдержавы.

Зачем? А это уже вне сферы рационального – просто так, для противовеса, что ли, чтоб Запад не выпендривался. А если всё-таки нужна формулировка поинтеллигентнее, то вот она: для многополюсности мира. Того, к созданию которого уже приложились и Саддам, и Каддафи, да и любой африканский людоед. И сильно помогло оно им? Ах, полноте, Россия! – так и хочется мне воскликнуть классическим слогом.

Я знаю, что умом тебя не понять и даже люблю тебя за это, но ум, а точнее разум, ведь иногда тоже не лишний. Разберись в себе и соберись заново и найди для себя новое продолжение. Допустим, того, чего ты уже достигла в 1991-м, – свободы. Откопай её, эту свободу откуда-то из своих потаённых гражданских хранилищ!

У тебя должно получиться, я знаю. Ведь очень хочется нормально жить по-соседски, ездить друг к другу в гости без виз и разговаривать об искусстве. Но чтобы такой разговор у нас, наконец, получился, России нужен переворот. В том числе и так называемый коперниканский – из тех, которые выражаются в стремлении видеть, слышать и понимать по-другому. Или, скажем, в способности рассмотреть в Украине нечто большее, чем родину сала, дешёвой рабочей силы, лимиты, нелегальных гастарбайтеров, горилки с перцем, фрикативного, с придыханием «г» и южного акцента с шоканьем. И даже нечто большее, чем весь этот вконец одряхлевший комплекс Святой Руси, славянского единства, «матери городов русских», православия, чаепития, рукоблудия, чинопочитания и суесловия.

Но для того, чтобы рассмотреть в Украине нечто большее, чем наборы подобных стереотипов, нечто новое, оранжевое и свободное, России необходимо впервые посмотреть на неё с неподдельным и непредвзятым интересом. А для этого, к примеру, для начала перевести (но хорошо перевести!) и прочитать десятки украинских поэтов, а потом ещё десятки прозаиков – чтобы знать нас настолько же хорошо, насколько мы знаем вас.

А то ведь вся надежда останется лишь на водку. Очень ненадёжная, по-моему, надежда.

Юрий АНДРУХОВИЧ,
писатель, ИВАНО-ФРАНКОВСК, журнал «Красный 100%»

ВЗГЛЯД ИЗ МОСКВЫ

Внеочередные задачи украинской власти

Совершенно очевидно, что сегодня на Украине существуют самые разные точки зрения на происшедшее со страной в ходе президентских выборов. Как и на то, что ждёт страну впереди. Мнения историка Петра Толочко и писателя Юрия Андруховича – тому подтверждение.

Там многое перевернулось, ещё только укладывается, и совсем не ясно, во что именно сложится. Вот что пишет, например, вполне респектабельный киевский еженедельник «Зеркало недели» в статье с весьма специфическим заголовком «Как нам не построить Россию»:

«Критические замечания в адрес новой власти воспринимаются болезненно не только ею, но и многими нашими согражданами. Это понятно, ибо большинство верят, что у страны появился шанс.

Утверждение премьер-министра, Кабинета и губернаторов в стенах парламента смотрелось на одном дыхании, как захватывающий фильм. Но цифра 375, а именно столько голосов было отдано за Тимошенко, должна насторожить и общество, и власть, потому что страна рискует остаться без реальной оппозиции.

...Новых лиц нет. Новичкам в любом регионе страны предельно сложно пробиться через утрамбованный слой всплывшей отечественной элиты. Даже с приходом новой власти ротации этой самой элиты не произошло. Произошла лишь замена её властной части, что далеко не одно и то же.

На сегодняшний день существует 44% населения, не поддержавшего Виктора Ющенко на президентских выборах. Кто-то изменит своё мнение, кто-то из сторонников, наоборот, разочаруется в новой власти, и эта цифра, претерпев некоторую корректировку, может и в дальнейшем определять объём протестного электората. Кто станет выразителем их идей? Пока на этот вопрос ответа нет, но найти его необходимо.

Власть должна разработать понятные обществу, юридически обоснованные классификации, которые дали бы вразумительный ответ на вопрос: кого и за что будут сажать, у кого и почему будут что-то отбирать, кому и что будут прощать. Было бы желательно также узнать, когда великая ревизия действий бизнеса и власти эпохи Кучмы будет завершена?

Старая власть, по сути, автоматически перешедшая в статус оппозиции, натворила слишком много для того, чтобы оставить её представителей абсолютно безнаказанными. Но мы должны знать и понимать, что у власти существует большая вероятность соблазниться созданием тепличных беспроблемных условий, подобных тем, которые Владимир Путин получил после выборов в Думу. В России вместе с оппозицией погибла и демократия. В то время как у нас многие говорят о возможности экспорта оранжевой революции в Москву, важно помнить о возможности экспорта российской антидемократической революции в Украину».

Как видим, проблем у новой украинской власти более чем достаточно. Это понимают даже её ярые сторонники. Что же касается выпадов в сторону России, не стоит заострять на них внимание. Они сегодня входят в «джентльменский набор» каждого революционера или перешедшего на сторону революции гражданина.

К тому же мы в России сами во многом виноваты, сами бываем чрезвычайно легкомысленны, например, с лёгкостью необыкновенной рассуждая о возможности раскола Украины. Да, страна разделилась во время выборов на оранжевых и синих, но говорить о распаде государства сегодня нет оснований. Да и нужды тоже. Такой распад вообще бы не пошёл никому на пользу, в том числе и России. Наши цели сегодня другие – максимально широкое экономическое сотрудничество. Но на равных. При неукоснительной и методичной защите своих национальных интересов. Это тот язык, который понимает новая украинская власть. Во всяком случае, говорит она сейчас с нами именно таким языком.

Сегодня у части граждан Украины из числа оранжевых заметно некоторое упоение своими успехами. Им кажется, что они обогнали Россию, ушли далеко вперёд, стали модными и суперсовременными... Юрий Андрухович выразил эти настроения весьма живописно. Как нам быть? Ну, главное, не стоит обижаться. От некоторых галлюцинаций и политических вольностей лучше всего помогают время и суровость реальной жизни. А также наличие людей, крепко стоящих на земле и трезво глядящих на действительность. Таких людей на Украине немало, поэтому не стоит преувеличивать понятные и предсказуемые трудности и сложности нашего сотрудничества в новых исторических обстоятельствах. Перспектив они не перевешивают и не отменяют.

Игорь МИТИН

ЕСТЬ МНЕНИЕ

Не дезинтеграция, а кооперация

Сеть библиотек за постсоветский период сильно поредела. Уменьшилось не только количество библиотек, но и весьма заметно усохла их базовая ресурсная основа (фонды, помещения), существенно сократились ассигнования на текущие расходы: на оплату труда, приобретение новых книг, периодических изданий, коммунальные платежи, текущий ремонт.

Конечно, можно говорить об имеющихся островках библиотечного благополучия, о переменах к лучшему, прежде всего в ряде крупнейших библиотек страны, о новых формах деятельности, о компьютеризации и подключении части библиотек к Интернету. Но благостные настроения исчезают, как только становится ясным, что в целом **негативные тенденции в общегосударственной системе библиотечного обслуживания нарастают** и заставляют думать не столько о том, как наращивать то положительное, что с немалыми трудами удалось достичь, сколько просто о сохранении вчера и сегодня достигнутого.

Мы сетуем на то, что ни законодатели, ни правительство, ни местные органы власти не могут выделить нужные библиотекам средства, не могут обеспечить общий подъём библиотечного дела страны хотя бы до того уровня, который был достигнут на начало 90-х годов уже прошлого века. Но было бы наивно ожидать больших дополнительных финансовых вливаний в систему библиотечного обслуживания при общем неблагополучном экономическом состоянии государства, при наличии громадного дефицита в финансировании всего социального сектора. Очевидно, что государство из-за весьма ограниченных ресурсов сегодня не может обеспечить приличный уровень содержания всех учреждений социальной сферы. И нет в министерствах – кураторах разных типов библиотек, в общественной среде деятелей, способных убедить законодателей в том, что бюджетные деньги нужно в первую очередь или в более приемлемых пропорциях тратить на социальную сферу, а среди её учреждений особо заботиться о библиотеках. Библиотеки нужны обществу не больше учреждений образования, здравоохранения, поэтому всякие попытки «перетягивания бюджетного одеяла» обречены на неудачу. И, конечно, даже предложенная автором «Литературки» Георгием Фонотовым **(см. «Полузабытые святыни», «ЛГ» 2004, № 51 – 52)** передача общедоступных библиотек в ведение Министерства образования и науки, что в принципе кажется мне обоснованным, не изменит ситуации.

Сегодня, повторяю, в силу объективных условий, приходится думать не столько о подъёме всей библиотечной отрасли, её оптимальном развитии, сколько о выживании, сохранении того, что осталось от прежних времён, прежде всего **на муниципальном уровне**.

Здесь налицо несколько опасностей, которые, как ни странно, связаны с деятельностью законодателей – тех, кто готовит и принимает законы.

Серьёзная опасность, на мой взгляд, скрыта в новом законе о местном самоуправлении, который отдаёт решение основных проблем библиотечного обслуживания на самый низкий муниципальный уровень.

Закон практически игнорирует наличие в городах и районах централизованных библиотечных систем (ЦБС), хотя сегодня совершенно непродуктивно рассматривать перспективы развития сельских библиотек и совершенствования их деятельности вне рамок этих ЦБС, рассматривать каждую сельскую, городскую библиотеку в отрыве от всех других библиотек района. Такой постановкой вопроса мы способствуем дезинтеграции уже функционирующих и доказавших свою дееспособность библиотечных систем и, как показал имеющийся опыт, ставим под угрозу нормальное функционирование и само существование многих низовых городских и сельских библиотек. Как известно, централизованная библиотечная система – это совокупность муниципальных библиотек (низовых и центральных), объединённых в единое учреждение с единым фондом, штатом, централизованным комплектованием и обработкой литературы, единым для района (города) справочным аппаратом, единым органом управления всеми процессами циркуляции библиотечных ресурсов, процессами удовлетворения потребностей всего населения района, города.

Справедливости ради нужно отметить, что закон не исключает возможности сохранения ЦБС по взаимному согласию властей района, города и низовых муниципальных образований. И во многих регионах есть стремление воспользоваться этой возможностью. Более решительная и последовательная позиция «родного» Министерства культуры и массовых коммуникаций в защиту ЦБС могла бы способствовать их сохранению, но, к сожалению, всё сегодня сводится лишь к убаюкиванию библиотечной общественности разговорами о том, что оно не допустит ликвидации централизованных библиотечных систем.

Децентрализованная система библиотечного обслуживания кажется некоторым ярым защитникам всякого рода нововведений и рыночных ценностей более демократичным решением, создающим условия для рачительного хозяйствования на уровне поселений. Но для любого хозяйствующего субъекта очевидно, что сложение средств и усилий (особенно в библиотечном деле) позволяет использовать выделяемые средства со значительно большей пользой, большей эффективностью.

Обычно одной из причин, побуждающих к автономности библиотек, является нежелание низовых экономически более крепких муниципалитетов делиться своими ресурсами с менее благополучными муниципалитетами. Однако всё равно часть заработанных ими средств будет перераспределяться на более высоких уровнях для поддержания определённого равенства в доступности информации, гарантированного государством.

В этих условиях нужно находить золотую середину, нечто среднее между правом и возможностями низовых органов власти на владение, распоряжение средствами, выделяемыми на их библиотеки, и развитием библиотечной интеграции, способной при тех же затратах получать более качественное обслуживание и в большем объёме. По моему мнению, **одним из вариантов оптимального решения могло бы стать превращение ЦБС в своеобразное кооперативное объединение**, с долевым имущественным участием всех муниципалитетов района, с коллективным руководством, взаимными обязательствами. В любом случае нужно так сложить средства и усилия, чтобы умело сочетать рыночные интересы с интересами всей общности людей, проживающих на одной территории.

Евгений ФЕНЕЛОНОВ,
заслуженный работник культуры РФ,
МОСКВА

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

А нужного писателя не нашла

Всемнадцать лет после сельской школы я уехала в город. Окончила техникум. Работала мастером на «номерном» заводе. Мы делали продукцию для космоса. Потом завод развалился. Теперь я торгую на местном рынке карамелью. Жизнь рядом с конфетами, но несладкая. Получаю пять тысяч рублей в месяц. Муж трудится на полукустарном заводике, где клепают плуги и бороны для фермеров. У него зарплата семь тысяч рублей. У нас двое несовершеннолетних детей. Итого на четверых – двенадцать тысяч. Живём скромно. Если бы не родители в деревне, голодали бы.

Так вот, о деревне и вообще о нашей жизни и зашёл у меня недавно разговор с моей соседкой по ларьку. Она женщина начитанная, образованная, до рынка работала учительницей в школе. Вот тогда она мне и рассказала, что известный писатель – Валентин Распутин написал очень хорошую книжку про таких горемык, как мы. Называется эта книга «Дочь Ивана, мать Ивана». Распутина я, когда училась в техникуме, читала. Помню «Деньги для Марии», «Прощание с Матёрой». Последние десять лет я книгу в руках не держала. Крутиться всё больше приходилось.

В общем, разбередила мне душу соседка по работе, очень мне захотелось последнюю книгу Распутина прочитать. Попросила я у неё на несколько дней эту книжку. Но соседка сказала, что отдала книгу дочери, которая живёт в Москве. Когда приедет – не известно.

Тогда я пошла в книжный магазин. Там сказали, что было два экземпляра прошлой осенью, сейчас нет. Подумала, что в библиотеке должна быть. Пошла туда, благо библиотека у нас рядом с домом. Библиотекарша на мою просьбу только улыбнулась. Говорит, всё есть – и детективы, и фантастика, и любовные романы, а вот Распутина нет.

Поглядела я – действительно полки забиты книжками в разноцветных блестящих обложках. Библиотекарша посоветовала выбрать что-нибудь другое. Но зачем мне другое? Про бандитов я не только по телевизору смотрю, они каждый день перед глазами на рынке маячат. Про любовь современную мне тоже не надо. Это не любовь, а скотство сплошное.

Стала я вспоминать писателей, которых любила в молодости. Говорю, есть Пётр Проскурин? Нет. А Константин Симонов? Нет. А Юрий Бондарев? Нет... А куда же они все исчезли, спрашиваю. Библиотекарша мне рассказала, что старые книги этих писателей истрепались, их списали, на новые денег нет. А откуда же берётся вся эта чернуха-порнуха, что на полках вольготно разместилась? А это, отвечает библиотекарша, в основном дарения от всяких спонсоров и фондов.

Вышла я из библиотеки озадаченная. Странные, однако, дела творятся. На нашем бывшем заводе выкинули на улицу, предварительно выпотрошив драгметаллы, станки с числовым программным управлением, которые страна покупала за золото. Вместо станков теперь торговые ряды с турецким ширпотребом. На производство денег нет. В библиотеках исчезли нужные и полезные книги. Вместо них другой ширпотреб. На хорошие книжки тоже денег нет.

В нашем городе, в котором со стариками и младенцами 60 тысяч жителей, открыли уже шесть казино, где, рассказывают, за ночь посетители спускают тысячи долларов. А по количеству миллиардеров Россия вышла чуть ли не на первое место в мире. Странно всё это. Неправильно. И до добра нас всех не доведёт.

Дорогая газета! Может, ты поможешь, чтобы в библиотеки поступали книги, а не макулатура. Чтобы эти книги помогали жить, а не умирать.

Зоя РЫЖОВА,
г. АЛЕКСАНДРОВ

Идём к одичанию?

Прочитала в «Литературной газете» (2004, № 41) статью Е. Глушик «Духовной пищею томим...» и поняла, что как профессионал я должна откликнуться на неё, поскольку автором затронуты архиважные вопросы комплектования библиотечных фондов.

Тяжёлая ситуация с комплектованием книжных фондов библиотек на сегодняшний день всё усугубляется: более 90% издаваемых книг не попадает на территории целых регионов даже в единственном экземпляре, новые поступления в библиотеки сократились по сравнению с советским периодом более чем в три раза.

Комплектование библиотечных фондов раньше осуществлялось разными способами: в форме рекомендации через тематические планы издателей, составлением списков общесоюзной «Библиотечной серии», подготовкой «Библиотечной модели ядра книжного фонда массовой библиотеки» и др. Сегодня ни один из этих элементов работать не может.

В большинстве стран мира для качественного комплектования выпускаются типовые каталоги массовых библиотек. В наших бывших союзных республиках (Белоруссии, Молдавии, странах Балтии) выходят еженедельники «Новые книги», в библиографических журналах ведутся специальные рубрики, в опережающем режиме информирующие о новых книгах. Это – общепризнанная мировая практика, позволяющая отобрать для библиотеки литературу, соответствующую её гуманитарной и просветительской составляющей, предостеречь от приобретения некачественных изданий, которые в избытке поставляет у нас в России «дикий» книжный рынок. Следствием чего стало наводнение фондов библиотек развлекательным чтивом (детективы, фэнтези, модернистская литература), вытеснение с полок произведений классиков и серьёзных современных писателей.

Как в капле воды отразилось состояние наших библиотек, особенно провинциальных, в письме директора ЦБС г. Мичуринска Тамбовской области Л. Богословской, адресованном директору Российской государственной библиотеки В. Фёдорову. Привожу его дословно.

«Библиотеки ЦБС г. Мичуринска обслуживают 42 тыс. читателей. В сложных социально-экономических условиях они остаются центром притяжения тысяч горожан.

Однако вследствие полного прекращения финансирования комплектования библиотек идёт постоянное сокращение книжного фонда, резко возрос его моральный и физический износ. Ежегодно увеличивается разрыв между спросом и предложением. На каждый второй запрос следует отказ. Зачитываются последние экземпляры классиков и современных писателей. Катастрофически не хватает произведений А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Н.А. Некрасова, Л.Н. Толстого, В. Распутина, М. Булгакова, В. Астафьева...»

Администрация Рузского района Московской области прислала в нашу библиотеку целый список недостающих произведений русской классической и современной литературы. Среди них такие авторы, как И. Шмелёв, Л. Леонов, В. Шукшин, Н. Рубцов, Ф. Абрамов, В. Астафьев, В. Распутин, Ю. Трифонов, В. Белов и другие. Сотни библиотек из разных концов страны обращаются в Российскую государственную библиотеку с просьбой помочь в докомплектовании художественной, учебной, публицистической литературой.

Совершенно очевидно, что сегодня необходимы кардинальные изменения в библиотечном деле, нужна чёткая государственная политика, процесс перестройки должен быть предварён мерами, обеспечивающими безболезненный переход на новые рельсы. А вот этого-то как раз и не происходит. Организация библиотечного обслуживания всецело переносится на бюджеты городских и сельских поселений, в которых нет средств, и это означает закрытие тысяч библиотек, превращение многих в подразделения досуговых или каких-либо других центров. Уже есть первые сигналы: 100 библиотек упразднено в Пермской области, мэр Твери заявил, что городу достаточно двух из десяти существующих библиотек. Совершенно очевидно, разграничение бюджетов и полномочий трёх уровней власти – федеральной, субъекта Российской Федерации и местного самоуправления – должно происходить без нарушения основного закона страны. В глубинке библиотеки нередко являются единственными очагами культуры, и резкое их сокращение, а в некоторых районах ликвидация – просто недопустимы, ибо это может привести в конечном счёте к одичанию населения страны.

Нина СТАРОДУБОВА,
заведующая сектором библиотечных фондов Российской государственной библиотеки

От редакции

Разговор о более качественном и полноценном комплектовании библиотечных фондов (книги каких авторов и в каких пропорциях представлены; какие тенденции в этом деле просматриваются; как выправить явные перекосы, если они обозначились) будет продолжен в следующих выпусках «Библиотекаря». Приглашаем высказаться о проблеме и вас, дорогие читатели.

ИЗБА-ЧИТАЛЬНЯ

В этой деревне огни не погашены

Фото автора

Додзь – маленькая деревушка в Республике Коми, окружённая дремучими лесами да заснеженными полями. Здесь в 84 домах проживает 221 человек. Из них 52 пенсионера. Примерно столько же детей. Трудоспособных – 112 человек. Но работы мало. Кате Суворовой повезло. Она заведует местной библиотекой.

Центром деревенской жизни в Додзе, конечно же, является сельмаг, на полках которого макароны, тапочки, конфеты, валенки, консервы, водка... И всю эту «материальную пищу» отпускает продавщица или за рубли, или под запись – в долг.

Ну а как обстоят дела с «пищей духовной»? С этой-то целью я и заглянул в библиотеку, находившуюся в пяти минутах ходьбы от магазина. Там застал молодую библиотекаршу Катю Суворову. Она сидела в сером свитере в маленькой прихожей за столом и листала журналы. А в соседней комнате, что побольше, стояли стеллажи с увесистыми книгами.

Как пояснила Катя, основной фонд библиотеки состоит из «классики», «детской литературы», «иностранной литературы» и «литературы России и СНГ». Всего в библиотеке насчитывается более 7 тысяч книг.

Самыми интеллектуальными читателями в Додзе оказались школьники. Они обязаны по программе читать почти всю классику: Толстой, Достоевский, Пушкин, Чехов, Шолохов.... Здесь уж поневоле станешь образованным.

Дамы в Додзе предпочитают журналы и любовные романы. Да это и понятно, ибо в реальной жизни от благоверных нередко слышишь только брань, а там, в книге, мужик уже не просто мужик, а рыцарь: он и руку поцелует и цветочек подарит. Мужскую же половину интересуют в основном детективы. Если кто из читателей теряет книгу, то он приносит взамен новую или деньги. Таковы библиотечные правила.

Конечно, спросил я Катю, а что она сама читает. Библиотекарша на это замялась.

– Стендаля читали?

– Нет.

– А Золя?.. Мопассана?..

– Нет.

Кате, чем вгрызаться в толстые фолианты, больше по сердцу листать журналы и газеты: «Комсомольская правда», «Семья», «Женские секреты»...

Честно скажу, шагая от магазина в библиотеку, я не думал, что в Додзе много охотников до книжной премудрости. А тут вдруг оказалось, что библиотеку посещают 134 жителя деревни. И это при том, что сельские люди сейчас в Коми, как сами говорят, «не живут, а выживают» – за счёт своих огородов да лесных брусники и клюквы. Некоторые зарабатывают на этом от 7 до 10 тысяч рублей за сезон начиная с середины августа и по ноябрь. Что совсем немного, ведь эти деньги надо растянуть на целый год, до следующего сезона. Здесь уж не до книг... Но ведь читают же, ходят в библиотеку, значит, в народе ещё не все потеряно.

Николай НИКОНОРОВ,
РЕСПУБЛИКА КОМИ

БИБЛИОТЕКА В МОЕЙ ЖИЗНИ

Александр СЕРЕБРОВ,
летчик-космонавт,
Герой Советского Союза:

– В юности мне посчастливилось поработать вожатым во Всесоюзном пионерском лагере «Орлёнок». Я вожатствовал там три года в летние смены и один год зимой. В «Орлёнке» царил творческий дух, фонтанировали идеями молодые дарования. И сами пионерские смены назывались очень серьёзно, например, так: «Победители физико-математических олимпиад», «Красные прожекторы», «Химики». Мне нравилась эта кипучая энергичная жизнь. Когда мне и моим подопечным было что-то непонятно, то за ответом отправлялись в библиотеку. И решение всегда находили – фантастические книжные фонды были в «Орлёнке»! Мы занимались ответственными делами, иждивенческими настроениями в детском коллективе и не пахло. И во всём этом, повторяю, помогала нам умная книга.

Виктор СУХОРУКОВ,
заслуженный артист России:

– Любил я библиотеки в молодости. Но там у меня не только книжный интерес был: заведующая библиотекой стала моей закадычной подругой. Сегодня я нигде в библиотеке не состою и, к сожалению, намного меньше читаю, чем хотелось бы. Погружаюсь в литературу по мере необходимости, а не по вдохновению.

Евгений ЗИМИН,
заслуженный мастер спорта,
двукратный олимпийский чемпион по хоккею:

– Я не имею собственной библиотеки, пользуюсь общественными. Чтение для меня значит очень и очень много. Через книгу я погружаюсь в иной, новый для себя мир независимо от того, классика это или боевик. Когда читаю какое-то произведение, то, естественно, нахожусь в состоянии сопереживания, как бы в контакте с его героями. Но, кроме содержания, меня в немалой степени интересуют вещи, не лежащие на поверхности. Проще сказать, то, что находится между строк. Я хочу понять смысл того, что читаю. Обычно книги не перечитываю, обращаюсь время от времени к фрагментам, которые, по моему понятию, нуждаются в дополнительном осмыслении. Современные библиотекари очень достойные, образованные люди, с которыми всегда интересно общаться. Но, на мой взгляд, сегодня их незаслуженно и недальновидно загнали на периферию жизни.

СПЕЦХРАН

Владимирский централ... книги редкие

Что читали Д. Андреев и В. Шульгин в библиотеке знаменитой тюрьмы

...В августе 1960 года во Владимирскую тюрьму доставили американского лётчика-шпиона Пауэрса, сбитого нашими ракетчиками под Свердловском 1 мая того же года. Суд приговорил его к десяти годам лишения свободы. Кадровый лётчик-разведчик, оказавшись в одиночной камере, по словам очевидцев, впал в глубокую депрессию. Но уже через год его обменяли на советского разведчика Рудольфа Абеля, раскрытого и осуждённого в США. Перед отъездом знаменитый узник Владимирского централа написал прощальное письмо. Вот полный текст этого документа: *«Покидая тюрьму, я хотел бы отблагодарить администрацию за то хорошее отношение, которое я чувствовал, находясь здесь. Особенно я хотел бы отблагодарить библиотекаршу за то, что она снабжала меня газетами и литературой на английском языке. Хотел бы также выразить моё признание медицинскому отделу тюрьмы за ту помощь, которую он мне оказывал. Фрэнсис Гарри Пауэрс».* Тот факт, что бывший заключённый особую благодарность выразил библиотекарю и упомянул её в своём письме раньше, чем медиков, говорит, как высоко ценится в тюрьме доступ к книгам и периодическим изданиям, а проще говоря, к библиотеке.

И нынешние заключённые, освободившись, часто пишут тёплые письма заведующей библиотекой исправительного учреждения Ирине Закурдаевой, передают ей приветы через третьих лиц, присылают поздравительные открытки к праздникам. Примечательно, что Владимирская тюрьма была построена по указу Екатерины II в августе 1783 года, а библиотека в ней появилась только в 1925-м, хотя книги её «насельникам» передавал ещё известный русский писатель и публицист Герцен, проживавший одно время во Владимире. Правда, в 1925 году централ официально назывался уже не временной каторжной тюрьмой, а Владимирским политизолятором.

Открывая библиотеку, местное начальство меньше всего заботилось о повышении культурного и образовательного уровня тюремных сидельцев. И вряд ли думало об их духовном возрождении. Властям она нужна была прежде всего как важнейший инструмент идеологической обработки заключённых.

В настоящее время в тюремной библиотеке более 22 тысяч книг. На стеллажах, установленных в бывшей алтарной комнате храма, можно найти литературу на любой вкус. Много отечественной и зарубежной классики. Есть редкие издания. К таким можно отнести четырёхтомник Шиллера, сборники стихов Гёте и Гейне, произведения Шекспира, Брема, Сервантеса, выпущенные в начале XX века, десятки различных словарей и энциклопедий. Есть даже «История дипломатии», изданная в годы Великой Отечественной войны и пользующаяся у осуждённых большим спросом.

Как эти и другие издания, которыми могли бы гордиться многие солидные библиотеки, попали в централ? По мнению Ирины Закурдаевой, литература на немецком языке, к примеру, скорее всего, появилась вместе с высшими офицерами фашистской Германии, отбывавшими здесь наказание с 1945 по 1955 год. То же самое произошло и с литературой, принадлежавшей номерным советским заключённым. В этом списке значатся члены правительства, как тогда говорили, буржуазных Литвы, Латвии и Эстонии, а также их близкие родственники, арестованные в начале войны. Под № 3 в одиночной камере Владимирской особой тюрьмы томился Константин Орджоникидзе – родной брат наркома. Номер 22 был присвоен Евгении Аллилуевой – жене брата Надежды Аллилуевой – супруги Сталина. Под № 23 высшее тюремное начальство скрывало даже от своих рядовых сотрудников Анну Аллилуеву – сестру Надежды Аллилуевой. Под вымышленной фамилией Васильев Василий Павлович в начале января 1956 года во Владимирскую тюрьму особого назначения доставили сына «отца народов» Василия Сталина, осуждённого на восемь лет за растрату государственных средств и имущества.

Во Владимирском централе содержались крупные партийные и государственные деятели, репрессированные в предвоенные и послевоенные годы. Сюда после суда скорого и неправедного отправили на «исправление» ныне всемирно известного русского прозаика и поэта Даниила Андреева, создавшего в неволе знаменитую «Розу мира». Здесь же сидел один из идеологов белого движения в революционной России, монархист, депутат нескольких созывов Государственной Думы, принимавший отречение последнего русского царя, писатель и публицист Василий Шульгин.

Следует отметить, что «номерные» заключённые находились в тюрьме на особом, а точнее привилегированном положении. Им разрешалось отдыхать и спать в постели в любое время суток, дважды в день выходить на длительные прогулки, причём с членами своих семей, если таковые тоже отбывали здесь наказание. «Номерным» не запрещали заниматься литературным и другим умственным трудом. У каждого из них в камерах были даже личные библиотечки. Отправляясь в колонии или в ссылку после отсидки в тюрьме, выходя на волю, знатные заключённые оставляли здесь свои книги.

Особая атмосфера царила и в камерах, где в разное время содержались академик Василий Парин, историк Лев Раков, грузинский меньшевик Симон Гогеберидзе, отсидевший во Владимире 25 лет. Каждый из них обладал энциклопедическими знаниями.

С тех пор в Клязьме много воды утекло. Теперь Владимирский централ населяют уголовники, совершившие тяжкие преступления, а библиотека, которой вот уже 22 года руководит Ирина Закурдаева, остаётся культурным и духовным центром исправительного учреждения. Причём востребованным. Заявки на литературу постоянно поступают от 1100 осуждённых. Подсчитано, что каждый из них прочитывает в среднем до 40 книг в год. И всю эту читающую рать обслуживает только Ирина Закурдаева да её помощник – осуждённый Сергей К.

Народ в тюрьме трудный и разный. У каждого свои интересы и пристрастия, порой обескураживающие. Рассказывают, что настольной книгой одного известного вора в законе, мотавшего срок в централе, был том Монтеня. Некоторые бывшие предприниматели, так называемые новые русские, штудируют в камерах работы Маркса и особенно «Капитал». Умудрённые жизнью рецидивисты, попадающие в централ не первый раз, много полезного для себя находят в трудах Фрейда, Юнга, Карнеги.

Было бы ошибкой считать, что всю свою работу Ирина Владиславовна Закурдаева сводит лишь к сбору заявок от осуждённых и выдаче им затребованных книг. Будучи человеком талантливым, беспокойным и совестливым, она делает многое из того, что, в сущности, не входит в круг её прямых обязанностей. Возможно, поэтому книжный фонд Владимирского централа считается одним из самых богатых в пенитенциарной системе России.

Юрий ШАТАЛОВ,
ВЛАДИМИР

Почему мы не любим Некрасова?

Не любим мы Некрасова. Да, по-видимому, мы сейчас и должны его не любить.

Некрасов: сразу наползает с полдюжины фраз-формул – «Поэтом можешь ты не быть...», «Сейте разумное, доброе, вечное...», «Вынесет всё – и широкую ясную Грудью дорогу проложит себе...». Конечно, сама эта способность дать общенациональные афоризмы – признак великого поэта. И всё равно: ныне даже они могут, наверное, только раздражать. Тем более что ныне для нас Некрасов, пожалуй, только такими остекленелыми формулами и исчерпывается. Потому же и из них уже ничего не черпается. Как и из всего облика со всех сторон гладко обструганного поэта, «революционера-демократа».

Но, увы, кажется, мы, ещё не отдавая себе страшного отчёта, может быть, интуитивно не любим его за то, что мы в нём не знаем и что узнать чуть ли уже и не способны. А всё же мы обречены узнавать и разгадывать это. Потому, что без этого мы будем обречены вообще. Недаром великий разгадчик русских душ Фёдор Достоевский писал о загадочности двух русских поэтов: казалось, такого ясного и открытого – Пушкина и такого декларативного и простого – Некрасова. Впрочем, не потому ли самому он, Фёдор Достоевский, приблизился и к разгадкам роли их в русской жизни – провидческой и мессианской. И Пушкина. И Некрасова: «Лично мы сходились мало и редко... было между нами несколько мгновений, в которые раз навсегда обрисовался передо мною этот загадочный человек самой существенной и самой затаённой стороной своего духа. Это именно, как мне разом почувствовалось тогда, было раненное в самом начале жизни сердце, и эта-то никогда не заживающая рана его и была началом и источником всей страстной, страдающей поэзии его потом на всю жизнь».

Кажется, подходя к Некрасову, мы начинаем не с того конца. Дело не в том, что он писал о народных страданиях, пусть даже как угодно ярко и выразительно. Этого было много и до него, и вокруг него, и после него. Поэт не «отражал» страданий народа. Он сам всем организмом нашей истории и жизни нашей рождён был как особый и в своём роде единственный орган страдания. Некрасов-поэт, так сказать, излил самоё страдание. Некрасов – один во всей русской литературе, пожалуй, во всём русском искусстве, а тем и в русской жизни, так пострадавший: за всех. Единственный, кто, по словам Бальмонта, постоянно напоминает нам, что вот пока мы все здесь дышим, есть люди, которые задыхаются. Но потому, что задыхался сам. В этом всё дело. Некрасов был именно призван к страданию. И когда судьба, испытывая до конца, послала долгое и мучительное умирание, то у него, умирающего, крик прерывался стихами и – снова – стихи переходили в крик, окончательно подтверждая истинность и, так сказать, страшную натуральность его «страстной страдальческой поэзии».

Лишь на первый взгляд может показаться странным, что Чехова часто, как бы определяя главное в нём, называют автором «Каштанки» – рассказа о какой-то дворняге.

Лишь на первый взгляд может показаться странным, что, пожалуй, «главную» свою картину страдания Некрасов написал о страдании лошади, избиваемой лошади-калеки: по спине, по бокам, по лопаткам, а наконец, и по глазам, «по плачущим, кротким глазам».

Из-под страшного морока этой, казалось бы, всего лишь уличной сцены долго не выпутаются русская литература и русская жизнь.

Наваждение во сне Раскольникова у Достоевского – это несколько страниц прозы, расцветившей, раскрасившей и, так сказать, расцарапавшей до крови несколько строк этого некрасовского стихотворения. Герой увидит себя во сне переживающим избиение («по глазам, по самым глазам») и убийство лошади Миколкой и после этого уже не во сне, а только как во сне пойдёт сам убивать – человека. Из принципа – разъяснит ему следователь. «Этого же кто не видал. Это русизм», – скажет об этой же некрасовской сцене избиения («по глазам, по кротким глазам») Достоевский устами Ивана Карамазова. А через много лет, снова доказывая, что это «русизм», такой чуткий к страданию молодой Маяковский напишет «Хорошее отношение к лошадям»:

Подошёл
И вижу
Глаза лошадиные...

. . . . . .

Подошёл и вижу –
За каплищей каплища
По морде катится,
прячется в шёрсти...

И какая-то общая
звериная тоска
плеща вылилась из меня
и расплылась в шелесте.

И вдруг почти сразу, может быть, и поэтому же этаким Миколкой завопит в революционной одержимости: «Клячу историю загоним!» («Левый марш»). Из принципа? И – загоняли. И – забивали. Да, русская литература в самых больших своих проявлениях засвидетельствовала, какой силы сгусток страдания заключила одна лишь уличная сцена Некрасова.

А эти «глаза лошадиные»?

«Никогда, – писал русский философ Владимир Соловьёв, – не увидишь на лице человеческом того выражения глубокой безвыходной тоски, которая иногда без всякого видимого повода глядит на нас через какую-нибудь зоологическую физиономию». Так это без повода.

Почему же поэт, представив, может быть, самую страшную из своих картин страдания, может быть, самую страстную свою, *человеческую* жалость излил на лошадь, на *животное*.

«Это начало, – писал тот же Владимир Соловьёв, – имеет глубокий корень в нашей природе, именно в виде чувства жалости общего человеку с другими живыми существами. Если чувство стыда выделяет человека из прочей природы и противопоставляет его другим животным, то чувство жалости, напротив, связывает его со всем миром живущих».

Сейчас этот глубокий корень в нашей природе если не прогнил, то повреждён. Мы встаём к миру всё в то же двоякое отношение, но уже обратное.

Так чувство жалости сейчас всё меньше связывает нас со всем миром. Его отсутствие как раз и удалило нас от всего мира других живущих. Чувство же стыда, наоборот, ныне уже почти не выделяет человека из *прочей природы*. Его отсутствие, иначе говоря, бесстыдство, как раз и опустило человека до *прочей природы*, до других животных. Естественно, что любовь к поэзии Некрасова – с его чувством стыда и чувством жалости – была бы сейчас состоянием самым неестественным.

Скажем, разнообразнейшие публичные виды сегодняшнего политического срама чуть ли не есть лишь другая сторона откровеннейшего и наглядного бесстыдства физической жизни. Не вправе ли мы говорить, в частности, и об особом типе переживаемой нами сексуально-политической революции?

Кстати сказать, видимо, не случайно не осенённой даже дуновением какой-то идеи и цели, кроме задачи хоть кое-как выжить и через очень длительный период, может быть, подтянуться к так называемым передовым (в сфере производства) странам или, как полагают экономисты, хотя бы собственного 1985 года и к богатствам того времени.

Не потому ли сама смена символики, обычно столь насыщенная и героическая в переломные эпохи, воспринимается сейчас так вяло и равнодушно. Кстати сказать, нынешний, довольно красивенький флаг России в качестве государственного имеет у нас гораздо меньший исторический стаж, чем красный. И если последний значим уже той кровью – и жертв, и защитников, – которую он впитал, то первый ныне не трогает ничем и за ним, в сущности, ровным счётом ничего не стоит. Хотя сейчас возвращение именно к этому, изначально-то коммерческому флагу – не случайно.

Всё это знак того, что в числе многих вакуумов, дыр и прорех образовался, может быть, самый страшный – идеологический. Во всяком случае, не видно идеологий, отчётливо выговоренных, сформулированных и – главное – объединяющих национально, а не разъединяющих националистически: последние сами в себе уже несут обречённость. Недаром разгул политического национализма никак не сопровождается и никогда не сопроводится расцветом национальной культуры.

Сейчас страшна даже не физическая бедность сама по себе. Давно у нас выношено: «Бедность не порок». Но нищета (поясняет один из героев нашей классики), нищета – порок. Бедность не обязательно выморочна. Нищета неизменно сопровождается духовным одичанием. Не потому ли страна в сфере образования за короткий срок откатилась от места в первой тройке стран мира в бог знает какой десяток?

Думаю, что наше неприятие Некрасова может определяться не только его устарелостью, но и его злободневностью, иногда до жути. Скажем, поэма «Современники» и о наших современниках. Подчас кажется, что только подставляй нынешние имена и сегодняшние факты. Не то поэт стремительно и неожиданно догнал будущее, не то мы столь же стремительно и внезапно оказались в прошлом. Как будто пробивая какие-то исторические этажи, кувырком пролетаем вниз.

Так что не обернётся ли иллюзорный «научный» социализм при содействии отнюдь не научного «дикого» капитализма реальным первобытным коммунизмом? Ну прямо какая-то безумная машина времени, да и только. Прогресс наоборот. Впрочем, полюбуйтесь: вот некоторые фрагменты и голоса некрасовской поэмы:

Кто не знает? Пророки событий,
Пролагатели новых путей,
Провозвестники
важных открытий –
Побиваются грудой камней.

Двинув раньше вперёд
спекуляцию,
Чем прогресс узаконит её,
Потеряете вы репутацию
И погубите дело своё.
Подождите!
Прогресс подвигается,
И движенью не видно конца.
Что сегодня
постыдным считается
Удостоится завтра венца...

Вот это *завтра* наступило *сегодня*, и стало ясно, что ведь это *сегодня* всего лишь *вчера*.

Я заснул...
Мне снились планы
О походах на карманы
Благодушных россиян,
И, ощупав мой карман,
Я проснулся...
Шумно... В уши
Словно бьют колокола,
Гомерические куши,
Миллионные дела,
Баснословные оклады,
Недовыручка, делёж,
Рельсы, шпалы, банки, вклады –
Ничего не разберёшь!..

Вот и мы так – проснулись. И – «ничего не разберёшь». А когда экономический хаос в сочетании с финансовой неразберихой накладывается, по словам того же Некрасова, на «государственных нервах», то тем более «ничего не разберёшь». К тому же если в пору «застоев» большинство просто прикрепляется к определённому месту, а в эпоху революций некоторые находят своё место, то именно в период, подобный нашему, многие почти всегда оказываются не на своих местах.

Слыл умником и в ус себе не дул,
Поклонники в нём видели мессию;
Попал на министерский стул
И – наглупил на всю Россию:

В общем:

Полно! Мы с тобой – не детки,
Нынче – царство подставных,
Настоящие-то редки,
Да и спроса нет на них.

«Ничего не разберёшь» и потому, что смута есть время бесконечных перевоплощений, перевёртываний, а точнее – мимикрии и мистификаций. Это и ренегаты-партократы, оборачивающиеся ожесточёнными демократами. И монументальные бюрократы, вдруг разворачивающиеся суетливыми расхристанными охлократами. И демократы-ренегаты, быстро-быстро превращающиеся в непреклонных бюрократов. Неподдельные же герои времени и триумфаторы – плутократы. Они покрывают всё, и сводят к себе, и давят собой или превращают в себя всё и всех: и партократов, и бюрократов, и демократов. Особо отметил поэт «ренегатов из семьи профессоров»:

Под опалой в оны годы
Находился демократ,
Друг народа и свободы.
А теперь он – плутократ!
Спекулятерские штуки
Ловко двигает вперёд
При содействии науки
Этот старый патриот.

Или ещё:

Он машинным красноречьем
Плутократию дивит;
Никаким противоречьем
Не смущаясь, говорит
В интересах господина.
Заплати да тему дай,
Говорильная машина
Загудит: поднимет лай,
Будет плакать и смеяться,
Цифры, факты извращать,
На Бутовского ссылаться,
Марксом тону задавать.

Соответственно промываются мозги и вымываются сердца. Что же, ведь, по словам нашего поэта, «не у нас – во всей Европе Прессой правит капитал». И уже только потом «правит» сама пресса.

Тотальная и часто лживая и бесстыдная пропаганда «коммунизма» сменилась столь же тотальной и, может быть, ещё более бесстыдной и лживой пропагандой капитализма. «Более» – потому, что совершают это действо часто одни и те же «агитаторы, горланы-главари». Идеалы же формирует какой-нибудь телевизионный зазывала, как-то удивительно соединивший в себе ухватки трактирного полового с манерами дамского парикмахера. Вообще для всякой теле-, радио- и газетной агитации и пропаганды дело у нас неизменно – и сейчас тоже – облегчается тем более, что мы во многом остаёмся при одном и том же принципе: цель оправдывает средства. И – всё во имя... Было: всё (!) во имя коммунизма. То есть во имя его было дозволено всё: произвол, беззакония, репрессии, подавление, коллективизация, ...

Стало: всё (!) во имя капитализма. То есть во имя его стало позволено всё: произвол, беззаконие, обман, грабёж, деколлективизация(?)...

Мы оправданье найдём!
Нынче твердит и бородки:
«Американский приём»,
«Великорусская смётка!»

Грош у новейших господ
Выше стыда и закона;
Нынче тоскует лишь тот,
Кто не украл миллиона.

Бредит Америкой Русь,
К ней тяготея сердечно...
Шуйско-Ивановский гусь –
Американец?... Конечно!

Что ни попало – тащат,
«Наш идеал, говорят,
Заатлантический брат:
Бог его – тоже ведь доллар!..»

Правда! но разница в том:
Бог его – доллар, добытый трудом,
А не украденный доллар!

Станут ли неумелые созидатели социализма умелыми строителями капитализма? Впечатление такое, что из жизни вместе с символами труда – серпом и молотом – вылетел и сам труд. А может ли вызвать у нашего зрителя что-нибудь, кроме тупого равнодушия или пока ещё оцепенелого бешенства, неизвестно к кому обращённая реклама, по которой жизнь наша человеческая состоит из двух половин: деланье денег и пребывание в удовольствиях. В очередной раз телега поставлена впереди лошади. И – поехали. Раз нет производства, то все силы брошены на растащиловку ещё оставшегося, на бесконечные переделы собственности и многократно усилившееся овладение «привилегиями». Потому же деньги, и только деньги, сами по себе, безотносительно к труду и производству, стали страстным ожиданием и окончательным вожделением, кумиром, целью – всем.

Горе! Горе! хищник смелый
Ворвался в толпу!
Где же Руси неумелой
Выдержать борьбу?

. . . . . .

Плутократ, как караульный,
Станет на часах,
И пойдёт грабёж огульный
И – случится крррах!

Сейчас ясен уже и смысл призывов к личной инициативе: высокопарный лозунг «каждый кузнец своего счастья» скрывает всего лишь у кого пугливый, а у кого злорадный визг: «спасайся кто может». И, в общем, чудовищный приговор – «кто не может – не спасётся» уже, судя по всему, вынесен.

Конечно будут и спасшиеся:
Денежки добрый товар, –
Вы поселитесь на жительство,
Где не достанет правительство
И поживайте как – царр!

Вам ничто не напоминает этот мотив, названный в поэме Некрасовым «Еврейской мелодией»? Впрочем, в сути своей соревнующейся с «русской незыблемой честью», но уже с поистине революционным размахом.

О господи! Удвой желудок мой!
Утрой гортань!
учетвери мой разум!
Дай ножницы такие изобресть,
Чтоб целый мир
остричь вплотную разом –
Вот русская незыблемая честь.

Конечно, я позволил себе лишь самым поверхностным образом указать на внешние аналогии, прямые совпадения и т.п. У Некрасова же даже и «Современники» – это глубокая трагическая поэма о судьбе ограбленного народа и его страдании. То есть о том, чем нам сейчас Некрасов и не интересен, и, так сказать, не люб. Как, пожалуй, чуждо и большинство народных прозаиков и поэтов. На авансцене ныне в основном демократическая литература. Особенно – публицистика. Я не стану, как это сейчас принято, сопровождать слово демократия кавычками или ироническим курсивом: наряду с корыстным, демагогическим, прямо шутовским она родила немало умного, честного и дельного. Сложнее с народностью. Поэтому, но разве демократия и народ не одно и то же? Разве демократизм чужд народности? Здесь Некрасов тоже наводит на размышления. Именно Некрасов.

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России –
Там вековая тишина.

Под глубиной России мы, наверное, часто склонны понимать то, что называют «российской глубинкой». А ведь посмотреть на эту глубинку – да вроде уже только рукой махнуть: выморочность и вымирание. Но глубина *России* – это и глубина характера. А вот что там?

Общее место в истории нашей *передовой* мысли – представление об «отсталости» её особенно близко стоящих к корню народной жизни писателей, будь то Крылов или Гоголь, Достоевский или Толстой. Да и Пушкину от передовой критики доставалось постоянно.

Геннадий НОВОЖИЛОВ

Прямо рок какой-то: как великий, так отсталый. Все резво вперёд бегут, а он всё отстаёт, не поспевает. Кстати, традиция унаследована. И ныне немало наговорено об отсталости, реакционности, чуть ли даже не о фашизме (Господи, прости!) авторов «Матрёнина двора», «Привычного дела», «Последнего срока». Шукшин как-то успел вывернуться. Смерть спасла? От коммунизма все отставали, теперь за капитализмом никак не угонятся.

Но Некрасов-то уж, казалось бы, передовой, демократический, революционный. Любопытны, однако, отношения великого народного поэта и даже выдающихся демократических публицистов его журнала: Добролюбова, Чернышевского, не говоря уже о прочих.

Некрасов энергично «использовал» их опыт в своём журнале, восхищался (не всегда) многими их личными и общественными достоинствами, а позднее и преклонился перед ними, написал о них ряд стихотворений. Но на его, так сказать, народное творчество они нисколечко не повлияли. Да и в целом тоже. Что и понимали прекрасно: «Я не имел ровно никакого влияния на его образ мыслей. Имел ли какое-нибудь Добролюбов? Как мог иметь он, когда не имел я?» (Чернышевский.)

Это понятно, ибо (если воспользоваться известной формулой) «страшно далеки они от народа». В отличие, например, от тех же декабристов, прошедших вместе с народом сквозь Отечественную войну, а не наблюдавших за ним из потёмок петербургских подворий. Не потому ли, когда демократическая критика и литература преисполнялись, глядя на народ, «исторического оптимизма», Некрасов обращался к нему с мучительным вопросом; неужели же ты «духовно (!) навеки почил»? Но позднее, в пору, когда демократия объединилась в нападках на народ, завершившихся мучительным выкриком Чернышевского: «Нация рабов», – Некрасов уверенно и спокойно заявил: «Вынесет всё». Ничего другого и не мог сказать поэт, в котором к тому времени народ сказался поэмой «Мороз, Красный нос» и «Коробейниками». Народ, который, конечно, ничуть не сказался в справедливо знаменитом романе «Что делать?».

Так что же народ? Не всё ли ещё в вековой тишине? Не потому ли столь часто от его имени могут говорить столь многие, столь уверенно и столь разное, даже противоположное. И не потому ли наше общее положение столь гадательно. В общем, по Гоголю: «Русь, дай ответ! – Не даёт ответа». Конечно, выборы, выборы... Да и столь часто сами эти выборы дезавуируются, отменяются и передвигаются на карте политических игрищ.

Остаётся гадать: будем ли мы выброшены в обречённую на гниль и вымирание историческую канаву, или мы окажемся вовлечёнными в безумную историческую гонку остального цивилизованного мира с его бессмысленной расточительностью (у нас – тоже, но иная и ещё более бессмысленная), с его чудовищными контрастами (у нас тоже, но – другие) и уничтожаемой культурой: мы как-то всё ещё до конца не осознали, что цивилизация и культура ныне могут быть вещами несовместными. И, кстати, не потому ли освобождаем себя уже даже от остатков общественной и государственной заботы о культуре и ответственности за неё.

А ведь перед страной сейчас в силу многих исторических причин открывается, может быть, уникальная возможность выбора сбалансированной жизни: воздерживаясь, но не голодая, делясь, но не разоряясь, не угрожая, но защищаясь. Мы же, видимо, полагаем, что разрешать противоречия нашей жизни можно только впадая в другие, и более тяжкие.

Обнажилось и ещё одно: агрессия вовне направленного национализма довольно быстро оканчивается внутринациональной распрей. Думаю, что до тех пор, пока Россия удерживается от первого, она может спастись и от второго и сохраниться как объединяющее начало. Тотальный централизм не более чудовищен, чем тотальная децентрализация. Всепоглощающее частное не менее страшно, чем всеуничтожающее общее. И здесь важен – баланс.

Спасёмся ли мы в этот решающий трагический час, зависит не только от солидарности на почве экономических интересов (дело, конечно, важное), правовых установлений (ныне, впрочем, уже почти не существующих из-за изобилия и взаимоотменяемости), политических партнёрств (самих по себе достаточно ничтожных, но и от них никуда не уйдёшь).

Всё решит другое: откроются ли источники нравственной жизни – подлинные, вековечные, окончательные. То есть явятся ли они не как догмат, принцип и правило, а как последняя и сейчас *единственная* возможность *человеческого выживания*.

В одном – редчайшем по откровенности – письме обычно скрытный Некрасов написал Льву Толстому: «Хорошо ли, искренно ли, сердечно ли (а не умозрительно только, не головою) убеждены Вы, что цель и смысл жизни – любовь? (в широком смысле). Без неё нет ключа ни к собственному существованию, ни к существованию других, и ею только объясняется, что самоубийства не сделались ежедневным явлением. (А у нас сейчас уже – особенно молодёжью – делаются. – **Н.С.**). По мере того как живёшь – умнеешь, светлеешь и охлаждаешься, мысль о бесцельности жизни начинает томить, тут делаешь посылку к другим – и они, вероятно (т.е. люди в настоящем смысле), чувствуют то же. Жаль становится их – и вот является любовь. Человек брошен в жизнь загадкой для самого себя, каждый день его приближает к уничтожению – странного и обидного в этом много! На этом одном можно с ума сойти. Но вот Вы замечаете, что другому (или другим) нужны Вы – и жизнь вдруг получает смысл, и человек уже не чувствует той сиротливости, обидной своей ненужности, и так круговая порука (...). Человек создан быть опорой другому, потому что ему самому нужна опора. Рассматривайте себя как единицу – и Вы придёте в отчаяние».

Здесь очень личный исток знаменитой народности Некрасова. Кажется, Достоевский единственный ощутил этот истинный исток скорбного народного начала его поэзии, когда сказал, что скорбь Некрасова о народе была лишь исходом его скорби по себе самом. Но и больше. Кажется, мы, так намаявшиеся под гнётом давившего личное общего, кинулись сейчас в такое утверждение индивидуального и частного, которое оказалось новым неподъёмным гнётом.

Народ и жизнь его несёт в себе массу, как теперь говорят, моделей, свойств и возможностей. Некрасов нашёл ту, которая утверждает человека в другом человеке, личное в коллективном, разрешает частное в общем. И (пусть, так сказать, в идеале) доказал это, ибо истинное искусство и есть, может быть, самое абсолютное доказательство самых разнообразных истин. Вот почему для Некрасова слова: «цель и смысл жизни – любовь» – не фраза.

Ещё – и в последний раз – Владимир Соловьёв: «Любовь есть самоотрицание существа, утверждение им другого и между тем этим самоотрицанием осуществляется его высшее самоутверждение». И так, как сказал поэт: «Круговая порука».

Вот почему Некрасов является в своём роде единственным у нас поэтом любви, если угодно, в данном случае именно христианской.

Конечно, сейчас такой Некрасов нам чужд и любим нами – потерявшими «круговую поруку» – быть не может. Менее всего я хотел бы быть понят в том смысле, что вот-де обратимся мы к Некрасову и – просветимся, и – спасёмся.

Но, кажется, отношение к поэзии Некрасова может быть одним из знаков того, обретём ли мы себя друг в друге, найдём ли мы человеческую «круговую поруку», или мы будем рассматривать себя «как единицу». И – придём в отчаяние. И – сойдём с ума. И – окончим самоубийством.

Николай СКАТОВ.
член-корреспондент РАН,
директор Пушкинского Дома,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ВОПРОС РЕБРОМ

Разрушать – не строить

Когда закончится раздрай в системе образования?

Русский поэт Василий Андреевич Жуковский в 1826 году принял предложение государя императора стать воспитателем юного цесаревича Александра и представил своё видение этого дела. Изложение было очень кратким и заняло на бумаге мало места. Всё сводилось к тому, что цесаревичу кроме научения его грамоте надлежит дать широкие понятия по пяти вопросам: кто ты, откуда ты, где ты, куда ты и зачем ты? Император благосклонно принял такую программу образования для наследника российского престола.

Представляю, как бы удивился Василий Жуковский, узнав, в какую чехарду играют сановные российские мужи, чтобы научить современных детей и молодёжь ответам практически на те же самые вопросы.

Ни одно российское министерство за последний десяток лет не пережило столько преобразований, сколько многострадальное российское образование. Каждый новый начальник был так недоволен предшественником, что не только затевал преобразования, но и менял название министерства. *(Министерство просвещения; общего профессионального образования; образования; образования и науки.)* В очередной раз эта система пережила очередную реорганизацию. Прежде чем задаться вопросом, лучше ли стало, постараемся понять, что означает, кого задевает реформа, названная модернизацией образования.

В стране примерно 34,5 тысячи средних школ, около трёх тысяч средних специальных учебных заведений, порядка полутора тысяч вузов, семнадцать с лишним тысяч учреждений дополнительного образования для детей. А теперь представьте, сколько в них работает учителей и профессоров, сколько учащихся и студентов; добавьте членов семей учеников и студентов, не забудьте прибавить огромную армию специалистов, работающих в системе образования, а также специализированные издательства с их сотрудниками – и тогда вы получите некоторое представление о том, что такое очередная, ещё не завершённая модернизация образования. Меняются нормативно-правовая база, учебники, образовательные стандарты и методики, ломаются принципы, подходы. И всё на полтора-два года, так как следом надвигается новая ломка. Школы, колледжи, вузы не успевают ещё сломать старое и приспособиться к новому, как новое уже становится старым.

Можно ли в столь нестабильных условиях готовить патриотически настроенных профессионалов, уверенно смотрящих в будущее своей страны?

Игорь ГОНЧАРУК

Может ли принятое нынче на вооружение личностно ориентированное (как будто оно может быть другим), замордованное преобразованиями образование ответить на те пять вопросов, которые поставил перед будущим императором Василий Андреевич Жуковский?

Удивительно, но факт: в нашей стране большая часть добрых дел совершается не благодаря, а вопреки властным структурам.

Несмотря на раздрай в системе образования, молодёжь стремится получить как среднетехническое, так и высшее образование. За последние годы открылось много новых, в том числе негосударственных (аккредитованных и не аккредитованных), вузов. И во всех нет недобора студентов.

Надо признать, что качество образования в нынешних вузах как государственных, так и негосударственных весьма различно. И вот новый министр образования в связи с этим заявляет о том, что у нас «расплодилось» слишком много вузов и что стране не надобно столько людей с высшим образованием. Надо, мол, посчитать, сколько и каких специалистов требуется отечественному хозяйству, столько их выпускать и оставить для этого соответствующее количество вузов. Странная позиция.

С одной стороны, государство совершенно справедливо озабочено тем, чтобы готовить «для себя» нужное количество нужных специалистов нужного уровня.

С другой стороны, почему меня – мнярека ограничивают в праве получить высшее образование, то есть в праве развивать и совершенствовать свою личность? Может быть, закончив вуз, я пойду работать слесарем или дворником (хотя это и крайность), это – моё дело...

Государство по тем или иным причинам не берётся меня (мнярека) учить за свой счёт – и не надо. Учите тех, кому вы гарантируете рабочие места. А мне дайте возможность учиться на личные средства для себя, чтобы быть «продвинутым». Только создайте стабильные правила игры.

Но правомерно ли ставить вопрос таким образом: государству не нужно столько людей с высшим образованием. А по-моему, чем больше в стране таких людей, тем просвещённее общество. Разве не так?

Не целесообразнее ли просто отказывать в аккредитации и, следовательно, в финансировании вузам с низким качеством образования, независимо от того, государственные они или негосударственные. Именно это и предлагают ректоры негосударственных вузов, над которыми в последнее время висит дамоклов меч ликвидации. Но, похоже, их не понимают.

Интересно, а если бы Василию Андреевичу Жуковскому пришлось предъявить свою программу образования (обучения и воспитания) не императору, а министру образования и науки РФ, смог бы он его убедить?

Владимир ПОРТНОВ

Жертвы и подвиги

Анатолий Уткин.
Унижение России. Брест, Версаль, Мюнхен.
– М.: ЭКСМО, 2004. – 674 с.

Книга известного историка и специалиста по международной политике о том редком и откровенном историческом унижении нашего государства, которое оно пережило в дни Бреста, Версаля и Мюнхена. России в эти дни отводилась роль исторической жертвы, а те, кто выносил приговор и приводил его в исполнение одновременно, были лишены всякой жалости, не говоря уже о справедливости. Страну просто грабили, рвали на части, пользуясь её слабостью. Её высокомерно игнорировали, подвергали изоляции. На неё натравливали агрессоров, чтобы самим остаться в стороне.

Книга написана так, что её хочется не анализировать, а цитировать. Вот одна из таких выразительных цитат:

«Великий и горький опыт Бреста, Версаля и Мюнхена убедительно говорит о том, что дело национальной безопасности не может быть передоверено кому-либо. В вопросе о национальном выживании страны идут на всё, жертвы перестают пугать, вперёд выходит национальный инстинкт самовыживания.

В эпоху колоссального мирового неравенства, выделения стран, готовых диктовать свою волю, разгула терроризма, разъединения прежней великой страны опыт истории **просто кричит о преступности самоуспокоения...**

Униженная Россия способна встать с колен, она делала это многократно. Она делала это не щадя себя – из великого чувства самоуважения, из таланта и доказанной способности догнать другие народы».

Очень хочется разделить эту веру автора, истоки которой не в слепой надежде, а в глубоком знании истории, движущих её механизмов и сил.

Игорь МИТИН

Из Германии с любовью

Александр Фитц.
Судьба – российский немец.
– М.: Голос-Пресс, 2004. – 384 с.

У нас очень много общего. История нас двойней спеленала. В России определённый вид тараканов зовут прусаками, а в некоторых районах Германии тот же вид носит название «руссе», то есть русские.

Вот и судьба российского немца наполняет себя из двух источников. Александр Фитц родился в концлагере для российских немцев в Казахстане. Первым в СССР стал немцем, назначенным на должность главного редактора республиканской газеты. В 1991-м выехал в Германию; теперь живёт и работает в Мюнхене. Журналистский взгляд по-прежнему зорок и по-прежнему не утратил российской широты охвата и оценки.

Естественно, в предлагаемой книге немало места отведено истории немцев в России. Естественно, в этой истории немало горьких страниц. Но столь же обострённо объективен автор и по отношению к «свободному» Западу. «Почему-то миром правят серые, заурядные личности вроде Джорджа Буша. Этот кровожадный садист с внешностью и интеллектом завхоза вершит судьбами человечества. Не чудовищно ли это?.. Но не менее страшны и омерзительны обслуживающие его советники, журналисты, идеологи, пропагандисты».

Не заблуждается Александр Фитц и относительно «плодов» демократизации России. Приятель-диссидент признавался ему: «У меня такое ощущение, что шесть лет я отсидел для того, чтобы Абрамович сделал себе семь миллиардов, а Ходорковский восемь».

Однако, чему же научила два наших народа общая история?

Прежде всего – надежде. «Но пытаясь заглянуть вперёд, могу сказать, что взаимоспасительный германо-российский союз всё же возможен, правда, при условии, если в обеих наших странах к власти придут державники» – такова одна из заключительных фраз документального повествования, многие из приведённых фактов и выводов которого удивят, а то и шокируют читателя.

Александр ЯКОВЛЕВ

Крым как место отдыха

Андрей Мальгин.
Русская Ривьера. Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи. Конец XVIII – начало XX века.
– Симферополь: «Сонат», 2004. – 352 с., ил.

«Взглянув на статистику посещения Крыма российскими туристами за последнее десятилетие, мы увидим безрадостную картину постепенного уменьшения их притока. Если в начале 90-х годов их было свыше 70% относительно всей массы приезжающих в Крым на отдых, то к концу десятилетия эта цифра снизилась до 50%, а в начале нового века и вовсе упала до 30%. На крымских пляжах сегодня всё меньше россиян...»

Книга Андрея Мальгина, историка, кандидата филологических наук, генерального директора Крымского республиканского краеведческого музея, призвана если не исправить, то хотя бы проанализировать – в историческом аспекте – состояние курортного дела в Крыму. Как историк автор прослеживает его зарождение с первого посещения этих мест императрицей Екатериной II в 1787 году; возникновение и развитие Ялты, Евпатории, Симеиза, Гурзуфа, Феодосии, Балаклавы, их расцвет и упадок ко времени революции и Гражданской войны. Как историка и некогда редактора журнала «Новый Крым. Курорты и отдых» его интересуют цены, первые дачи и дворцы, дороги и проводники, питание курортников и первые санатории, состояние пляжей и взаимоотношения отдыхающей публики с местными жителями, татарами и греками. Ход освоения Южного берега Крыма, пишет автор, «одна из самых захватывающих страниц в истории развития отечественной экономики, предпринимательства и, более широко, в летописи развития нашей цивилизации».

Судя по всему, это только первая часть исследования-путеводителя. Книга прекрасно проиллюстрирована видовыми открытками начала XX века и цветными вклейками итальянских художников тех лет – Карло Боссоли и Луиджи Премацци.

Крым в своей истории переживал всякое: войны, разруху, возрождение. О первом расцвете, пришедшемся на конец XIX века, читатели узнают из этой книги, о втором – в эпоху развитого социализма – Бог даст, скоро узнаем от автора.

Иван АЛЕКСЕЕВ

Нельзя молчать!

Современная женская проза.
Пособие по русской литературе. Составитель Ранджана Саксена. – New Delhi: Prakashan Sansthan, 2004. – 288 с.

В сборник современной русской женской прозы вошли уже известные и давно опубликованные в России вещи Светланы Василенко, Марины Вишневецкой, Татьяны Набатниковой, Марины Палей, Ирины Полянской, Людмилы Петрушевской, Нины Садур и других.

Благодаря стараниям Делийского университета и лично составительницы книги Ранджаны Саксены русско-индийские литературные контакты понемногу налаживаются. Не так давно побывала в Дели и делегация от «Литературной газеты».

Но почему женская проза? А почему нет? Во-первых, этот сборник понятен. Литературный феминизм, хотим мы этого или нет, существует во всех культурных странах, кроме радикально мусульманских. Это «точечное» явление, которое можно реально изучать, для чего, собственно, и издана книга.

Ранджана Саксена сделала своё дело не просто хорошо и профессионально, но с любовью. Она встречалась чуть не со всеми участницами этого сборника. Через Светлану Василенко, Елену Трофимову и других энтузиасток литературного феминизма она постоянно поддерживает связь с Россией. Современную русскую литературу она знает во всём объёме, не только «женском». Свободно ориентируется в нашем Серебряном веке, в XIX и даже XVIII веках (здесь, впрочем, в Введении есть погрешности). И, наконец, её «узкий» интерес понятен, потому что это её сфера занятий.

Мне было интересно перечитывать уже известные мне вещи в «индийском» контексте. Не менее интересно было читать Введение. Хотя традиционной феминистской убеждённости, что в России дела с женщинами обстояли всегда хуже, чем в Европе, я никогда не приму. Вот Саксена пишет, что даже в конце XIX века русские женщины-писательницы чуть ли не вынуждены были печататься под псевдонимами. Господи боже мой! Да у нас одной из первых писательниц, которая печаталась даже анонимно, была Екатерина II. Ну и что из этого следует? А Ростопчина, Анна Бунина, кавалерист-девица Дурова? Почему они не боялись своих имён? И это в то время, когда в свободнейшей Франции некая Аврора Дюпен, по мужу Дюдеван, зачем-то пряталась под мужским псевдонимом Жорж Санд.

Думается, «маскулинное» отношение к литературе (мужское дело!) было не только русским, но и общемировым явлением. Россия и даже СССР тут вовсе не плелись «в обозе». А что феминизм при советской власти запрещали, так какие неформальные объединения тогда не запрещали?

Женские проблемы в России, как и везде, были и остаются. Но есть сейчас и проблема, например, трудоустройства мужчин с некоторыми профессиями (военный, шахтёр).

С другой стороны, уже понятно, что «женская» литература, как некая отдельная почка на общем древе российской словесности, утвердилась и будет существовать. «Я научила женщин говорить. Но Боже! Как их замолчать заставить!» – писала Ахматова. Да никак.

Почему? Вот этим, собственно, и занимается Ранджана Саксена.

Павел БАСИНСКИЙ

От Адама

С.Г. Фатыхов.
Мировая история женщины: Опыт сравнительной фактографии.
– Екатеринбург: Банк культурной информации, 2004. – 792 с., ил.

Переварить такое количество информации будет непросто даже привычному человеку. Фундаментальный труд Салима Фатыхова – это, собственно, «этнокультурная историческая ретроспектива и краткий анализ фактов, обрядов, легенд, обычаев и ритуалов», связанных с женщиной. Тематические энциклопедии, подобные этой, нередки в последние годы: они как бы подытоживают, суммируют опыт минувшего тысячелетия.

Свод сведений о женщине, от наскальных изображений до современного акушерства, объединён вроде бы концепцией: опекунство матери-прародительницы помогло создать современную цивилизацию. Никто не спорит. Но, пожалуй, своё в этой большой книге – только авторские дневники и стихи, данные в приложении. Всё же остальное – чистая компиляция. Между тем, если вы думаете, что это неинтересно, то заблуждаетесь: компиляции ведь тоже могут быть великолепными (взять хотя бы того же Диогена Лаэртского). Откуда бы мы узнавали сведения, не будь компиляций или, если хотите, учебников? Так что гений систематизации Салим Фатыхов нисколько не ошибся, издавая свой труд.

Но если с этой – фактографической – стороны всё чисто, то с концептуальностью хуже. Потому что концепции, например, Дарвина после путешествия на «Бигле» или Миклухо-Маклая после посещения Новой Гвинеи и до сих пор выглядят весомее, чем авторские исследования узбекских пещер. Нужно, как говорится, чтобы количественные накопления переросли в качественные изменения.

И всё же книга написана на редкость хорошим языком (кто ясно мыслит, ясно излагает), и этим многое искупается. Учёный в тех пассажах, где, заступаясь за женщину, пытается оспорить Фрейда или, например, Шопенгауэра, возбуждает заметно больший интерес, чем там, где следует за унылой сенсационностью.

Да ведь и тема-то необъятная!

Алексей ИВИН

ЖУРНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

«Континент»,
литературный, публицистический и религиозный журнал, № 4 (122), 2004. Заявленный тираж – 3500 экземпляров.

Журнал своеобразной судьбы и истории в особых представлениях не нуждается. Но напомним читателям, что основан «Континент» был в 1974 году в Париже известным нашим писателем Владимиром Максимовым. В России учредителем журнала стал Игорь Виноградов. Перед вами очередной номер.

Осознаем прошлое

Повесть «Зверь из бездны» (первоначальное название «Эдип») Евгений Фёдоров начал писать ещё в 1952 году в лагере, куда попал по обвинению в групповой антисоветской деятельности. О лагерном же прошлом страны и повествование Леонида Бежина «Джага. *Костылины и Колдуновы: хроника и семь разговоров*». По «Два рассказа» публикуют Нина Горланова и начинающий прозаик Алексей Чепелов.

Поэтический раздел представлен подборками Ларисы Миллер, Кирилла Ковальджи, Михаила Ноделя и Владимира Лапина.

В рубрике «Россия и мир» своё прочтение сборника «Быть чеченцем. Мир и война глазами школьников», выпущенного обществом «Мемориал» к десятилетию первой чеченской войны, предлагает доцент Литературного института Татьяна Сотникова. Священник Андрей Лоргус убеждён, что «Война – это торжество ненависти».

В рубрике «Гнозис» Михаил Эпштейн, публикуя статью «Третье философское пробуждение (1960–1980-е)», считает, что «первоочередная задача современной русской мысли – исторически осознать своё недавнее советское прошлое, особенно его позднейший, послесталинский период».

А.Я.

Героический тенор

Перед тем, как взяться за перо, решил ещё раз просмотреть новую повесть драматурга и прозаика Александра Мишарина «Голос», опубликованную в первом номере журнала «Москва» за 2005 год.

Но «просмотреть» не получилось. Как зацепился за первые страницы, так и прочёл заново небольшое это сочинение от начала до конца, не пропуская ни единого слова. И радовался, и удивлялся, и слёзы счастливого пронзительного сопереживания наворачивались не раз.

А повесть о том, как человек нашёл, обрёл себя, свою сущность, своё истинное предназначение.

Нельзя сказать, что с тех пор, как великий сказочник обозначил эту во все времена больную, щемяще тревожную тему в своём «Гадком утёнке», ничего примечательного не было сказано, написано, снято по этому поводу. Но с годами, чем дальше, тем больше, всё это сводилось в основном к лёгкому, развлекательному жанру.

Повесть А.Мишарина читается легко, с увлечением, но к разряду лёгких, развлекательных её никак не отнесёшь... Было сказано: «Когда человек растёт, ему всегда больно». Именно этого рода боль не посетит, а осенит, вот именно осенит каждого, кто будет вникать в историю Луки Мордасова – главного героя повествования, который на сломе жизни, где-то к сорока годам нашёл, казалось бы, совсем немногое. Голос. Свой истинный, настоящий голос.

Однажды вдруг обнаружилось, что он вовсе не тот заурядный лирический баритон, в качестве которого он много лет уныло подвизался в театре оперетты, а...

Цитирую: «...И когда он, чиня водопроводную трубу в Вероне у небольшого, увитого плющом домика, пел про себя русские песни, открылось окно на втором этаже, и седой, пухленький старичок позвал его по-итальянски.

Он сначала подумал, что обращаются не к нему, и даже огляделся по сторонам.

– Ты, ты! Зайди ко мне. Поднимись...

Это и был несравненный синьор Бонелли. Самый главный человек в его жизни. Святой! Просто Святой! Он сидел за старым пианино, долго смотрел на Луку, потом нахмурился почему-то и сказал требовательно:

– Повторяй за мной! – И начал играть гаммы.

Лука сначала осторожно, а потом всё смелей повторил за ним ноты.

– А можешь взять выше?

Лука смог, даже почувствовал какое-то облегчение от более высокой тональности.

– Почему ты пел баритоном? – словно рассердился на него Бонелли. И старик стал играть в ещё более высокой тональности. – Ну! Ну! – прикрикнул он. – Отпусти мышцы в горле, свободней дыши. Вот так! Так! Молодец русский! Давай, русский!

Старик сиял и смеялся. Он играл гаммы всё выше и выше по тональности. И Лука не отставал, сам не веря, что это происходит с ним, что это его голос. Его голос!

– Да у тебя же почти три октавы! – не веря сам себе закричал синьор Бонелли. – Как же тебе могли ставить такой голос? Ай-ай-ай... Настоящие варвары. Ты же классический тенор. Притом не сладкий, лирический, а настоящий... Ты понимаешь, ты – героический, настоящий героический тенор! Ты понимаешь, сколько нам ещё нужно работать? И как работать! – Глаза старика сверкнули каким-то дьявольским огнём. – Я буду делать из тебя артиста!.. Как Марио дель Монако, как Марио Ланца... – Его голос взлетел. – Как Карузо! Как Таманьо! – И добавил чуть тише. – А может быть, и выше!»

Много говорилось о том, что мир, в котором есть Моцарт, Сервантес, Эйнштейн и мир, в котором их нет, – это два различных мира. Талантливый человек, «поющий своим голосом», принципиально меняет среду обитания. И чем больше, свободнее этот талант, тем она шире. Для гения это – весь мир. Некая, доселе неведомая, как бы нездешняя энергетика добром и надеждой пронизывает всё сущее.

Она зовёт, требует, побуждает. И она заразительна. Заразительна для всякой живой, неугасшей души.

– Найди свой голос! – говорит она.

– Но я не поющий...

– Всё равно. Ибо есть второстепенные, непрестижные дела, работы, занятия, но нет и не может быть второстепенного, непрестижного призвания. Одни находили его на пути аскезы и созерцательного одиночества, в уходе от быта, от вездесущей изнурительной жизненной толчеи, другие – и к таким, безусловно, относится герой повествования – в самой живой жизни, где есть место и подвигу, и горькому душевному промаху, и высокому честолюбию, и простому человеческому тщеславию... В повести путь героя – это дорога проб и ошибок, с тревогой, с метаниями, с постоянным перебором вариантов... До боли знакомая Москва, до боли привычный Театр оперетты. И вдруг сорвало, понесло его по дальним чужим странам: «...Жил как мог – спасался от бед, от нищеты, от опасностей, от позора... Сидел в ночлежках, в лагерях для перемещённых лиц. Работал посудомойкой, собирал яблоки в Австрии, в Испании, преподавал русский язык в Италии, выгуливал собак в Швейцарии, убирал туалеты на Мальте, был сторожем канатной дороги. Кем только не был! За что ни брался, чтобы выжить. Заработать на кусок хлеба... Но всегда у него была какая-то надежда...»

На что же он надеялся? На милость Всевышнего, на счастливую случайность? Да, и на случайность тоже. И не напрасно. Ибо в конце концов произошло то, о чём сказано у поэта Аргези: «И вот столкнулись БОЛЬ и СЛУЧАЙ»... Боль – это нажитое героем в скитаниях острейшее, жалящее чувство сиротской ностальгии, а случай – старый итальянец синьор Бонелли, под окном которого Мордасов про себя, как бы забывшись, пел русские песни.

Вторая половина повествования – это двенадцать дней в Москве после долгого, многолетнего отсутствия. Двенадцать дней болезненного и окрыляющего возвращения к истокам.

Наши дни, двадцать первый век. К этому времени Лука Мордасов – всемирно известный артист, триумфально прошедший едва ли не по всем выдающимся оперным сценам мира. Всюду желанный певец, человек в глубинной сущности которого, казалось бы, есть, есть всё, чтобы сказать: вот он я, Господи, я нашёл, построил, осуществил себя по твоему велению!

Но до встречи с Москвой, той давней и нынешней, до встречи с женщиной, первой, желанной и брошенной, со взрослым сыном, которого он никогда не видел, со старым другом – озарённым, умирающим в безвестности, спившимся композитором, с его невероятно тяжким и небесным хоралом в Мордасове было, было всё бесценное, приобретённое, накопленное, выстраданное душой и разумом, но было в каком-то как бы аморфном состоянии. И вот – кода, апофеоз. Кристализация!

Прощаясь с героем, уносишь его с собой. Надолго? Нет, навсегда. Большая тяжёлая ноша, если разобраться. Но это та тяжесть, с которой легче жить.

Леонид ЗАВАЛЬНЮК

ПОЭЗИЯ

Владимир СКИФ

Письма современникам

ВАСИЛИЮ БЕЛОВУ,
автору книг «Привычное дело», «Кануны», «Год великого перелома»

Вы твердите о судьбе и воле,
О своей истерзанной земле.
Русское немереное поле
Светлячками светится во мгле.

Поле, поле с терпкою травою,
Крапленое оспою войны,
Как лицо Отчизны роковое
С ковылём и былью старины.

Видится мне, как Белов Василий
Бьётся за хозяина земли!
...Вотчину обугленной России
Бесы по кускам разволокли.

Кажут бесы зеркало кривое,
Чтобы нас от поля отпугнуть.
Как же нам наследство вековое
Русскому крестьянину вернуть?

Чёрный коршун над Россией кружит,
Слышен клёкот, как во тьме веков.
В тёмном поле шевелятся души
Убиенных русских мужиков.

ГЕННАДИЮ КРАСНИКОВУ,
автору книги «Птичьи светофоры»

Опять нас поглотили коридоры
Из тьмы и дыма. Дьявола игра!
Вверху мигают птичьи светофоры:
Пора спасаться и спасать пора!

Нам снится край
нетронутый, весенний,
Где тает снег, буравится ручей.
Мы оживаем. Вот оно, спасенье,
От суеты и дьявольских речей.

Спешим туда! Но те же коридоры
Встречают нас в том месте,
где цвело
Сверло ручья, где тропки и заборы
Привязывали к Вечности – село!

Там нет уже ни аиста, ни друга.
В умершем доме рухнул потолок.
Истлевшая валяется подпруга
И колокольчик – лошади брелок.

Мы в тупике –
колумбы христофоры,
В какие земли пробиваем след?
Вверху погасли птичьи светофоры,
И мир пустынен, безобразен, слеп.

...Среди пожаров с думою о хлебе
Глаза друг другу силимся открыть...
А Малая Медведица на небе
Земле могилу начинает рыть.

ГЕННАДИЮ ГАЙДЕ,
автору книги «На склоне сентября»

Словно знамя вечное Победы,
Занялась вечерняя заря.
Хороша застольная беседа
У тебя на склоне сентября.

Медленно темнея на востоке,
Как аршин сложилась высота.
Наливай рябиновой настойки
Прямо из осеннего куста!

Поднимай хрустальные бокалы
Из живого утреннего льда!
Выпьем за сияние Байкала,
За слиянье Сердца и Креста!

Бабье лето падает на плечи,
Поцелуи женские даря.
Осень листья или карты мечет
На спалённом склоне сентября.

Пусть она ворожит. Ты не сетуй,
Что по склону катится листва,
Как сердца загубленных поэтов,
Как летит на плаху голова.

Вот мы и сподобились на встречу
Посреди разорванных миров...
За поэтов, птиц и прочих певчих
Выпьем пламя русских вечеров!

Призакрылась раковина неба,
И среди хвоинок или стрел,
Освещая сразу быль и небыль,
Красный жемчуг солнца догорел.

Всё куда-то сдвинулось со света,
Но живыми токами сквозя,
Наша продолжается беседа
И не прерывается стезя!

АНАТОЛИЮ АНОСОВУ,
иркутскому художнику

Звенели малахитовые травы,
С корнями вместе в небеса рвались.
И насекомых тучные оравы
Порхали, стрекотали и дрались.

Среди цветов оранжевых и белых
Сновали сотни пчёл и мотыльков.
Ты из лучей и радуг переспелых
Ваял полотна будущих веков.

Бурундуки качались на качелях,
И фехтовали клювами грачи.
Висело небо на байкальских елях,
И сети игл сушили кедрачи.

Ты человечьи сбрасывал оковы,
Ты перевоплощался.
Ты летал,
Как мотыльки, как ласточки и совы,
Жарками и багулом расцветал.

Всё это было ощущеньем лета
С дождинками и пулями в крыле,
И всем, что нам отмерено на этой
На сладкой и отравленной земле.

НИКОЛАЮ ТЕРЕЩЕНКО,
охотнику, путешественнику, автору очерков о тулунской тайге

Присаянье – подобие рая,
Заповедный мерцающий снег.
И безлюдье от края до края,
И неслышного времени бег.

Тишина широка и бездонна
До ответного звона в ушах.
В небесах застревает ворона
Или чья-то живая душа.

Мощь стволов, сухожилия веток –
Совершенства невиданный пир.
Присаянье – становище света,
Охраняемый Господом мир.

Задохнёшься его красотою,
Обоймёшь цепенеющий лес,
В зимовьё, по-мужицки простое,
Будто скатишься с ясных небес.

У печурки оттаешь душою
В разговорах о русской зиме
И уставшее тело большое
Разбросаешь на тёплой кошме.

И в ночи не заметишь оттенков
И летучих следов кабарги,
Но услышишь,
как бьётся за стенкой
Своенравное сердце тайги.

БОРИСУ ЧЕТВЕРЯКОВУ,
инспектору Магаданской рыбоохраны

Красной рыбою дыбится Ола-река –
Океанский лосось нерестится,
Словно вечное время
сквозь мышцы-века
Животворною кровью сочится.

Серебрятся лососи, играют с утра,
По реке поднимаются плотно.
Как прекрасна
смертельная эта игра,
Всемогущему Богу угодна.

Над водою лосось на особый манер,
Как свободная птица, взлетает.
За полётом горбуши
следит браконьер,
И горбуша в глазах – золотая!

Всю-то ночь по заливам
снуют катера,
По кустам – браконьеров армада...
Янтарём окровавленным
хлещет икра
Под ножом молодого пирата.

Ах, ты горестный край.
Магадая. Колыма.
Запах крови над морем витает.
Здесь горбуша
шикарные «строит» дома,
Где убийцы её обитают.

Исчезает горбуша, её уже нет.
А где зэки стонали от дыбы,
Оставляют разбойники
гибельный след –
Горы мёртвой, распоротой рыбы.

Вот и вся недолга.
Раньше пела река,
Выводила бессмертное соло.
А сегодня, смотри! – поперёк косяка
Катит крючья могильщица Ола.

Ставит сети и бредни
завзятый рыбак,
Бессловесную ловит горбушу,
А мне кажется,
ловит колымский «амбал»
Чью-то бедную, слабую душу.

Известному иркутскому поэту, давнему автору «ЛГ» Владимиру Скифу 17 февраля – 60 лет. Жизненный путь поэта всегда был связан с временем и судьбой страны, юбиляр служил на Тихоокеанском флоте, в морской авиации, окончил Иркутский госуниверситет (факультет журналистики), впервые напечатался в 1961 году. Выпустил несколько книг стихов, две книги пародий, книгу стихов для детей, автор цикла песен. Поздравляем Владимира Петровича с юбилеем, желаем ему сибирского здоровья и вдохновения на благо российской словесности.

Контактные телефоны для заинтересованных лиц – представителей книгоиздательств и книжной торговли: 208-95-24, 208-91-62.

«Свой среди чужих, чужой среди своих» – повесть о генерале Якове Слащове можно было назвать так. Но, увы...
Михаил Булгаков назвал свою книгу о нём «Бег», выведя его под псевдонимом Роман Хлудов.
С тех пор как узнал, что прототип – не вымысел, и чувствовал, что он – мой герой.

Всё, что написано, – правда, любая сцена с реальными лицами русской истории задокументирована. Несколько лет жизни я провёл среди бумаг, собирая их по всему свету, в тиши архивов, в пыли эмигрантских журналов тиражом в несколько сотен экземпляров, иногда же – беседуя с теми, кто ещё жив, перешагнув столетний рубеж.

И мир, чем дальше я шёл, всё явственнее становился с ног на голову.
Или наоборот, перевернувшись тогда, в 1917-м?
И всё время то рядом, то поодаль шёл со мной преданный и оболганный, убитый и невоскресший, в длинной кавалерийской шинели с бурым грязевым подбоем последний правитель Крыма, всадник и вешатель, генерал Яков Слащов.

Непрощённый

Игорь ВОЕВОДИН

11 января 1929 года, Москва, Красноказарменная улица, д. 3.

...Солнце отражалось от жёсткого наста миллионами крохотных зеркал. Зимнее утро, прихваченное рождественским морозцем, кричало, пело, звенело о радости бытия птичьими голосами, скрипом снежка под ногами прохожих, далёким малиновым звоном с Крутицкого подворья и с Елоховки – такие редкие теперь звуки...

Человек, прятавшийся в тёмном углу коммунального коридора флигеля казарм, где проживали преподаватели школы «Выстрел», между старинным буфетом и книжным шкафом, перевёл дыхание. Здесь было тепло, даже душно от чуть пригоревшей печки. Из большой светлой комнаты, прямо напротив, сквозь приоткрытую дверь доносилось уютное сопение самовара, шаги, позвякивание ложечки о хрусталь.

– Яков! Ты идёшь? – мелодичный женский голос позвал как будто издалека. – Идёшь? – повторила она нараспев.

– Иду, – раздался в ответ тяжёлый голос, лишённый интонаций. Скрипнула дверь кабинета, заныли, застонали половицы, и в проёме дверей, в лучах солнечного света показалась высокая фигура.

Человек в углу взвёл курок нагана. Вошедший увидел его перекошенное, напряжённое лицо с повисшей на носу каплей пота и разглядел наставленное на него дуло револьвера.

Он усмехнулся.

Квадрат солнца высвечивал теперь две фигуры – высокую, прямую убиваемого и согбенную – убийцы, как на картине Николая Ге «Что есть истина?». Но если и был высокий похож на Пилата, то уж никак – низкий – на Христа.

– Но ты, ловец, в какую даль проник за мной и вот поймал меня... – усмехнувшись, сказал высокий своим мёртвым голосом, смотря в лицо убийцы, и на него глянули, показалось высокому, три глаза – собачьи и револьверный.

В наступившей тишине было слышно, как шуршали за обоями мыши. Человек в углу, стараясь не стучать зубами, крепче сжал рифлёную рукоятку нагана. Капля, повиснув на его носу, нехотя, как бы раздумывая, сделала движение вниз и оторвалась от пористой кожи. В верхних, цветных, как изразцы, стёклах буфета отразилось навсегда уходящее от высокого солнце.

Так встретил утро 11 января 1929 года бывший последний властитель Крыма генерал Яков Слащов.

Москва, 25 октября (7 ноября) 1917 года.

Вечер был холоден, но в воздухе густо посеяно что-то, что случается только весной или летом, в час невыносимо душного заката или перед грозой, когда уже нет сил дышать и нечто невыразимо ужасное вызревает в атмосфере. Словом, надвигалось – но никто не знал что.

Фонари на Тверской горели, но обычно праздная толпа выглядела настороженно. Повсюду шлялись солдаты в шинелях с отстёгнутыми хлястиками, иногда – с бабами и гармошками, но всегда – при оружии. У памятника Пушкину какой-то человек, по видимости, студент, бросал в толпу жгучие слова, долетало лишь: «Свобода... смерть... смерть... смерть...» Собравшиеся гудели и хлопали.

Человек в пролётке с длинным бледным лицом, узкими губами и в цилиндре, в шубе на хорьках, прислушался. Но студента стащили с пожарной бочки, в толпе послышалось: «Ай, убьют, убьют», и над головами замельтешили пудовые кулаки дворников. Раздался и тут же умолк даже не крик и не визг – а горловой писк, так верещит подстреленный заяц, делая последний отчаянный прыжок.

Человек в пролётке поморщился и сказал извозчику:

– Ну, пошёл, пошёл!

– Нету, ваше благородие, – ответил тот, едва повернувшись, так, что казалось, будто говорит его обширный зад. – Нету пути, всё перекрыто!

Седок привстал и убедился, что вся Тверская улица запружена народом, встало движение и в переулках.

Протянув двугривенный извозчику, человек в цилиндре сошёл на землю и стал продвигаться в сторону Петровского театра. Некоторые в толпе ему кланялись, он отвечал не глядя. Это был знаменитый Пьеро декаданса Александр Верцинский, и он шёл на последний в истории той России концерт, свой бенефис.

Внезапно дорогу ему преградили двое матросов. Один заросший до бровей, сутулый, другой – высокий, с открытой, напудренной грудью и таким же лицом, с женскими бусами на шее, и с ними еле держащаяся на ногах девчонка лет двенадцати, пьяная вдрызг.

– Дай нам на кокаин, товарищ! – сказал напудренный, заступив дорогу артисту. – Дай авангарду коммунизма, не жалей!

Верцинский переступил с ноги на ногу и тоскливо обернулся. Толпа вмиг поредела, и все только что раскланивавшиеся волшебным образом улетучились.

– Дай, сволочь! – вдруг заревел лохматый и схватил Верцинского за отвороты его щегольской шубы. – Укушу, гад, я сифилитик!

Цилиндр упал с головы певца, он что-то проговорил, испуганно и моляще. Второй матрос, глядя безумными глазами, достал маузер и приставил ко лбу артиста.

– Уйди, Тимоха, забрызгаю, – просвистел он, и второй, охнув, отскочил. Певец взмок, глаза растерянно бегали, не помня себя, он бормотал:

– Не надо! Не надо, ненадоненадоненадонена...

Наступила небывалая тишина, лицо наркомана исказила судорога, он крепче сжал рифлёную рукоятку.

Помощи ждать было неоткуда, оставалось одно – пропадать.

– Отставить, матрос, – раздался как с небес низкий и властный голос. Сказано было это негромко, но так, что напудренный не выстрелил, а повернулся к говорящему.

Перед ним стоял высокий офицер в шинели с полковничьими погонами. Холёные усы, гибкая фигура – всё говорило о барстве и довольстве, но вот глаза из-под лакированного козырька горели нешуточной ненавистью.

– ...Стать... Смирно! – скомандовал он. Матросы замерли, не реагируя. Офицер не крикнул, а вытолкнул звук: – Смирно стоять, тварь! Пристрелю.

Секунда – и наган упёрся матросу в живот.

Тот подобрался, рука сама собой вмахнула маузер в кобур, а другая всё пыталась нащупать вырванный с мясом крючок бушлата. Лохматый уже стоял во фрунт и ел глазами полковника.

Тишина сгустилась и стала вязкой.

Полковник, продолжая держать наркомана на мушке, взял его оружие и высыпал патроны на снег, потом, помедлив, швырнул маузер в сугроб. Матросы проводили пистолет ошалелыми глазами.

– Кру-гом! – скомандовал офицер, и матросы повернулись через левое плечо на одном каблуке.

– Бегом... арш! – отрывисто бросил тот, и оба бушлата исчезли за углом. Оставшаяся не у дел девица изумлённо икнула.

Полковник убрал револьвер в карман шинели, кинув руку к фуражке, произнёс:

– Позвольте представиться... Слащов Яков Александрович, командующий Московским гвардейским полком, к вашим услугам.

Верцинский сглотнул, шумно выдохнул и, схватив руку спасителя, заговорил:

– Боже мой, спасибо! Спасибо, полковник! Вы спасли мне жизнь, parole d'honneur!

– Жизнь – это не самое главное, господин артист! – произнёс тот. И, глядя в глаза Верцинскому, добавил:

– Voila...

Петроград. Зимний дворец с 24 на 25 октября (6 на 7 ноября) 1917 года.

– Господин поручик! – юнкер Шварцман вытянулся перед поручиком Синегубом. – Там казаки дезертируют, хотели царскую молельню ограбить – наши юнкера не допустили, так они их «жидами» кроют, как бы до стрельбы не дошло... – капли пота стекали из-под фуражки, веснушки горели, но в глазах юнкера читалась обречённость.

– За мной! – крикнул Синегуб, выхватывая наган и бросаясь в коридоры. Шварцман, подхватив винтовку, побежал следом.

Рота уральских казаков покидала Зимний. Подхорунжий, тот самый, что рассказывал Синегубу о сплошных жидах вокруг Ленина, теперь наскакивал на братьев юнкеров Эштейнов, нёсших пост у молельни.

– Шкуры вы, черти, а не станичники, – едва сдерживаясь, бросил ему в лицо Синегуб. – Бежите, крысы, так хоть пулемёты оставьте. У меня полвзвода Инженерной школы – евреи так не бегут, как твои православные станичники... Вот вы и есть христопродавцы! – закончил поручик.

Подхорунжий смутился, постоял и крикнул:

– Ермолаич! Оставь им пулемёты, нехай...

Затем, помедлив, добавил остающимся:

– Да вы не серчайте... Молодые вы ещё, пороху не нюхали. А народ, вишь, не здесь, а с Лениным. Ну а мы все семейные да детные. Не за что нам тут, коли весь народ против.

И, уходя, ещё раз обернувшись, добавил, но уже просительно и робко:

– Шли бы и вы, хлопчики, а! – И, глядя в бледные, но суровые лица молодёжи, со вздохом произнёс: – А только не выжить вам. Фронтовик я, печать вижу. Ну, Господь с вами, – и, неожиданно осенив остающихся крестом, вышел.

Синегуб окинул взглядом своих юнкеров. Ему показалось, что он тоже ясно видит печать смерти на юношеских лицах. Но он знал: они не уйдут. И он, поручик, не изменит долгу.

Хотя изменять было уже некому. За стеной пьянка офицеров Генштаба, договорившихся с солдатами о невмешательстве, достигла апогея. Большая часть валялась под столами, так что даже офицерская обслуга беспрепятственно насиловала гостий. Те, полубесчувственные, не разбирали, кто их кроет, хотя некоторые отдавались напропалую на столах и коврах.

Полковник Генерального штаба, получив приказ из Смольного, строчил на бумаге списки офицеров, сохраняющих нейтралитет. Седенький и пьяненький генерал, сидя рядом, приговаривал:

– Да-с... Там головы, должно быть... А меня семь лет в званиях обходят, так-то-с...

– Господин поручик, ударная рота женского батальона смерти на охрану дворца прибыла! – перед Синегубом, исполнявшим обязанности помощника коменданта дворца, выросла стройная белокурая красавица в форме подпоручика.

Синегуб молчал. Потом, пересилив себя, сказал:

– Располагайтесь с моими юнкерами на баррикадах во дворе. Но имейте в виду, дело положительно проиграно, большевики уже на верхних этажах, и если не произойдёт чудо...

Чуда не произошло. Пьяная, накокаиненная толпа – некоторые источники рассказывают, что водку в Смольном раздавали с грузовиков, а кокаин – килограммами, почуяв женщин, смела все укрепления. Из 224 ударниц начальнику школы прапорщиков Северного фронта Освальду фон Прюссингу, также бывшему в охранении дворца со своими юнкерами, удалось спасти всего 26, переодев их в форму юнкеров и спрятав в строю своих, которых пропустили большевики, охваченные угаром грабежа и насилия.

Поручик Синегуб, отдав все деньги, что были при нём, какому-то из наступавших солдат, но с Георгием на шинели, выходил из дворца с единственным из юнкеров, кого ему удалось найти в пожаре и хаосе, – юнкером Шапиро.

Солдат вёл их тёмными лестницами, утихал вдали шум оргии, как вдруг навстречу метнулась маленькая фигурка. Поручик успел бы выстрелить, если бы не разглядел, что фигурка совсем подростковая, хотя и в форме. Ему ткнулся в грудь и истерически зарыдал мальчишка-кадет, фуражка его скатилась с головы, он обхватил руками офицера и рыдал, рыдал безутешно, по-детски.

– Не... не ходите туда... – едва мог вымолвить он.

Солдат зажёг трофейную зажигалку, и их глазам предстала невыносимая по своей жестокости картина. Глаза отказывались верить, но это было.

У входа в Георгиевский зал, в углу, пламя зажигалки выхватило обнажённую человеческую ногу, привязанную к стенному канделябру, груду внутренностей, вывалившихся из живота, другую ногу, прижатую мёртвым телом красногвардейца. Рядом вытянулся солдат, держа в зубах мёртвой хваткой левую руку жертвы, а в руках – её юбку. Отверстие в его голове показывало, отчего он умер. Лицо женщины покрывала нога матроса, тоже мёртвого.

Провожатый и Шапиро с трудом сдвинули матроса. Женщина, чьё лицо они хотели – и страшились – увидеть, в предсмертной муке вцепилась зубами в его ногу, а правой рукой вогнала в сердце насильника кинжал.

Оттащив труп, они узнали белокурую командиршу ударниц...

...На Мариинской площади, близ памятника Николаю I, их остановили матросы. Но провожатый, оказавшийся взаправду большевиком, убедил матросов, что офицер, юнкер и кадет – «наши». Те недоверчиво повздыхали, повертели в руках мандат большевика, но отпустили.

Дождь и снег сеялись над Петербургом. Плясало над Невой пламя пожарищ, ещё стреляли, но боя уже не было – достреливали последних. Россия пала.

– А ударницы эти, – прервал паузу солдат, – ну, бедовые были... Одна полроты выдержала. Таких мы, понятное дело, к себе записываем... А какая не давалась – ну, тех ребята рвали...

На освещённых пожаром баррикадах тут и там виднелись трупы юнкеров и ударниц. Причём женщины, раздетые догола, были посажены на баррикады верхом, и мёртвые удерживались воткнутыми в них штыками.

– Ну, прощевайте, господа хорошие, – промолвил провожатый. – Авось не увидимся боле...

И он зашагал обратно. Тут только Синегуб увидел, что он держит в руках фуражку кадета, которую и не заметил, как поднял.

Водрузив фуражку на голову мальчишки, переставшего наконец рыдать, поручик спросил:

– Вас как зовут?

Тот шмыгнул носом и, козырнув, ответил:

– Александровского училища седьмого класса кадет Ла Форе. Де Ла Форе, – добавил он чуть смущённо.

– Вы что же, по своей воле в Зимнем оказались? – спросил Шапиро.

– Никак нет, господин портупей-юнкер, – ответил мальчик, – не по своей воле, а по совести...

– Скажите, кадет, – помедлив, спросил Синегуб, – оружие у вас есть?

– Есть, – ответил мальчик, как-то странно взглянув в глаза Синегубу.

Тот помолчал и спросил:

– Кадет... Этих двоих... вы?

– Я, – просто ответил мальчик. – Её только спасти не успел...

Он снова сморщился. Поручик положил ему руку на плечо, и они пошли втроём, растворяясь в темноте мокрых улиц.

10 сентября 1919 года, Украина, Ставка III армейского корпуса генерала Слащова под Бердичевом.

Несмотря на совсем летний день, генерал кутался в свою ветхую шинель. На столе хаты богатого крестьянина стояли мёд и хлеб, крытые рушником со сказочными птицами, ординарец-донец возился в углу с самоваром. Было тихо, казалось, природа устала воевать, всё замерло, разморенное малороссийским полднем, и лишь только мухи, прилипшие к клейкой ленте-мухоловке, свисавшей с потолка, жужжали и звенели неугомонно, и особенно усердствовала одна, жирная, с зелёным отливом. Она жужжала громче всех и не просила – требовала.

Генерал посмотрел на неё больными глазами – он всё хуже спал в последнее время, хотя и находился пока ещё в хорошей форме. Но вот мухи, мухи, Господи, какая гадость, засрали Россию эти мухи...

Нина Николаевна неслышно встала из-за стола и, подойдя сзади к мужу, осторожно и нежно стала массировать ему шею и голову. Побагровевшее лицо генерала, стянутое маской отдалённой, только зарождающейся, но неотвратимой боли, слегка разгладилось.

– Спасибо, Ниночка, – уронил он чуть позже. – Это всё нервы, нервы... «Боже мой, – томился между тем генерал, – это она... опять она, ужасная, неотвратимая мигрень, при которой болит полголовы и невозможно думать...»

Внезапно в сенях послышался шум, кудахтанье попавшей кому-то под ноги квочки, гром ведра, чертыханье, и перед генералом появилась небольшая ладная фигурка его адъютанта Ла Форе. «Барон Александр Де Ла Форе», – как, рисуясь, чуть грассируя, представлялся его адъютант вполне созревшим под южным небом девицам в городках и местечках, и у тех сладко замирали сердца: петербуржец, аристократ и душка военный!

На сей раз дамский угодник был бледен, взъярён, и глаза горели угольями на его едва ещё знакомом с бритвой лице.

– Ваше высокопревосх... Разрешите! – спросил он, роняя руку в перчатке от околыша корниловской, чёрной с белым кантом фуражки.

– Что вы, корнет, как в оперетке нечистая сила, всегда не вовремя являетесь? – недовольно спросил Слащов. Но в его надтреснутом голосе чувствовалось, что он любил этого юношу, и Нина Николаевна, погладив корнета своими лучистыми глазами, показала, что всё нормально и можно говорить – генерал ворчит по привычке.

– Яков Александрович, вы видели, кто от командующего прибыл? – спросил Ла Форе.

– Ну, видел... Этот... как его... Товарищ министра, что ли... Из Освага (Осваг – отдел информации и пропаганды при штабе Деникина. – **Авт.**). Как его, дьявола... А! Пейдар. Он ещё с Гучковым в Думе шелупонился.

– Ну, так и есть! Ваше высокопревосх... Господин генерал! Помните, я вам рассказывал, как моя матушка с сестрой Нестерович из Комитета солдат бежавших из плена офицеров на Дон переправляли? Да они же и вам помогли, Яков Александрович!

Генерал показал, что помнит.

– А помните, я рассказывал, когда генерал Алексеев срочно просил денег для эвакуации офицеров из Одессы и Севастополя перед погромами? Они к Гучкову ходили, на коленях стояли, да тот денег не дал, помните?

Генерал смотрел на адъютанта не шевелясь, и донец в углу замер, сжимая в руках сапог, стянутый с трубы самовара.

– Так вот, эта гнида с Гучковым сидела, икру с осетрами жрала, а им отказали, и восемьсот офицеров тогда в одном Севастополе матросня разорвала, и брата моего первым, помните? Да я рассказывал вам, ваше превосходительство, он мичманом был и погнал с корабля эту Островскую, большевичку из Совдепа, что к бунту призывала! Ни копейки с Гучковым они не дали, а он сейчас с жиру лопается, ваше превосходительство!

Слащов смотрел на своего адъютанта в упор, и боль в правой стороне черепа разгоралась, пульсируя, и генерал чувствовал, что безумие, чёрное, душное, накатывает на него, он уже не слышал корнета, в его голове живьём вставали рассказы очевидцев и сухие строки отчёта деникинской контрразведки о событиях в Крыму.

Евпатория, 18 января 1918 года, Крым.

...Кованая крышка сдвинулась и поехала в сторону, и чья-то рожа, появившись в просвете, скомандовала:

– А ну выходь...

Гидрокрейсер «Румыния» покачивался на морской зыби, чуть поодаль – транспорт «Трувор».

Офицеры выходили поодиночке, разминая суставы и жадно глотая свежий морской воздух. На обоих судах к казням приступили одновременно. Светило солнце, и толпа родственников, жён и детей, столпившихся на пристани, могла видеть всё. И видела. Но их отчаяние, их мольбы о милосердии только веселили матросов.

– Пожалте, господа, – издеваясь, пригласил безносый и колченогий матросишка. – Кто первый желат?

Штаб-ротмистр Новацкий шагнул вперёд. Не затем, чтобы подать пример остальным – сильно израненный, он истекал кровью, и просто не было больше сил терпеть эту боль.

Островская, худенькая и стриженая дамочка, в недавнем прошлом из курсисток, а ныне комиссар и анархистка, с белыми глазами и узкими, как лезвия, губами, улыбнулась.

– Нельзя так, товарищи, – слукавила она, обращаясь к толпе матросов. – Ранен человек, надо перевязать. Знаете, сколько зрителей на берегу? Потом обвинят нас в бесчеловечности...

С Новацкого сорвали форму и отодрали бинты, причём он трижды терял от боли сознание и трижды его отливали водой.

Вой донёсся с берега, где бился в руках у матери его 12-летний сын, и она закрывала ему глаза ладонью, не в силах отвернуться сама.

Штаб-ротмистра перевязали, и матросы поволокли его в трюм, к топке. Её пламя бушевало, разбрасывая вокруг адские отблески. Новацкий взглянул в огонь и мгновенно стал седым. Островская, срывая голос, заголосила, запричитала, завизжала, закликушествовала:

– Именем революции... Славные соколы, альбатросы анархии, покончим с прошлым, и пусть огонь примет эту жертву!

Среди матросов поднялся ропот, но безносый и второй, в драном тельнике, схватили Новацкого, пригнули голову и швырнули его внутрь.

Ужас сковал окружающих. Пронзительно закричал, заверещал человек в топке, но за ним тут же захлопнули заслонку – чтобы не выскочил...

Островская перевела дух. В ней всё пело, как после оргазма, и она предвкушала новые и новые приливы удовлетворения.

– Давай! – махнула она, возвращаясь на верхнюю палубу, и следующая казнь началась.

Но действо разнилось на «Труворе» и «Румынии».

На гидрокрейсере обнажённую жертву после издевательств обычно пристреливали, прежде чем кинуть в море. Некоторых бросали и живыми, связав руки и ноги и оттянув к ним голову. Вся семья полковника Сеславина в полном составе стояла на коленях на пирсе и молила о пощаде. Его пощадили – он не сразу пошёл ко дну, и с борта какой-то матрос добил полковника выстрелом в голову.

На «Труворе» отрезали жертве губы, уши, нос и гениталии, иногда руки, и бросали в воду живыми. За двое суток казней на обоих судах погибли 300 человек. Каждого мучили минут пятнадцать – двадцать...

10 сентября 1919 года, ставка генерала Слащова под Бердичевом.

Генерал медленно раскрыл глаза. Был ещё полдень, но над селением как будто потемнело, небо хмурилось, обещая спасительный дождь.

– Вы сейчас, корнет, немедленно отправитесь с донесением к генералу Бабиеву. Донесение

чрезвычайной важности. И никаких разговоров! – крикнул генерал, видя, что корнет собирается взмолиться. – Ждать донесения в контрразведке. Василий, проводи! – крикнул генерал донцу.

Тот, поймав взгляд Слащова, кивнул и вышел козырнув.

– Полковника Тихого ко мне! – крикнул ему вдогонку Слащов, и через минуту порог хаты переступил чрезвычайно невзрачный, ничем не примечательный офицер, начальник контрразведки III корпуса.

– Вот что, Афанасий Степанович, – сказал Слащов, подождав, пока гость усядется, испросив разрешения. – Что там у вас есть по этому Пейдару из Освага?

Афанасий Степанович чрезвычайно внимательно взглянул в глаза генералу и ответил помедлив:

– Редкая сволочь, Яков Александрович. Из тех чистоплюев демократов, что развалили армию своими речами летом 17-го... Да и на руку, похоже, нечист. Есть у нас сведения, что наживается на армейских поставках. Но не доказано, не доказано-с...

– У меня, Афанасий Степанович, – произнёс негромко Слащов, и рука Нины Николаевны не дрогнула на его затылке, а продолжала массировать – слегка, слегка, – у меня есть сведения, что на него сегодня ночью будет совершено покушение. Успешное, – добавил он, криво усмехнувшись, и снова боль проступила на его лице, а полковник, и без того чрезвычайно внимательный, весь превратился в слух.

– Будто бы этого Пейдара повесят в отхожем месте на подтяжках, когда он ночью туда пойдёт, – негромко продолжал генерал, – но потом окажется, что убийства не было, а было самоубийство, и вокруг деньги валялись и записка: «Возвращаю проклятые деньги».

– Прошу отставки, ваше превосходительство, – проговорил полковник. – У меня таких сведений нет...

– Теперь есть, – веско произнёс генерал. И добавил: – Означенного Пейдара, дабы предотвратить преступление, взять немедленно под стражу, корнета Ла Форе послать к Бабиеву с донесением о завтрашнем выступлении. В караул к Пейдару – самых надёжных ваших людей.

– И вот что, полковник, – добавил Слащов, – я не хотел бы, чтобы ваших людей слишком сильно наказали, когда они не уберегут эту шкуру...

Полковник встал, кивнул и пошёл к выходу. На пороге он обернулся и внезапно спросил:

– Так повесят, генерал?

Полковнику показалось, что на него смотрят четыре глаза – больные волчьи и любящие и измученные – человечьи.

– Непременно повесят, – ответил Слащов, и полковник вышел.

Было тихо. Большая жирная с зеленью муха перестала биться и жужжать, и требовать.

– Voila, – произнёс генерал, обращаясь к жене. – Тебе бы не следовало этого слышать, душа моя...

Нина Николаевна горько улыбнулась и, чуть помедлив, сказала:

– Я пойду с Сашенькой Маше Мерсье письмецо передам... Может, они и сойдутся... Как Вареньку у них на руках в Ледяном походе убили, совсем она одна осталась. Да и нравится ей Сашенька, хоть и оболтус...

Нина Николаевна вышла. Генерал сидел ссутулившись. Ни звука не раздавалось в горнице, и только чуть поскрипывал табурет, когда человек менял положение, да горбились полы его кавалерийской серой шинели с бурым грязевым подбоем.

4 марта 1918 года, Кубань, станица Кореновская.

Бронепоезд Красных войск главковерха Сорокина «Смерть буржуям» стоял у моста, на высокой железнодорожной насыпи, и в упор из башенных орудий расстреливал наступающую на него в лоб 4-ю роту Корниловского полка.

В версте от полотна, возле стога, наблюдал за происходящим, в бессилии ломая пальцы, сам Лавр Корнилов. Резервов больше не было, даже из его личной конвойной сотни текинцев оставалось всего семь человек – тех самых, что пришли с ним с фронта, что не предали, и он никогда не посылал их в бой, этих семерых, если не возглавлял атаку сам.

Бронепоезд бил шрапнелями в упор, каждый залп вырывал из кучки бегущих с гранатами в руках к стальному чудовищу несколько душ, и только они знают, что это такое – наступать в лоб на орудие главного калибра, методично, раз в полминуты, выплёвывающее смерть прямо в лицо.

Слава Господу, что бронепоезд стоял высоко, а пехота бежала низом, иначе на всю роту было бы достаточно одного залпа...

Слёзы текли по калмыцкому лицу Корнилова, старик текинец, расстелив одеяло у его ног, молился на восток.

Зелёное знамя текинцев и их малиновые шаровары – это были единственные цветные пятна того сумрачного дня.

– Бисмилля-у-иль-раха-иль-рахим, – нараспев тянул старик, и в этот момент прямо под колёсами бронепоезда взорвались гранаты.

Несколько человек, уцелевших под шрапнелью сорокинского бронепоезда, сделали своё дело, и лава сорокинцев захлебнулась.

Бронепоезд перестал стрелять даже из пулемётов и торопливо отошёл за мост. Впрочем, остановившись через версту, он сосредоточил свой огонь на мосту, который оседлал пулемётный взвод Офицерского полка.

Белые переходили реку, победа была почти полной, но преследовать сорокинцев не было сил – потери корниловцев в атаке составили до 150 человек убитыми и ранеными, и это не считая потерь в Юнкерском и Офицерском полках...

Два залпа артиллерии бронепоезда – и от пулемётного взвода не осталось почти никого. Атака захлебнулась, белые залегли, и только те, что форсировали реку, продолжали движение вперед.

Поручик Остальский был ранен в живот, его друг и однокашник ещё по Николаевскому училищу поручик Корнецов – в голову, и, сжимая её руками, он мычал и свёртывался в узел.

Несколько офицеров-корниловцев с чёрными от пороховой гари лицами толпились рядом, не стрелял и бронепоезд.

Капитан Ткаченко, стоя на коленях, пытался отжать пальцы от головы Корнецова, чтобы увидеть рану, но тот не давался и всё мычал, и тыкался головой в грязь, и алая кровь всё сочилась меж пальцев.

Остальский медленно открыл глаза. Перед ним, без папахи, с перепачканным порохом, грязью и слезами лицом на коленях стояла Шура Рогова, его невеста, прапорщик пулемётной команды. Чуть поодаль, теребя в руках наган, жался его приятель – прапорщик Офицерского полка Рейнгардт.

– Прощай, Шура, – одними губами, белыми от кровопотери, прошептал Остальский, – не хочу быть помехой в обозе.

– Юра! – позвал он через секунду Рейнгардта, из последних сил зажимая жуткую рану в животе. – Дострели нас, голубчик.

Тот в испуге замотал головой и отступил на шаг.

– Стреляй же, браток, стреляй же, сука, – шептал Остальский, – ну же, Юра, давай, больше невмочь...

И тогда Шура, вытащив свой наган, поцеловала в губы Остальского и, положив руку на плечо Корнецову, добила его в висок.

Затем, глядя прямо в глаза Остальскому, приставила дуло к его голове.

В её глазах сейчас не было ни слёз, ни боли. Была одна сухая решимость и то, что, наверное, зовется любовью, ибо без истинной любви нельзя и убить – так, глаза в глаза.

– Стреляю? – спросила она одними глазами, и поручик, чуть улыбнувшись ей благодарно, опустил веки.

Через секунду голова откинулась, и Шура Рогова, машинально убрав наган в кобур, поднялась и пошла. Перед ней расступились, и она брела вдоль железнодорожного полотна, ничего не видя и не слыша, куда-то в глубь бесконечных степей, и вокруг, в безмолвии, вставали фонтаны разрывов, пули взметали фонтанчики грязи, что-то кричал не сумевший догнать Шуру Корнилов, пыталась прижать её к груди и остановить Вера Энгельгардт, – она всё брела, никого не замечая.

Шура не застрелилась только потому, что в этот день перед боем у неё под сердцем впервые шевельнулся ребёнок.

Она даже не успела сказать Остальскому, что беременна, решив сделать ему сюрприз после боя.

Книга Игоря Воеводина «Непрощённый» выходит в издательстве «Московская правда».

ИЗОЗАЛИ

Рисует Юрий КОСОБУКИН

ЮБИЛЯРИИ

Администрация «Клуба ДС» никогда не чуралась юбилеев. А тут такая дата: исполнилось 75 лет Кириллу Ковальджи, давнему автору 16-й полосы. Размещая его иронические миниатюры на любимых двенадцати стульях, мы не преминем заметить, что читателям «ЛГ» нынешний юбиляр известен и как лирический поэт, прозаик, критик, переводчик.

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

Из цикла «Зёрна»

Конец поэта

Всего лишь переставил буквы:
рифма – фирма…

* * *

Отбрасывая сонную
эпоху вырождения,
забыли про кессонную
болезнь освобождения…

***

Поэт в России больше, чем поэт.
Евг. Евтушенко

Вчера ещё поэты, как витии,
казалось, сотрясали белый свет.
Где вы теперь? В сегодняшней России
телеведущий больше, чем поэт.

МАКРОЭПОХАЛКА

Василий ТРЕСКОВ

Пробки

Раньше пробками только бутылки закупоривали. Сегодня автомобильными пробками закупоривают улицу. Бендюков выезжал на своей «шестёрке» затемно из дома, чтобы не завязнуть в пробках и проскочить с ветерком по ещё свеженьким не заезженным московским улицам. Однако эта гениальная мысль осветила с утра голову не только ему одному. Это он понял, едва выехав со двора. Улица оказалась запруженной автомобилями. За рулём сидели невыспавшиеся пенсионеры и ожесточённо жали педали и ругались матом…

Бендюков буркнул нечто нецензурное в ответ и, совершив пируэт на задних колёсах, перепрыгнул через два автомобиля, затем сделал горку на передних колёсах, прошёлся на них вдоль узкого прохода мимо машин и выпрыгнул за светофором. Впереди была свобода. Он промчался пятьсот метров и застрял перед главной дорогой... Там пробка уже поросла мхом. Грузовики и «мерседесы» проржавели от неподвижности.

– Давно стоите? – спросил он у небритого водилы из троллейбуса.

– Да ещё с прошлого Рождества. Жена посылки шлёт, пассажиры по-пластунски расползлись. Но кое-кто из них навещает. Вот вчера девушка из переднего ряда мне бутерброд с сыром принесла...

Бендюков нажал на газ и, разогнавшись, взлетел над пробкой. Летел долго, пока не вылетел на кольцевую. Едва приземлился, как вокруг всё остановилось. На третьей линии кольца шли ремонтные работы, все потоки смешались в одном движении, которое никто не видел. Бендюков пошёл в штопор, демонстрируя высший пилотаж дорожного движения. На третьей линии его обломал «Мерседес», покрытый танковой бронёй. Вместо передних колёс он лязгал гусеницами. Бендюков не растерялся и, мгновенно разобрав «шестёрку» на двухколёсный велосипед, проэквилибрировал грациозно, как лилипут на одном колесе в цирке.

На работу он прибыл верхом на колесе. Остальное осталось в разных переулках Москвы. Но он не грустил. На работе у него в сейфе был припрятан детский самокат. Так что вечерние пробки ему были не страшны.

VIP-ПЕРСОНЫ

Почему даёт карова

Полтора года назад («ЛГ», 2003, № 31) Администрация «Клуба ДС» с удовольствием представила сборник «Зернистые мысли наших политиков, выбранные Константином Душенко», подготовленный в «Эксмо». И вот на нашем столе уже пятое издание сильно потолстевшей книги. В ней есть чем поживиться любителям юмора и ревнителям родного языка.

▌Система начисления зарплаты станет гораздо сложнее, но интереснее. **Александр ПОЧИНОК**

▌Лучше полный ноль, чем отрицательная величина. **Михаил ФРАДКОВ** *о себе*

▌Сейчас историки пытаются преподнести, что в тысяча пятьсот каком-то году что-то там было. Да не было ничего! Всё это происки! **Виктор ЧЕРНОМЫРДИН**

▌Теперь я пойду с ещё большим забралом. **Михаил ГОРБАЧЁВ**

▌Уже пополэло сверхнормативное количество генералов. **Борис ЕЛЬЦИН**

▌От водки очень многое зависит. Например, моя фамилия приносит мне полтора-два процента на выборах. **Виктор ПОХМЕЛКИН**

▌Его реакция – она всегда. Увидим, будет этот или не будет. Если не будет, значит, такая реакция. Если будет, то никакая реакция. **Виктор ЧЕРНОМЫРДИН** *о Евгении Примакове*

▌Русским может быть только тот, у кого чего-нибудь нет, но так нет, что нет – и хрен с ним! **Никита МИХАЛКОВ**

▌У меня два брата – коммунисты. Один умер, другой ещё живёт. Но он тоже скоро умрёт: он старше меня. **Владимир ЖИРИНОВСКИЙ,** *1996 г.*

▌Клинтона целый год долбали за его Монику. У нас таких через одного. Мы ещё им поаплодируем. Но другое дело – Конституция. Написано: нельзя к Монике ходить – не ходи! А пошёл – отвечай. Если не умеешь. И мы доживём! Я имею в виду Конституцию! **Виктор ЧЕРНОМЫРДИН**

▌Как на духу: у меня с Хакамадой ничего не было. **Борис НЕМЦОВ**

▌Пятьдесят наименований микроэлементов в одной корове. Вот поэтому она и даёт. **Борис ЕЛЬЦИН**

▌Наш народ миролюбив и незлобив. Восемьсот лет провёл в походах и боях… **Геннадий ЗЮГАНОВ**

▌Умный нашёлся! Войну ему объявить! Лаптями! Его! Тоже! И это! Сразу как это всё! А что он знает вообще! И кто он такой! Ещё куда-то и лезет, я извиняюсь. **Виктор ЧЕРНОМЫРДИН** *о Зюганове, 1998 г.*

▌Не успеваю повышать его. Сегодня опять решил повысить. **Борис ЕЛЬЦИН** *о Степашине, 1998 г.*

▌Трёхсотлетие бывает раз в сто лет. **Владимир ЯКОВЛЕВ,** *2003 г.*

▌Простите нас, люди добрые, за всех, кого мы вам прислали из Петербурга. **Елена ДРАПЕКО,** *КПРФ*

▌Властью, данной мне народом, объявляю перерыв на 30 минут. **Геннадий СЕЛЕЗНЁВ**

КЛУБЧИК 12 МЫСЛЕЙ

Ненужные неподкупные

✓ Чтобы увидеть свет в конце тоннеля, надо за него платить.

✓ Сколько линий жизни было перечёркнуто генеральной линией!

✓ В золотом веке серебро считалось мелочью.

✓ Об одном эстрадном авторе: если бы его не было везде так много, никто бы и не заметил, как его мало.

✓ Есть неподкупные, которые и даром никому не нужны.

✓ Когда любишь жизнь, то многое ей прощаешь.

Борис КРУТИЕР

✓ Вращаться в высших сферах светилу не положено.

✓ Светлая личность без чёрного пиара – серая…

✓ Чтобы вовремя одуматься, нужно время от времени думать.

✓ Склероз освобождает память для того, что невозможно запомнить.

✓ Пока на воре загорится шапка, можно столько прошляпить!

✓ Топчась на месте, до чего только не дойдёшь!

Виктор СУМБАТОВ

МИКРОЭПОХАЛКА

Павел ХМАРА

Будем готовы!

Всё есть: и радость жизни,
и достаток.
(Прожиточный, а всё
ж – кормящий нал!)
Но вот на день уменьшился
остаток,
Но вот на день приблизился
финал.
И то, что раньше
было обещаньем
И ожиданьем трепетных
услад,
Теперь воспринимается
прощаньем,
Как зимний
отплодоносивший сад.
Мир будет, может статься,
даже краше
От перемен сезонных лет
и зим.
В нём остаётся
продолженье наше!
Но хочется продолжиться
самим.
На каждое хотенье есть
терпенье.
Пожил – и хватит!
Надо знать и честь!
Но как? Войдите
в наше положенье:
Терпеть способен только
тот, кто есть!
А если ты прошёл
свои дороги,
И – ни страстей в тебе,
и ни идей…
То, как сказал один мудрец
убогий:
«Раз негде жить – живи
в сердцах людей».

НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

«РЫЗЫЛЫЩЫЫ»

Прыыбщыть к дылы.
Прысвыть грыф «Сыыыршынны сыкрытны».
Хрыныть ды ысыбыгы рыспырыжынъя.
Глывныь цынзыр
Дыпыртымынты грыммытыкы **Ы.Ы. Ъапкын**

Записка, доставленная в Администрацию почётным правоведом и хранителем памятников Нифонтом Янкиевичем Кубышкиным. Найдена машинистом времени Сергеем Сидоровым.

Всем, кому в руки попадёт эта записка!

Возможно, Вы читаете последний текст на нормальном русском языке.

Я, профессор филологии Збруев Иван Викторович, единственный из оставшихся в живых «руссоязов». Так именовали себя те, кто боролся за сохранение «Великого и Могучего» в классическом виде.

Боролись… Все мои соратники погибли. Я тоже пишу эти строки в осаждённом доме. Надеюсь успеть рассказать о том, что же произошло с нами.

На протяжении 100 лет шла острая полемика о том, нужны ли новации в грамматике, фонетике и правописании русского языка. До сих пор все конфликты не выходили за рамки академических аудиторий. Но в течение последнего года в политической жизни государства произошли некоторые изменения, и у горнила встали «сторонники простояза». Так мы назвали безумцев, призывавших к кардинальному упрощению нашего родного языка. Для начала ими были изданы указы, вводящие ограничения на выпуск книг и периодики в традиционном исполнении. В школах насаждалась так называемая новая программа обучения. И самое главное: было одобрено и внедрено принципиальное изменение алфавита. Отныне устранялись все гласные буквы. Вместо буквы Ё полагалось использовать Ъ. Й заменялась Ь (бедный Йорик), а функции остальных передавались букве **Ы**. На этом настояла та часть экстремистов, которая с упорством маньяков защищала «незаслуженно обиженные» (хотя бы потому, что с них не начинаются слова): Ъ, **Ы**, Ь.

Естественно, настоящие ценители и знатоки русского языка: учёные-филологи, прозаики, поэты, журналисты – да что там, все нормальные люди – воспротивились лингвистическому произволу. В ответ грянул террор. Любого, кто был уличён в симпатиях к традиционному языку, арестовывали и проводили лоботомию. Тех же, кто мог сочинять или обучать грамоте, прилюдно казнили.

Оппозиция ушла в подполье. Но и там нас настигало недремлющее око новой карающей структуры: Департамента грамматики. За несколько месяцев погибли или пропали без вести миллионы людей, читавших Толстого, Чехова, Булгакова, Бродского, переводы Гомера, Шекспира, Бальзака, Сент-Экзюпери и не пожелавших заучивать современный девиз государства: «Ды здрывствыыт нывыь ыпрыщънныь рысскыь ызык!»

Близок мой час. В двери уже ломятся служители истины **Ы**. И всё же надеюсь на разум грамотных людей. Может быть, мои записи сохранятся и помогут будущим исследователям понять наши ошибки и не допустить повторения сегодняшнего кошмара.

Я прощаюсь с вами, люди, спасите Великий и Могу…

(XXII вък)

ЗАПИСКА НА МАНЖЕТЕ

ПОДВАЛ «КЛУБА ДС»

Ветчина для холериков

Редактор одного журнала слыл большим любителем править чужие тексты. Причём он делал это, невзирая на качество и не глядя на подпись в конце материала. Однажды он также привычно взялся за очврк и практически переписал его заново. А дойдя до конца, узнал, что это было творение его… отца. И мне хочется многое в нашей жизни «отредактировать»…

У нас можно говорить что угодно, неизвестно зачем, почему и вдруг. И браться за такое, с чем лучше погодить или вообще delete. Пишется такой закон, от которого хочется колотить по кастрюле. Придумывается столько выходных, сколько не выпьешь. Узнаётся такое, от чего глаза на лоб лезут. Кстати, по мнению медиков, эта болезнь в отечественных условиях при отечественной же медицине практически неизлечима. Недуг развивается во время просмотра следующих сюжетов.

Выпуск новостей. Карта страны сверкает огнями. Повсюду – монетизация, девальвация, дебилизация. У парашютистки начались схватки в воздухе, прилетела – родила. Обрядили покойника, положили в гроб, оставили в лесу. Следователь брал взятки, деньги прятал в томик Уголовного кодекса. Украден железный забор больницы, сдан в металлолом, на вырученные деньги куплены лекарства для той же больницы. У древней старушки грабитель отобрал честь и десять рублей. Погода: мрачно и сыро вокруг. Всем инфаркт-привет.

Это, так сказать, мелочи жизни. Но в распухшую голову вбивают ещё нечто колюще-режуще-возбуждающее: кого и за что грохнули, где и в какой форме изнасиловали. Часто случается, что в милицейской…

…Бледнеем, однако внимаем. Впрочем, у многих восприятие проходит гладко, почти без судорог. Лично видел, как мужчина скупил в киоске весь печатный криминал – десяток газет, журналов и стопу книжонок по теме. Причём читатель по облику отнюдь не душегуб, а даже наоборот. И впрямь: что ж тут такого? Всего-то – фрагменты тел в перерывах дел…

Однако то, что нам привычно, иностранцу, как известно, сущая гибель. Или её предвестница. Студентам Ноттингемского университета для опыта дали посмотреть выпуск новостей из России. И за четверть часа студенты так навпечатлялись, что одни потом ударились в депрессию, иные разъярились, других кинуло в дрожь, а прочие и вовсе тронулись умом. Правда, на время. Потому что больше смотреть, то бишь экспериментировать над собой, нежные англичане отказались. Ну и бог с ними, а мы поглядим и послушаем дальше…

Аналитическая программа. Крупным планом те, кто придумывает, но не думает. Ответственности нет, но много ответственных лиц. Говорят: давайте сделаем так, потом посмотрим, что из этого выйдет. Им не возражают, но они настаивают. Сделаем всё равно, даже если ничего не получится. Будем учить других на собственных ошибках. Запустим – закон, ракету, проект – потом узнаем, куда и во что попали. Ничего страшного, если не туда или вообще не попали. В другой раз точно всё удастся.

Реклама. Товары в яркой упаковке. Ветчина для холериков, конфеты для сангвиников, пиво для больных псориазом. Вместительные украинские оранжевые палатки, изящные российские полочки для хранения зубов с автографом министра социального развития.

Документальный фильм. Камера наезжает на тех, кто был ничем, но стал всем. В кадре – люди с кувалдами, напряжённо думающие. Интервью с желающими ещё что-нибудь порушить и что-то на этом месте возвести. Мнения специалистов: эффект будет такой-то и такой-то. Прогнозы утверждаются, но не подтверждаются. Однако крыша уже поехала.

Ток-шоу. Ведущие с нецензурным выражением лица. Все знают, что лучше всего хранить деньги в банке – но в какой: трёхлитровой или в швейцарском? У сумасшедших – мания, у судей – мантия величия. Что полезнее? Закладывается хорошая мина при плохой игре. Уцелевших просим не беспокоиться. Участники ток-шоу по свистку ведущего стригут купоны и рвут когти.

Передача прерывается, диктор сообщает о трагическом происшествии: молодая женщина заблудилась в тёмном валютном коридоре…

М. ТЕЛЕВИЖН

Под патронажем Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации и Торгово-промышленной палаты России

национальная премия в области бизнеса
Компания года

ОАО Авиационная компания
ТРАНСАЭРО
АВИАКОМПАНИЯ
признана лауреатом премии 2004 года
в номинации
транспорт

РосБизнесКонсалтинг

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» распространяется на бортах авиакомпаний
AEROFLOT Russian Airlines — BRITISH AIRWAYS ТРАНСАЭРО АВИАКОМПАНИЯ JAL JAPAN AIR LINES

Розничное распространение за рубежом: в Европе и Сев. Америке – W.E. Saarbach GmbH; в Израиле – Издательский дом «Новости недели».

ЦЕНА В РОЗНИЦУ В РОССИИ И СТРАНАХ СНГ ДОГОВОРНАЯ

ISSN 0233-4305